

ЦЮЮ : СТРЕЛАТЕЛЬ ЖЕ СТРЕЛЫ , ЛЮБОВЬ БИТЬ : ЛЮБОВЬ ЖЕ
БГА БЫТИ ТЪ СТЪГОВ ПИСАНІА НАВЪНХОМЕА , НІЖЕ НІЗБРАННОЮ

Владимир КУКОВЕНКО

КАК

ПОДМЕНИЛИ

ПЕТРА I

Испыталъ чистое вѣрцѣ , бѣолюбиваго , и бѣощедротнаго
оутрѣва , цѣлоумраго во вѣгѣхъ алезіа , человека бжїа ,
нїже такъ бѣолюбивый патріархъ абраамъ , бѣгохотнѣ
принесе жѣртвѣ , волюбленнаго сына ісаака тѣ обѣтованїа
едїца : такъ бѣгохотнѣ дѣа сокрдїшенна , всемїомѣ бѣ
жѣртвѣ принесе , по апїкомѣ словѣ , бжѣтвеннаго апла
павла глагола : Оумолаю оубѣ васъ братїе , чрезъ
щедроты бжїа , представити тѣблїа ваша , жѣртвѣ
живншѣ , етѣ , бѣгобогнѣ бѣ , словеннѣо сдѣже

Владимир
КУКОВЕНКО

КАК ПОДМЕНИЛИ ПЕТРА I

ГЛА

оутр
нїже
прин
едїца
жѣрт
павл
щед
живн
ваш
блго
прест
бго
хрт
ше
дше
пол
скр
кто
везд
евл
люб
енѣ
во
оук

300 Д- НИ
СНИА- 4
КСЛО- 4
ЮТКО- СС
ЮТА- МВ
З ВР- ПО
В ПС- МД
ПРО- РС
КСС- В Г
ОТ- МИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ **С**енсации

определенный срок варгтайм го коммуцты министерства.

a

Владимир КУКОВЕНКО

**КАК
ПОДМЕНИЛИ
ПЕТРА I**

Москва
алгоритм
2011

УДК 94(47)
ББК 63.3
К 89

Куковенко В.
К 89   Как подменили Петра I / Владимир Куковенко. — М. :
Эксмо : Алгоритм, 2011. — 256 с. — (Исторические сенса-
ции).

ISBN 978-5-699-46857-7

Царь Петр — «первый революционер на троне» — был великий разрушитель национального уклада страны, символ неумного, поспешного и чрезмерно жестокого в своем нетерпении стремления во всем подражать Западу. Пушкин, приступая в 1831 году к написанию «Истории Петра I», был полон бурного восторга и хотел восхвалить самодержца, как это он сделал в поэмах «Полтава» и «Медный всадник», но более тщательное знакомство с деяниями царя-реформатора не оставило от этого восторга и следа: Пушкин возненавидел Петра и называл его не иначе как протестантом, тираном и разрушителем России.

Зададимся неожиданным вопросом: а был ли Петр I русским человеком?

Вопрос этот не столь абсурден, как кажется на первый взгляд. И задавать его впервые стали не сейчас, а более трехсот лет назад, но большей частью шепотом. Со страхом и смятением в сердце, глядя на странные причуды и страшные забавы царя, русские люди почувствовали смутное подозрение: немцы царя подменили!..

УДК 94(47)
ББК 63.3

ISBN 978-5-699-46857-7

© Куковенко В., 2011
© ООО «Алгоритм-Издательство», 2011
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2011

Часть 1

ТАЙНА ЦАРСТВЕННОГО ПЛОТНИКА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вопрос о личности Петра I и значении его реформ для исторического становления России давно стал краеугольным камнем и даже некой пограничной линией в мировоззрении, непримиримо разделяющей западников и сторонников исконно русского пути развития страны. Если первые видят в Петре государственного деятеля огромного масштаба, давшего России науку, развитую промышленность, регулярную армию, флот, культуру Европы и тем самым спасшего страну от неизбежной гибели в том историческом тупике, куда она невольно зашла, придерживаясь политической и культурной самоизоляции, то для других Пётр — столь же великий разрушитель национального уклада страны, символ неумного, поспешного и чрезмерно жестокого в своем нетерпении стремления во всем подражать Западу.

В этом отношении очень примечательны петровские указы о введении в России европейского платья — башмаков, чулок, коротких кафтанов, париков... Для тех, кто эти указы не выполнял, предусматривались и кнут, и каторга, и зачисление в солдаты, и даже смертная казнь! Можно ли в этих крайне неразумных и крайне унижительных для целой нации указах видеть движение «от небытия к бытию» (так характеризовали

всю деятельность Петра его восторженные сторонники), ощущать в них гениальный дух «великого человека» (слова историка С.М. Соловьева)? Более видится в них нелепая и мелочная вздорность посредственности, потерявшей голову от собственной всемогущей власти.

Но эта вздорность обернулась для России подлинной трагедией, так как расправы за несоблюдение этих указов были воистину драконовские. Именно из-за них вспыхнул народный бунт в Астрахани в 1705 г. Несколько позднее Петр смягчил эти требования и позволил русскому человеку, уплатив определенный налог, ходить в привычной для него одежде и даже оставаться при бороде. Но это послабление было вызвано более корыстными интересами, чем уважением к собственному народу.

Особо надо сказать о том впечатлении, которое производит Петр I своими деяниями. Любой человек, поверхностно знакомый с эпохой царя-реформатора, невольно испытывает к его деятельности восторженный интерес и симпатию: гром побед, выход к морям, российские гордые вымпелы на бурных волнах, развитие науки, промышленности и искусства, широко распахнутые в Европу окна и двери...

Но стоит пристальней и глубже взглянуть на события «тех славных дней», как симпатия к царю сменяется на чувства едва ли не противоположные. Так, Пушкин, приступая в 1831 году к написанию «Истории Петра I», был полон бурного восторга и хотел восхвалить самодержца, как это он сделал в поэмах «Полтава» и «Медный всадник».

Но более тщательное знакомство с деяниями царя-реформатора не оставило от этого восторга и следа: Пушкин возненавидел Петра и называл его не иначе как протестантом, тираном и разрушителем. И у него уже не было желания слагать хвалебные песни в честь

той поры, когда «Россия молодая мужала гением Петра». Задуманная поэтом книга так и не была написана.

Польский историк Казимир Валишевский в творческом и эмоциональном аспекте почти буквально повторил путь Пушкина — от восторга к глубокому разочарованию. Начав писать свой труд о Петре с твердой убежденностью в его гениальности и особой исключительности его деяний, он, по мере изучения исторических материалов, заметно охладел к своему герою, его сподвижникам и его преобразованиям. И хотя книга о Петре была дописана, но многие неприглядные факты из жизни русского царя, опустить которые автор не мог, не ставя под сомнение свою объективность, серьезно исказили первоначальный замысел. После прочтения этой книги перед читателем предстает не герой, как хотелось того Валишевскому, а довольно посредственный государь, бездарный полководец, сомнительный преобразователь и в высшей степени безнравственный человек.

Не жаловали Петра и первые российские историки — М.М. Татищев и Н.М. Карамзин, плохо относился к нему и последний русский император Николай II, отдавая предпочтение отцу Петра, царю Алексею Михайловичу, как разумному правителю, осторожному в своих нововведениях.

Но, с другой стороны, можно назвать длинный ряд имен тех, кто относился и продолжает относиться к Петру I с особым чувством искреннего восхищения и уважения: Г.Р. Державин, С.М. Соловьев, В.И. Буганов, Н.И. Павленко. Для них его заслуги перед Россией и историей неоспоримы.

Но не будем углубляться в эти почти трехвековые споры историков, а зададимся иным, несколько неожиданным вопросом: был ли Петр I русским человеком?

Вопрос этот не столь абсурден, как кажется на первый взгляд. И задавать его впервые стали не сейчас, а более трехсот лет назад, но большей частью шепотом. Со страхом и смятением в сердце, глядя на странные причуды и страшные забавы царя, русские люди почувствовали смутное подозрение...

1

«НЕПРИСТОЙНЫЕ РЕЧИ» О РОССИЙСКОМ ГОСУДАРЕ

Петровские времена памяты не только реформами, созданием армии и флота, изнурительными войнами, но и многочисленными кровавыми казнями стрельцов, старообрядцев и иных людей, противящихся необдуманной и излишне жестокой «европеизации» России.

Среди этих многочисленных государственных преступников (преступников ли?) можно выделить наиболее безобидных из них, но которых почему-то преследовали с особой настойчивостью и предавали самым мучительным казням. Это были те, кто говорил «непристойные речи» о государе-реформаторе или же слушал их, но не доносил правительственным органам. Вначале такими людьми занимался приказ Тайных дел, но впоследствии, из-за увеличения подобных дел, был создан особый Преображенский приказ тайных дел, во главе которого стоял печально знаменитый «князь-ке-сарь» Федор Юрьевич Ромодановский.

За «непристойные речи» против государя секли кнутом, пытали, резали языки и рвали ноздри, клеймили, казнили лютой казнью, отправляли на каторгу и в ссылку, отдавали в солдаты. Но до самой смерти Пет-

ра эти «речи» все множились и с упорной настойчивостью повторялись русским народом, видевшим в царе не отца нации, а жестокого тирана, обрекшего своих подданных на многочисленные и, главное, бессмысленные страдания.

Так что же непристойного говорил русский народ о своем благоверном царе-батюшке?

Говорили разное. Религиозно и мистически настроенные люди видели в Петре антихриста и, воспламенившись фанатичной верой, всенародно проповедовали об этом. Книгописец Григорий Талицкий написал и даже издал книгу, в которой доказывал дьявольскую природу Петра ссылками из Апокалипсиса. Он предложил целую программу сопротивления царю-антихристу: следовало, прежде всего, прекратить платить налоги и подати, отказаться от выполнения государственных повинностей, упорно отвергать все нововведения. Кроме этих пассивных мер Талицкий предлагал и активные: стрельцы со всего государства должны были собраться в Москве и свергнуть ненавистного царя.

За это сочинение Талицкий был предан мучительной казни: вначале его «коптили» над огнем, а потом четвертовали. Но даже и такие жестокие меры не помогли — «непристойные речи» о том, что на троне сидит антихрист, повторялись повсеместно.

Но чаще всего русский народ говорил о том, что царя подменили. И эти слухи упорно держались и среди аристократов, и среди духовенства, и среди крестьян. Вся Россия на разный лад говорила о подмене. Вот несколько примеров таких толков.

Неизвестный собеседник крестьян Семенова и Ветчинкина утверждал, что Петр не настоящий царь, а немец, Лефортов сын, в доказательство чего приводилось введение в стране немецкого платья.

Монах Чудова монастыря Феофилакт говорил следующее: «Государь де не царь и не царского поколения, а немецкого... Когда были у государыни царицы Натальи Кирилловны сряду дочери, и тогда государь, царь Алексей Михайлович, на нее, государыню царицу, разгневался: буде ты мне сына не родишь, тогда де я тебя постригу. А тогда де она, государыня царица, была чревата. И когда де приспел ей час родить дочь, и тогда она, государыня, убоясь его, государя, взяла на обмен из немецкой слободы младенца мужеска пола из Лефортова двора...»

Крестьянка Арина в 1716 году поведала такую легенду о Петре: «Государь не русской породы и не царя Алексея Михайловича сын, взят во младенчестве из немецкой слободы у иноземца на обмен. Царица де родила царевну и вместо царевны взяла его, государя, а царевну отдали вместо ево».

В 1701 году крепостной крестьянин Ф. Степанов, слушая жалобы односельчан на тяжелое положение, заявил, что «государя де на Москве нет. Семь лет в полону, а на царстве сидит немчин. Вот де тысячи с четыре стрельцов порубил. Есть ли б он был государь, стал ли б так свою землю пустошить?»

Ржевская крестьянка Анна говорила мужу в 1703 году: «Это де не наш царь. Это де немец. А наш царь в немцах, в бочку закован да в море пущен».

Белевский крестьянин Григорий Анисифоров говорил в 1705 году: «Нашего государя на Москве нет. Это де не наш царь, то де басурман, а наш царь в иной земле, засажен в темницу».

Говорили о подмене русского царя и иностранцы. Маримьяна Андреевна Полозова, повивальная бабка, рассказывала писарю Козьме Бунину, пригласившему ее на роды своей жены: «Муж мой покойный был на службе в Архангельске, и жила я с ним в том городе лет

тому тринадцать (в 1710 г.), хаживала для работы к англичанину Матиасу. Прихаживали к Матиасу иноземцы и разговаривали то по-немецки, то по-русски. «Дурак де русак! — говаривал бывало англичанин, — не ваш де государь, а наш! Вам (русским) нет до него дела!».

Говоря о подмене государя, Маримьяна пояснила, что «не только де я ведаю, ведают де и многие господа и другие, но не смеют о сем говорить. Еще ж де, когда я была у города Архангельского, сказывал де мне иноземец с клятвою, что сей царь подлинно наш (т.е. иноземец) природный, и посмотри де, какая от него нам будет милость».

Стоит обратить внимание на одну интересную деталь. «Непристойные речи» о государе русский народ стал говорить не со дня его рождения, а значительно позднее. В 1691 году — этот год следует запомнить! — боярин князь А.М. Голицын был лишен боярства и записан в «боярские дети» «за многие неистовые слова» против царя. Его теща А. Хитрово была сослана в монастырь, ее братья Степан и Алексей Собакины были лишены звания стольников и сосланы в свои вотчины. Надо сказать, что стольники были наиболее близкие к царю люди, руководившие различными дворцовыми службами и имевшие наиболее полные сведения о дворцовых делах. Что же такое знали Собакины, что их вместе с ближайшими родственниками отправили в опалу?

В этом же году от двора был удален и другой стольник, П. Неплюев. Вместе с ним в опалу были удалены его брат и зять.

В 1694 году в Преображенском умирает от пыток Петр Абрамович Лопухин Большой, родственник супруги Петра, царицы Евдокии. Дело его не сохранилось, но по записям современников явствует, что он навлек на себя недовольство царя во время Кожуховского по-

хода¹, высказав какое-то неприятное ему мнение. Что же это были за слова, из-за которых виновного подвергли смертельным пыткам?.. Как кажется, это и были первые «непристойные речи». Не мог ли Лопухин усомниться в подлинности Петра? Именно после этой казни и был учрежден Преображенский приказ тайных дел и начал свою неутомимую кровавую работу, которая продолжалась полных три десятилетия, до кончины Петра.

В самом начале 1695 года в приказе уже разбирается следующее дело — боярина Кондырева, резко осуждавшего царя. И год от года количество таких дел все увеличивалось — «непристойные речи» повторяла вся Россия.

Историкам XVIII—XX вв. эти дела Преображенского приказа были известны, но никогда не подвергались серьезным исследованиям. Одни, очарованные величием царя-преобразователя, относили эти слухи на счет бессильной ярости невежественных его противников из среды церковников и стрельцов. Другие не решались поднимать эту тему, поскольку всегда она шла вразрез с доминирующей официальной концепцией исторического значения Петра. К тому же в XVIII—XIX вв. признание Петра I «подмененным» ставило под сомнение легитимность правящей династии Романовых. В XX веке Петр попал под покровительство советской государственной идеологии и стал историческим столпом России. В этих условиях было бы безрассудно касаться подобного вопроса.

В силу этого слухи о подмене царя так и не были признаны официальной исторической наукой хотя бы как версия и были отнесены к разряду, пусть и массовых и устойчивых, но все же невежественных и вздорных народных сплетен.

---

¹ *Кожуховский поход* — большое учение потешных и стрелецких войск, состоявшееся осенью 1694 года.

Писали о подмене царя и иностранцы и даже называли возможных кандидатов на роль двойника. Но эти сочинения никогда на русский язык не переводились и в России не издавались. Тем самым подчеркивалось пренебрежительное отношение к ним, как измышлениям самого низкого рода. Поэтому проанализировать их или же дать некоторые выдержки из этих сочинений не представляется возможным.

Казимир Валишевский также считал подмену Петра выдумкой. «Нет ничего удивительного, — замечает он, — что легенда задумала превратить его в подкидыша, сына родителей-иностранцев: настолько сильно и во всех отношениях не подходит он к той среде, в которой родился! Он был свободен от всяких предрассудков, а его москвичи были полны ими; они были религиозны до фанатизма, он — почти вольнодумец; они опасались всякого новшества, он неустанно стремился к всевозможным нововведениям; они были фаталисты, он — человек инициативы; они стойко держались за внешность и обрядность, он доводил в этом отношении свое пренебрежение до цинизма; и наконец, и в особенности, они — вялые, ленивые, неподвижные, словно застывшие от зимнего холода или заснувшие нескончаемым сном, он — сторающий, как мы видели, лихорадкой деятельности и движения, насильственным образом заставляющий их очнуться от их оцепенения и спячки ударами палки и топора».

И хотя в приведенном отрывке Валишевский довольно эмоционально признает резкое отличие Петра от типичного русского человека того времени, но в дальнейшем он с такой же страстью доказывает, что Петр — типичный сын своего народа. Поэтому едва ли стоит серьезно относиться к этому, более художественному, чем научному, исследованию польского историка. Для нас важно то, что Валишевский все же не обходит

молчанием некоторые устойчивые слухи относительно происхождения Петра, а пытается — пусть и кратко — найти им правдоподобное объяснение. Правда, применяет он при этом весьма странные логические построения: хотя ничего русского в Петре нет, все равно он для Валишевского самый русский человек!

Но, несмотря на то что версия подмены полностью отрицается многими историками, трудно согласиться с тем, что подобные слухи являлись всего лишь сплетнями. Слишком много в жизни Петра темных пятен, непонятных и необъяснимых поступков, слишком явно он презирал собственный народ и веру предков, слишком откровенно тянулся ко всему иностранному. Хотя и живем мы сейчас во времени со стертым понятием национальной и исторической идентичности, но все же подобное поведение настораживает нас, когда вдруг обнаруживается у высших государственных лиц. Тем более подобное поведение заставляло задумываться современников Петра I и искать тому разумные объяснения.

Попробуем беспристрастно разобраться в этом вопросе и выяснить, что же заставило русский народ сомневаться в подлинности своего царя.

2

ДЕТСТВО ПЕТРА

Царь Алексей Михайлович (1629—1676) был женат дважды. Первая его жена, Марья Ильинична Милославская, родила ему четырнадцать детей. Но из этого большого потомства выжили лишь четыре мальчика и пять девочек. Кроме печали по умершим детям еще одна забота угнетала сердце царя — у него не было

достойного наследника. Если дочери росли крепкими, то сыновьям Тишайшего (так прозвали современники Алексея Михайловича) были болезненными и слабыми. Один из них, Федор, был «скорбен ногами»¹ и с трудом ходил, другой, Иван, был «скорбен головою», т.е. страдал помешательством ума², два других, Алексей и Симеон, также не отличались здоровьем.

В феврале 1669 года царица Марья Ильинична родила очередную дочь, которую нарекли Евдокией. Царственный младенец умер спустя несколько дней после рождения, и вслед за ним, в марте, умерла и царица. Но на этом несчастья царской семьи не кончились. Через три месяца скончался четырехлетний Симеон, через полгода умирает шестнадцатилетний Алексей, перед этим объявленный наследником престола.

Над династией Романовых нависла реальная угроза пресечения рода. И Алексей Михайлович, желая иметь здорового сына и продолжателя царственного рода, женится во второй раз, избрав в супруги дочь Кирилла Полуэктовича Нарышкина, человека незнатного, мелкого дворянина из-под Смоленска. По отзыву князя Б.И. Куракина, человека тонкой наблюдательности, но необычайно желчного и едкого в своих характеристиках, в будущем одного из самых выдающихся русских дипломатов, Наталья Кирилловна Нарышкина была красавица «доброго темпераменту, доброжелательного, токмо не была не прилежная и не искусная в делах и ума легкого».

---

¹ Болезнь Федора, вопреки распространенному мнению, не была наследственной и развилась в детстве из-за повреждения спины при падении с лошади.

² Хотя официальная история признает Ивана идиотом, но, видимо, это не совсем верно. У него было здоровое потомство (три дочери: Екатерина, Анна и Прасковья), причем средняя его дочь, Анна Иоанновна, даже была избрана русской императрицей и правила Россией в течение десяти лет.

Молодая, пышущая здоровьем царица 30 мая 1672 года родила сына, которого крестили 29 июня в Чудовом монастыре и нарекли Петром.

Три дня по поводу рождения наследника российского престола служили благодарственные молебны, стреляли из пушек. Исполненный новыми надеждами царь жаловал своих ближних людей, прощал казенные долги, отменял и смягчал наказания преступникам, а после крестин дважды угощал в своем дворце сановников и выборных людей из Москвы и других городов, приехавших с дарами. Теперь царю Алексею Михайловичу перспективы продолжения династии виделись не столь мрачными.

Первые годы свои Петр прожил беззаботно и как только вступил в тот возраст, когда его стали занимать игры, отец окружил сына «робятками», мальчиками из ровесников и постарше, набранными из знатных родов. Они составили первый полк Петра, и с ними он играл в «военное дело».

29 января 1676 года Алексей Михайлович неожиданно скончался. На престол взошел болезненный Федор Алексеевич, которому было к тому времени неполных четырнадцать лет. Нарышкиных и их сторонников отодвинули в тень. Боярин Артамон Сергеевич Матвеев, воспитатель царицы Натальи Кирилловны и ее ближайший советник, бывший первый министр государства при Алексее Михайловиче, был отправлен в ссылку.

Но эти внутриворцовые интриги в малой степени коснулись самого Петра. Новый царь Федор Алексеевич был не только его старшим братом, но и крестным отцом, поэтому и проявил заботу о маленьком крестнике. Он оставил Петра и его мать в Кремле, где они продолжали прежнюю жизнь.

Продолжились и военные потехи царевича, но к ним прибавились новые заботы — учеба. Петру, ко-

тому тогда шел шестой год, был назначен в учителя Никита Моисеевич Зотов¹, подьячий (мелкий чиновник) из приказа Большой казны, ведавшего сбором доходов и пошлин. Упоминается в документах и другой учитель Петра, Афанасий Нестеров. Но о нем, кроме имени, практически ничего не известно. Поэтому историческая традиция связала раннее обучение Петра исключительно с именем Зотова.

Зотов был человек тихий, трезвый и богобоязненный, учил Петра азбуке, письму, читал с ним часослов и псалтырь, евангелие и апостол. Пристрастился царевич и к книжкам с «кунштами» (картинками), в том числе и к историческим сочинениям, скорее всего летописям. Зотов показывал ему рисунки, давал пояснения о событиях времени Владимира Святого, Александра Невского, Дмитрия Донского, Ивана Грозного. Рассказывал Зотов и о царствовании Алексея Михайловича, отца царевича, при котором также случались события примечательные и важные: присоединение Украины, война с Польшей и Швецией.

27 апреля 1682 года царь Федор Алексеевич умер. И на престол были возведены оба брата: шестнадцатилетний слабоумный Иван, сын от Милославской, и десятилетний Петр, от Нарышкиной. Но реальная власть оказалась в руках Софьи Алексеевны, умной и честолюбивой дочери Алексея Михайловича от Милославской. Ее правление продолжалось семь лет. И все эти годы

---

¹ Зотов Никита Моисеевич (1647—1718). Будучи подьячим, Зотов в период малолетства Петра был назначен ему в учителя, так как был «тихим и не из бражников». Став царем, Петр сделал своего учителя главой всех российских «питухов», т.е. пьяниц, возведя его в шутовской чин «князь-папы», «патриарха всешутейшего и всепьянейшего собора» — своеобразной компании близких Петру людей, собиравшихся на дружеские пирушки. Зотов был тайным советником, генерал-президентом Ближней канцелярии, главой Печатного приказа, с 1710 года — граф.

Иван и Петр оставались номинальными царями, которым отводилась главная роль лишь в церемониях приема послов и церковных шествиях.

Петр и его мать до серьезных дел не допускались и в государственной политике особого участия не принимали. Они даже оказались в ссылке в селе Преображенском, которое и стало их резиденцией. Но вряд ли подобное положение дел тяготило Петра — он с увлечением занимался военными играми, и число его потешных продолжало увеличиваться.

Хотя Куракин и отметил в своих записках, что опальная царица-вдова «жила тем, что давано было от рук царевны Софьи», имея в виду скудость содержания юного царя Петра; это свидетельство несколько пристрастно. Того, что «давала» Софья, вполне хватало не только на содержание двора царицы, но и на расширение военных потех Петра.

Его товарищи детских игр вырастали вместе с ним, и с годами их забавы принимали все более серьезный характер: деревянные ружья и пушки сменились на настоящие, потешные «робятки» были все одеты в военную форму европейского образца, имели собственный двор, управление, казну, конюшни и прочие службы, необходимые большому армейскому подразделению.

Число потешных вначале возросло от нескольких десятков до двух батальонов, а вскоре и до двух полков, в которые набирались не только родовитые подростки, но и конюхи, сокольники из служб покойного царя Алексея Михайловича и просто холопы из окрестных сел. Все они прошли хорошую армейскую школу в потешных полках: строили военные укрепления, такие, как знаменитый потешный городок Прешбург, рыли окопы и апроши, упражнялись в маневрах, атаках и штурмах, пушечной и ружейной стрельбе. Эти забавы обходились недешево. Видимо, Софья, вопреки от-

зывают Куракина, не была скупа к брату и щедро оплачивала его причуды.

В записках иностранцев, посещавших Россию в то время, сохранилось и описание юного царя. Весьма примечательны в этом отношении записи Кемпфера, секретаря шведского посольства, которого Петр поразили и своей живостью, и своей внешностью:

«В приемной палате, обитой турецкими коврами, на двух серебряных креслах под святыми иконами сидели оба царя в полном царском одеянии, сиявшем драгоценными камнями. Старший брат, надвинув шапку на глаза, опустив глаза в землю, никого не видя, сидел почти неподвижно; младший смотрел на всех; лицо у него открытое, красивое; молодая кровь играла в нем, как только обращались к нему с речью. Удивительная красота его поражала всех предстоявших, а живость его приводила в замешательство всех степенных сановников московских. Когда посланник подал верящую грамоту и оба царя должны были встать в одно время, чтобы спросить о королевском здоровье, младший, Петр, не дав времени дядькам приподнять себя и брата, как требовалось этикетом, стремительно вскочил со своего места, сам приподнял царскую шапку и заговорил скороговоркой обычный привет: «Его королевское величество, брат наш Карлус Свейский, по здорову ль?»

К сожалению, точное датирование времени приезда шведского посольства в Москву у современных историков вызывает затруднение. Так, Панченко относит это событие к 1683 году, Буганов, еще один исследователь истории царствования Петра I, — к 1687-му, Устрялов, историк XIX века, — к 1682-му, и добавляет, что Кемпфер видел Петра на второй день по воцарении.

Надо отметить одну существенную деталь. Кемпфер в своих записях упомянул, что Петру в это время было не меньше шестнадцати лет. Но если датиров-

ка Устрялова верна, то ему исполнилось всего десять! Трудно поверить, что можно так ошибиться в оценке возраста и принять мальчика за юношу. Что явилось причиной такой ошибки — плохое освещение приемной палаты, высокий рост Петра или, в самом деле, он выглядел значительно старше своего возраста? Именно с последним и соглашается Устрялов, добавляя о Петре: «Он рос не по дням, а по часам».

Подобные разночтения не дают возможности уверенно судить, описан ли здесь Петр мальчиком или уже юношей. Но портрет московского царя у Кемпфера получился весьма ярким и впечатляющим. Легко представить такого Петра, порывистого и стремительного, среди штурмов и атак потешных учений.

3

ШОТЛАНДЕЦ МЕНЕЗИС — ПЕРВЫЙ ВОСПИТАТЕЛЬ ПЕТРА

В предыдущей главе уже говорилось о том, что, по мнению многих историков, единственным учителем Петра в его детских годах был подьячий Никита Моисеевич Зотов. Но, на самом деле, вопрос этот настолько запутан, что нельзя с уверенностью сказать, был ли Зотов первым учителем. Н.И. Павленко в своей книге «Петр Великий» по этому поводу пишет следующее: «В конце 1679 г. к Петру были приставлены «дядьки» — главные лица среди педагогического персонала — боярин Родион Матвеевич Стрешнев и стольник Тимофей Борисович Юшков.

Достоверными сведениями о времени, когда Петра начали обучать грамоте, историки не располагают. Одни считают возможным вести начало его обучения с

1675 г., другие — с 1677-го, третьи — с конца 1679 г. Не известна и фамилия первого учителя Петра. Хрестоматийную известность в этом качестве приобрел Никита Моисеевич Зотов, но документальные данные подтверждают, что он к этим обязанностям мог приступить не ранее 1683 г.»

Таким образом, с вопросом обучения Петра в исторической науке сложилась довольно неопределенная картина: известны «дядьки», отвечающие за воспитание царевича, но не известны воспитатели. Если и в самом деле Зотов и Нестеров приступили к своим обязанностям в 1683 году, когда Петру было уже одиннадцать лет (и он уже был избран царем), то кто же воспитывал царевича до этого времени?

По этому поводу можно сделать некоторые предположения, основываясь на свидетельстве одного иностранца, оставившего любопытные записки о Московском государстве конца XVII века.

Французский королевский агент Невиль, посетивший Россию в 1689 году, в своей книге, изданной после этого путешествия, упоминает о Павле Гавриловиче Менезисе, служившем в это время в Смоленске в звании генерал-майора. Восхищаясь познаниями Менезиса в иностранных языках, его умением обходиться с людьми, Невиль упоминает о том, что этот генерал-майор пользовался особым доверием царя Алексея Михайловича и был назначен воспитателем к царевичу Петру. Сведений об этом факте в русских исторических документах не сохранилось, поэтому многие историки с сомнением относятся к известию Невилля.

В 1906 г. вышла в свет книга Н.В. Чарыкова «Посольство в Рим и служба в Москве Павла Менезия», в которой по архивным материалам прослежен жизненный путь этого незаурядного человека. И хотя автор не смог найти прямого документального подтверждения

того, что Менезис являлся воспитателем Петра, многие детали, подробно и критически рассмотренные им, указывают именно на это. Основной вывод книги — Невиль сообщил реальные факты, к которым следует отнестись с доверием.

Доводы Чарыкова весьма убедительны, поэтому стоит только сожалеть, что его точка зрения на этот вопрос до сих пор не учтена в исторических исследованиях. Она могла бы основательно изменить наши представления о юном Петре. Стараниями отечественных историков и писателей создан популярный миф о том, что в детстве Петр был пусть и живым, и любознательным, но малограмотным ребенком, едва умеющим писать и совершенно не знакомым с самыми элементарными грамматическими правилами. И подтверждение тому — ученические тетради и юношеские письма Петра, написанные рукой, едва владеющей пером, и переполненные чудовищными ошибками. Историки единодушны в том, что причина подобной безграмотности заключалась в невежественном окружении и невежественных учителях юного Петра.

Но факты, тщательно собранные в книге Чарыкова, убедительно говорят о другом: Петра в детстве окружали очень грамотные люди, благодаря которым он мог получить если и не блестящее, то достаточно хорошее для своего времени образование! Как же согласовать эти противоречия? И почему во всех сохранившихся документах, написанных рукой Петра, нет и намека на эту возможную образованность?..

К этому вопросу мы вернемся несколько позднее, сейчас же ответим на другой: кто такой Павел Менезис и чем он заслужил чести состоять воспитателем при Петре?

По царскому распоряжению, отданному Алексеем Михайловичем перед смертью, обучение Петра и его

«потешных робяток» воинскому делу и воинской дисциплине было поручено иноземцу Павлу Гавриловичу Менезиусу, который происходил из аристократического шотландского рода, исповедавшего католицизм. Его отец, Гильберт, служил королю Карлу I. После победы Кромвеля семья Менезисов нашла приют во Франции, перебравшись впоследствии во Фландрию. Здесь Павел пять лет учился в шотландской иезуитской коллегии в городе Дуэ. Поскольку он был младшим сыном в семье, то не мог рассчитывать на значительное наследство и вынужден был сам заботиться о своем будущем. Младшие сыновья шотландских аристократов, как правило, счастье искали на военной службе в различных королевствах Европы. Так же поступил и Павел Менезис: после окончания своей учебы он отправился в Польшу, где служило много его соотечественников, и записался в королевские войска.

Но вскоре обстоятельства вынудили его искать новое место службы — он убил на дуэли полковника литовской армии, с женой которого состоял в амурной связи. Это заставило его покинуть королевство и искать счастья в России. Вместе с шотландским полковником Кроуфордом капитан Менезис и его родственник Патрик Гордон 26 июня 1661 года выехали из Варшавы и через несколько недель были уже в Москве.

После испытания в воинском мастерстве и представления царю Менезис был направлен на службу в Смоленск в должности капитана пехотного полка. Вскоре он получил и майорское звание. В Москве Менезис женился на немке (имя ее не известно) из Немецкой слободы. Семья вместе с ним переехала в Смоленск.

Во время своей службы в Смоленске Менезис сдружился со стрелецким полковником Кириллом Полуэктовичем Нарышкиным, будущим тестем царя Алексея Михайловича. Сблизился Менезис с Нарышкиным и в

силу того, что брат Кирилла, Федор Полуэктович, был женат на Евдокии Петровне Гамильтон, шотландке по происхождению, принявшей православие. Эти Гамильтоны приходились родственниками Менезису. На другой Гамильтон, Евдокии Григорьевне, был женат любимец царя Артамон Сергеевич Матвеев, глава Посольского приказа, рейтарский полковник и воспитатель Натальи Кирилловны, будущей царицы. Эта дружба и причудливые родственные связи способствовали тому, что впоследствии Менезис стараниями своих друзей и родственников был приближен к царю.

В 1667 году Менезис был послан в Швецию для найма горнорабочих. С поручением он справился, как видно, хорошо, чем и обратил на себя внимание. В 1671 году он выехал в Англию по случаю смерти своего отца. Посольский приказ, уже имевший возможность проверить деловые качества Менезиса в Швеции, на этот раз поручил ему сбор сведений о политических делах в Европе. Сохранившийся «опрос» Менезиса, который был произведен после его возвращения и на который он дал обстоятельные ответы, свидетельствует о том, что он и на этот раз весьма удачно справился с поручением. В скором времени Менезису представилась возможность участвовать и в более серьезных дипломатических делах.

В июле 1672 года огромная турецкая армия султана Магомета IV перешла Дунай и вторглась в пределы Польши. Уже в скором времени была взята крепость Каменец-Подольский, что открывало туркам путь не только на Львов и Варшаву, но и на Киев. Россия стала перед реальной угрозой кровавого османского нашествия.

Царь Алексей Михайлович, сознавая военную слабость России, решил обратиться к европейским государствам, надеясь найти среди них союзников и получить необходимую военную помощь. Менезис, как человек грамотный и опытный, хорошо знавший многие

европейские языки и имевший уже некоторые навыки общения с высокопоставленными государственными лицами, был срочно вызван в Москву и направлен в качестве посланника в Берлин, Дрезден, Вену, Венецию и Рим. Ему поручалось вручение грамот курфюрсту, царю, дожу и папе римскому от царя Алексея Михайловича с призывом составить антитурецкую коалицию.

Поездка Менезиса продолжалась с 20 сентября 1672-го по 28 марта 1674 г. Хотя, как считают историки, его миссия не была удачной, все же по возвращению он получил значительное повышение: будучи майором, был произведен сразу в полковники, с назначением в рейтарский полк. Денежное содержание кавалерийских офицеров было в два раза выше, чем пехотных, поэтому и в этом переводе видится особое расположение московских властей к Менезису. Вскоре его с сыном Томасом переводят в Посольский приказ.

Франц Лефорт, прибывший в Москву весной 1676 года, застаёт Менезиса уже весьма влиятельным человеком, ищет у него покровительства и так отзывается о нем в одном из писем: «Он человек очень важный, который говорит очень хорошо по-французски и первенствует во всем; он был в посольстве в Англии. Это лицо, оказавшее мне много покровительства».

Должно быть, в это время Менезис стараниями Нарышкина и Матвеева был замечен Алексеем Михайловичем, стал его любимцем и вскоре достиг довольно высокого положения при дворе. Царь полюбил этого ловкого, бывалого и умного человека, говорившего на многих европейских языках, пользовался он расположением и близких к царю людей, и нет ничего удивительного в том, что ему было поручено воспитание царевича Петра.

Чему же учил Павел Менезис будущего наследника престола?

В 1675 году Менезису было поручено Посольским приказом получение из Рима рисунков и гравюр с видами города и его достопримечательностей. Одновременно с этим Менезис составляет записку «О начале Рима и обыкности (обычаях) римских». Несомненно, что и рисунки, и письменные пояснения к римской истории предназначались для обучения царских детей. Скорее всего, именно Менезис, как человек, воочию видевший красоты и памятники Вечного города, вел уроки географии и истории, сопровождая их показом разнообразных гравюр. Но были у него и другие обязанности.

Юному царевичу Петру были сделаны луки, стрелы, деревянные топоры, сабли, знамена, барабаны и даже выточены деревянные пушки и другое игрушечное оружие. Количество этого «детского вооружения» говорит о том, что у Петра уже появились «робятки» для игр, которых ранние биографы Петра называют «Петровым полком». Вскоре их начали одевать в униформу — зеленые кафтаны с желтыми кушаками. Чарыков вполне резонно предположил, что этими военными играми занимались не мамы и няньки Петра, но Менезис, который и начал обучать этот детский полк военному строю и дисциплине.

Через некоторое время придворный столяр выточил Петру деревянные пистолеты и карабин с замками, а шорники пошили настоящее седло, которым седлали пока еще деревянную лошадку. Поскольку пистолеты и карабин были обязательным вооружением рейтар, т.е. тяжеловооруженной конницы, то можно предположить, что Менезис, как рейтарский полковник, знакомил царевича именно с этим родом кавалерии. Рейтары были привилегированным родом войск, и в них записывались аристократы и дворяне. Поэтому вполне уместным выглядит предположение о том, что царевич на-

чал свою «потешную службу» в этих престижных кавалерийских частях.

Можно предположить, что Петр под руководством Менезиса прошел хорошую школу верховой езды и был прекрасным наездником. Когда в 1689 году он был разбужен ночью в Преображенском известием о том, что стрельцы готовятся напасть на него, то вскочил в одной ночной сорочке на неоседланную лошадь и скрылся в ближайшей роще. После того, как слуги доставили ему седло и одежду, Петр всю ночь скакал к Троице-Сергиеву монастырю, чтобы в его стенах найти защиту от мнимой опасности. Вряд ли подобную скачку выдержал бы плохой кавалерист.

Стоит обратить внимание на то, что в отдельных исторических документах, к которым мы обратимся позднее, упоминается о том, что Петр в 1691 году командовал в потешных сражениях рейтарской ротой. Это еще раз подтверждает предположение, что первоначальную военную школу он прошел под руководством рейтарского полковника Менезиса и сохранил привязанность к этому роду кавалерии.

Но как широко образованный человек Менезис едва ли ограничил свою преподавательскую деятельность воспитанием у Петра и его потешных военных навыков и дисциплины. Он мог обучать Петра и иным, более серьезным наукам, предположим, иностранным языкам (в том числе и латыни, которую он прекрасно знал), истории, математике и т.д. Видимо, царь Алексей Михайлович, поручая Менезису дело воспитания сына, имел в виду более широкое его участие в образовании будущего наследника престола, предоставив ему такие же полномочия, как и «дядькам» царевича. Поскольку воспитание будущего наследника престола было серьезной задачей, то Менезис, не полагаясь полностью на

свои познания, мог привлекать к этому делу и других образованных людей. Тем более что обстоятельства требовали от него выполнения своих военных обязанностей. В 1677—1678 гг. Менезис участвовал в так называемых Чигиринских походах против турок, командуя рейтарским полком. В последнем походе полк участвовал в боевых действиях и понес большие потери.

В 1680 г. Менезис переводится в Смоленск и, таким образом, удаляется от воспитательной деятельности. Но В.В. Голицын, пользовавшийся большим влиянием при дворе, продолжает благосклонно относиться к нему, и Менезис участвует в посольских делах, для чего часто приезжает и подолгу живет в Москве. Участвует он и в Крымских походах 1688—1689 гг. в должности командира армейского соединения из двух пехотных полков. По возвращении Менезис один из первых получает повышение и производится в генерал-майоры. Петр уже тогда начал конфликтовать с Софьей, поэтому отказался подписать указы о награждениях, и лишь для своего воспитателя сделал исключение.

После победы над Софьей Петр вновь приближает Менезиса к себе и доверяет ему, как можно предположить по отдельным уцелевшим документам, Преображенский полк (если не все полки солдатского строя). И только плохое здоровье Менезиса и отрицательное отношение к нему некоторых иерархов православной церкви (о причинах этого отношения будет рассказано далее) помешали ему подняться так же высоко и быть таким же заметным, как впоследствии его родственник Патрик Гордон или его протеже Франц Лефорт.

Умер Павел Менезис 9 декабря 1694 года. Несомненно, что его стараниями юный царевич приобрел любовь к «марсовым потехам», т.е. к военным играм на суше, и стал испытывать интерес к иностранцам.

НАЧАЛО УВЛЕЧЕНИЯ «НЕПТУНОВЫМИ ПОТЕХАМИ»

Но в скором времени увлечение «марсовыми потехами» неожиданно сменяется у Петра новой страстью, которой он останется верен до конца своих дней. Это было кораблестроение и плавание под парусами.

Начало этому увлечению было положено еще в Москве, продолжено на Плещеевом озере и получило у современников название «нептуновых потех».

В предисловии к Морскому регламенту, единственному сочинению, в котором Петр вспоминает свои детские годы, описано весьма примечательное событие, возбуждавшее в нем страсть к потехам на воде. Однажды, прогуливаясь по селу Измайлову, забрел Петр в сарай на льянном дворе, где хранились старые вещи, в том числе и оставшиеся от боярина Никиты Ивановича Романова, двоюродного брата царя Михаила Федоровича (деда Петра). В сарае Петр увидел необычную лодку «английского дела». Тот самый знаменитый ботик, который получил впоследствии наименование «родоначальника русского флота». Эта лодка так понравилась Петру, что он пожелал проверить ее на воде. После того, как лодку починил голландский плотник Карштен Брандт¹, Петр пустился на ней в плавание по Москвореке. Оснащенной парусом лодке было тесно на небольшой воде, и она «упиралась в берега». Поэтому ее по приказу Петра перевезли вначале на Просяной пруд,

---

¹ Карштен Брандт лет за двадцать до этого принимал участие в постройке корабля «Орел» в селе Демино на Оке. «Орел» предназначался для плавания по Волге и Каспийскому морю, но был сожжен во время восстания Степана Разина.

а потом и на Переславское (Плещеево) озеро, расположенное к северу от Москвы. Оно имело тридцать верст в окружности и было пригодно для плавания не только парусной лодки, но и более крупных судов. Так было положено начало «нептуновым потехам», которые определили судьбу не только Петра, но и всей России.

В устье реки Трубежа Брандт заложил верфь и начал строительство яхт и фрегатов. Суда эти были, по современным меркам, чуть ли не игрушечными, но русским людям того времени, никогда не видевшим моря и морских кораблей, они казались значительными. Нетерпение Петра видеть эти суда на воде было столь велико, что он для ускорения работ приказал нанять голландских мастеров, искусных в деле кораблестроения, которые вскоре и прибыли в Москву. Именно с ними на переславской верфи Петр первый раз взял в руки топор и с головой ушел в освоение ремесла корабельного плотника. При этом «марсовы потехи», так любимые им, были на несколько лет полностью забыты. Эти мастера обучили Петра и голландскому языку, который он знал довольно хорошо и на котором впоследствии общался с иностранцами. Здесь же, на верфи, он освоил и голландскую письменность, но владел ею слабо, видимо не лучше, чем его учителя-плотники.

После того, как суда на Переславском озере были построены и спущены на воду, Петр совершил под парусами несколько плаваний и, убедившись, что это озеро мало и мелко для настоящих судов, уехал в Архангельск, чтобы на Белом море продолжать свои потехи. Там он наконец-то встретился с настоящей морской стихией и полюбил ее на всю жизнь. Именно отсюда началось великое преобразование России, и из сухопутной слабой державы она превратилась стараниями Петра в могущественную империю, имеющую помимо армии и огромный морской флот.

Такова наиболее распространенная версия возникновения у Петра интереса к кораблестроению и его первых шагов в этом деле. Подтверждена она документально, проверена временем и историками и, казалось бы, никаких сомнений не вызывает. Но при достаточно внимательном взгляде на события той эпохи мы обнаружим некоторые довольно странные разночтения в датах и в описании отдельных моментов жизни и деятельности Петра. Эти разночтения если и не опровергают приведенную историческую версию, то все же заставляют отнестись к ее достоверности с определенным недоверием.

5

БОТИК ПЕТРА И СТРОИТЕЛЬСТВО ПЕРЕСЛАВСКОЙ ФЛОТИЛИИ

Описывая в предисловии к Морскому регламенту, как был отыскан ботик в сараях Измайлова, Петр не указал год, в котором произошло это событие. Может быть, этот вопрос и не заслуживал бы особого внимания, если бы не странные и даже разительные перемены в характере, привычках и поступках царя, следовавшие вслед за этим. Поэтому следует несколько пристальней всмотреться в это, на первый взгляд, малозначительное происшествие в Измайлове и все, что связано с ним.

Прежде всего, следует определить точную дату отыскания ботика. Казалось бы, если этого нельзя сделать по личным записям Петра, то легко восстановить по другим историческим документам. Но при попытке найти их мы столкнемся с неожиданными трудностями. Дело в том, что исторической науке не известно

ни одного документа, который хотя бы в малой степени проливал свет на интересующий нас вопрос.

Но и это досадное обстоятельство не было бы препятствием для примерной датировки события, так как можно использовать и косвенные вычисления, отталкиваясь от других дат. Предположим, от начала постройки судов на Плещеевом озере (от времени отыскания ботика до начала корабельного строительства в Переславле прошло не более года). Оказывается, что и последнее событие не зафиксировано достаточно строго в отечественной истории! Начинание Петра, имевшее столь значительные последствия для военного могущества России, попросту не было замечено современниками. Документально освещен лишь последний этап переславского корабельного строительства, относящийся к 1692 году.

На следующий год Петр уехал в Архангельск и более на Плещеево озеро не возвращался. Построенная по его капризу и, как считается, под его руководством маленькая эскадра сгнила на берегу.

Но и достаточно точные и подробные документы последнего периода строительства никак не разъясняют интересующий нас вопрос, поскольку исследователи и историки не могут сказать с уверенностью, как долго продолжались «нептуновы потехи» в Переславле. Здесь мы имеем какие-то досадные утраты исторических бумаг, которые препятствуют детальному и четкому освещению нескольких лет царствования Петра.

Возможно, из-за этих утрат историки весьма противоречивы в датировке, как отыскания ботика, так и начала переславского строительства. П.Н. Крекшин¹,

---

¹ Крекшин Петр Никифорович (1684—1763), историк Петра и его времени, издал «Сказание о Петре» и «Разговор в царстве мертвых о Петре Великом». Происходил из дворян, служил смотрителем на работах по строительству Кронштадта. В 1714 г. был обвинен в

один из ранних биографов Петра, отыскание ботика относит к 1686 году, когда будущему создателю российского флота было всего четырнадцать лет. Не исключено, что историк в своем труде использовал какие-то подлинные документы, впоследствии утраченные, так как по дням расписывает события:

«11 сентября (1686 г.) ботик спущен Брандтом на воду;

14 сентября катался на нем впервые сам Государь и парусами действовал;

18 сентября опять гулял и усмотрел, что бот лучшее действие являл;

25 сентября отправился в Троицкий монастырь. Оттуда на Переславское озеро.

Зимой Брандт соорудил там фрегат и яхту, которые спущены на воду весной 1687 года, между тем построили и дворец для приезда царской фамилии на берегу озера.

31 июля прибыл туда Петр с царицею-матерью, с царем-братом, с патриархом, архиереями, и 1 августа, по освящению воды, пустился по озеру на фрегатах с пушечною пальбою».

Но, несмотря на документальную точность Крекшина, его сочинения у последующих историков никогда не вызывали особого доверия. Татищев назвал его «новгородским баснословцем», Н.Г. Устрялов, написавший многотомную и подробную «Историю царствования Петра Великого», пренебрежительно отозвался о

растратах и разжалован, но вскоре стараниями покровителей оправдан и назначен комиссаром для принятия казенных вещей и подрядов. Материалы о Петре Крекшине начал собирать с 1719 г. Первый том своего сочинения «Краткое описание блаженных дел великого государя-императора Петра Великого, самодержца Всероссийского» (охватывал период 1672—1706 гг.) предоставил императрице Екатерине I, после чего получил доступ к государственным архивам.

нем, ставя ему в вину то, что он «слагал предсказания, выдумывал речи, изобретал факты».

Сам Устрялов нахождение ботика отнес к 1688 году, т.е. передвинул это событие на два года позже по сравнению с Крекшиным. Впоследствии эта датировка была признана единственно верной и прочно закрепилась в исторической науке. Но не ошибался ли и сам Устрялов, остановившись на этой дате?

Надо сказать, что единственным документом, дающим право относить начало постройки судов на Плещеевом озере к 1688—1689 гг., является собственноручное письмо Петра к матери, посланное с переславской верфи:

«Вселюбезнейшей и паче живота телесного дражайшей моей матушке, государыне царице и великой княгине Наталии Кирилловне. Сынишко твой, в работе пребывающий, Петрушка, благословения прошу и о твоём здравии слышать желаю, а у нас молитвами твоими здорово все. А озеро все вскрылось сего 20 числа, и суда все, кроме большого корабля, в отделке; только за канатами станет: и в том милости прошу, чтоб те канаты, по семисот сажен, из Пушкарского приказа, не мешкая, присланы были. А за ними дело станет, и житье наше продолжится. По сем паки благословения прошу. Из Переслава, апреля 20, 1689 года».

Все последующие письма из Переслава в Москву датируются Петром лишь числом и месяцем, без указания года. Но год на приведенном письме вызывает серьезные сомнения. В подлиннике день месяца указан буквенным способом, как и писали в то время цифры на Руси: число 20 передано буквой «К». Год же почему-то написан арабскими цифрами. Причем, если все письмо написано неровно и торопливо, притом неискушенной в письме рукой, то арабские цифры выведены уверенно и твердо. Слово «год» не написано, а стоит буква «i», ко-

тору можно понимать как европейский вариант обозначения летоисчисления от Рождества Христова (здесь «i» — первая буква имени Иисуса). Можно предположить, что год в этом письме был дописан позднее и другим человеком. Возможно, это был архивариус, занимавшийся разборкой бумаг, оставшихся от Петра. Но чем он руководствовался, проставляя год? Нет ли здесь ошибки или намеренного искажения, преследующего определенные цели?

Подозрения подобного рода не так уж и беспочвенны. Дело в том, что иностранные источники — наиболее интересный труд в освещении данного вопроса принадлежит перу современника тех событий голландца Ноомена (он собрал многочисленные свидетельства и подробности о пребывании Петра в Саардаме) — отыскание ботика относят к 1691 году. В этом же году саардамские плотники выезжают в Москву и начинают корабельное строительство. С этой датировкой согласился и Бергман, английский посланник при русском дворе, оставивший большое сочинение «История Петра Великого». Если это так, то почему Крекшин отнес это событие к 1686 году, а некто неизвестный, разбиравший бумаги Петра — к 1689-му? Так кому же верить в этом вопросе и какой дате отдать предпочтение?

Согласимся в этом вопросе с Устряловым и будем считать, что ботик был отыскан в 1688 году. Побывав осенью этого же года в Переславле и, видимо, заложив на новой верфи суда, Петр возвращается в Москву и несколько месяцев находится там. В январе 1689 года он женится на Евдокии Лопухиной. В этом же году он выезжает в Переславль продолжать начатое строительство, но несколько раз возвращается в Москву. 8 июля во время крестного хода происходит его крупная ссора с Софьей, которая участвовала в этой же церемонии.

В этом же месяце возвращается из второго Крымского похода В.В. Голицын, фаворит Софьи. Манифест

о наградах его участникам должны были утвердить цари, но Петр отказался это сделать, должно быть из-за чувства неприязни к сестре и еще не забытой обиды от ссоры. С большим трудом его убедили уступить. Но все же, когда Голицын приехал в Преображенское благодарить Петра за награды, тот не принял его. «Самодержица всяя Руси», как уже приказала именовать себя Софья, пришла в негодование. Столкновение между «самодержицей» и царем Петром становилось неизбежным.

В ночь с 7 на 8 августа в Кремле поднялся переполох — откуда-то появилось подметное письмо, в котором неизвестный предупреждал, что потешные полки идут на Москву, чтобы побить Софью, царя Ивана и многих других. Испуганная этим известием, Софья приказала запереть все кремлевские ворота, усилить караулы и поставить стрельцов под ружье.

Когда сторонники Петра известили его об этих военных приготовлениях сестры, он был так напуган, что ночью бежал в Троице-Сергиев монастырь и там с рыданиями просил защитить его от страшной опасности, нависшей над его жизнью.

Но стрельцы не поддержали Софью, а направились в Сергиев виниться перед Петром и присягать ему. В такой ситуации «самодержице» ничего не оставалось, как уступить престол брату, а самой удалиться в Новодевичий монастырь и принять монашеский чин под именем старицы Сусанны. Почти без всяких усилий, лишь натерпевшись страха, Петр стал за несколько дней подлинным самодержцем всяя Руси.

Здесь, в Лавре, где сосредоточилось уже много войск, как потешных, так и стрелецких, Петр начинает новые военные маневры, более масштабные, чем прежде. Устрялов так описывает их: «Распорядившись управлением государством, Петр не хотел возвратить-

ся в Москву, пока София не оставила кремлевских чертогов, и в половине сентября отправился с Потешными полками верст за 40 от Лавры, в Александровскую слободу; там, на обширных полях, целую неделю занимался со своими сподвижниками, под руководством генерала Гордона, конным и пешим учением с пушечною пальбою, в присутствии обеих цариц (т.е. матери и жены. — В.К.) и всего двора. Маневры простирались далеко за слободу, до Лукьяновской пустыни, и не более 25 верст оставалось до Переславля-Залесского. Непонятно, как утерпел Петр, что не показал царицам своих кораблей; боялся ли он испугать воображение их видом обширного озера или другие обстоятельства ему воспрепятствовали? Как бы там ни было, не взглянув на свой ковчег, из Лукьяновой пустыни он возвратился в Лавру».

Как кажется, Устрялов единственный историк, который обратил внимание на то, что Петр не посетил во время учений свою переславскую верфь, хотя находился недалеко от нее. Видимо, подобная невнимательность царя к своему любимому детищу показалась Устрялову весьма странной. Так, может быть, корабельное строительство еще не было начато в это время? И прав все же Ноомен, отнеся его начало к концу 1691-го или весне 1692 года?

Если придерживаться академической точки зрения на этот вопрос (т.е. считать, что корабельное строительство в Переславле началось в 1688—1689 гг.), то мы должны будем как-то разумно объяснить странное и беспричинное охлаждение Петра к своим кораблям и «нептуновым потехам», которое продолжалось почти три года. Пешие и конные учения принимали все больший размах и проводились каждый год, но мы не находим ни одного официального документа того времени или свидетельства очевидцев, в которых бы упоминался Переславль и корабельное строительство.

Поставленные в затруднительное положение подобным обстоятельством, современные историки вообще избегают затрагивать этот вопрос. Тем самым они как бы оставляют Петру право на импульсивные и причудливые поступки, право на монарший каприз. Но в нашем случае вряд ли подобное допущение является уместным.

Устрялов так описывает занятия Петра в эти три года: «Военные потехи, примерные битвы и походы начались весной 1690 года. Как скоро вскрылась Москва-река, Петр снарядил флотилию из мелких гребных судов, среди которых красовался под парусами знаменитый бот, и в конце апреля с многочисленной свитой отправился по течению Москвы-реки к Угрешскому монастырю.

...По возвращению в Преображенское (из этого речного похода. — *В.К.*) царь занялся конным и пешим учением Потешных и стрелецких полков, чтобы приготовить их к примерным битвам, назначенным в июне месяце. Первое сражение едва не кончилось страшным несчастьем. Штурмовали Семеновский двор. С обеих сторон кидали ручные гранаты и горшки, начиненные горючими веществами; один из них лопнул близ Государя, взрывом опалило ему лицо и переранило стоявших подле него офицеров. По всей вероятности, Петр был ранен не легко, потому что маневры возобновились не прежде осени. 4 сентября сражались Потешные с стрельцами Стремянного полка. Вечером дело дошло до запальчивой схватки, и с обеих сторон немало было раненых. В числе их находился генерал Гордон: неосторожный выстрел повредил ему ногу выше колена, а порохом обожгло лицо так, что он с неделю пролежал в постели. Новая битва Потешных с Сухаревым стрелецким полком 11 сентября кончилась благополучно.

Так же точно прошел и следующий год. 14 марта спущена на воду новая яхта, в которой могло поместиться до 30 человек (яхта спущена на Москве-реке. — *В.К.*).

Летом происходило в Преображенском непрерывное учение Потешных, с пушечною пальбою; большие маневры были назначены в августе. Накануне Преображения сказан поход и раздача подъемных лошадей; но болезнь царицы Натальи Кирилловны принудила отложить потехи на целые два месяца.

Между тем военные экзерциции в селе Преображенском не прерывались, и войска готовились «к великому и страшному бою». Составлены были две армии: одна из выборных солдатских полков Преображенского, Семеновского, Лефортова и Бутырского, с тремя или четырьмя полками рейтар и отрядом гусар; другая из полков стрелецких, также с рейтарами и гусарами. Первою, нашею, предводительствовал генералиссимус Фридрих (князь Федор Юрьевич Ромодановский), второю, неприятельскою, генералиссимус Бутурлин. В начале октября открылась между ними война»¹.

В этом походе Петр числился рейтарским ротмистром, т.е. командиром роты тяжелой конницы. Рейтары были привилегированной частью кавалерии и набирались в основном из дворян и высшей аристократии. Поэтому службу в рейтарских полках можно считать наиболее почетной и вполне допустимой для Петра. Во главе своих рейтар он проявил подлинную доблесть: взял в плен «вражеского» генерала Гулста, спас «пресветлейшего генералиссимуса Фридриха» от плена и в последнем сражении пленил генералиссимуса Бутурлина.

Его подвиги объясняются, конечно же, не столько его личными качествами командира, как притворной уступкой «врагов». Но все же эти «победы» свидетельствуют о Петре как о лихом и неустрашимом наезднике.

После этой «войны», которая не обошлась без раненых и даже жертв, Петр неожиданно выезжает в Пе-

---

¹ В записках Гордона этот поход 1691 года назван вторым Семеновским.

реславль. Продолжавшееся около трех лет полное безразличие к строящимся кораблям на Плещеевом озере закончилось. С этого момента и исторические документы, и современники подробно освещают возобновившиеся «нептуновы потехи» царя. Устрялов так описывает этот период:

«Натешившись вдоволь на суше, Петр обратился к любимой стихии своей, к воде. С июня месяца 1689 года, более двух лет, он, кажется, ни разу не взглянул на свои корабли: по крайней мере, Гордон, тщательно замечавший в своем журнале все поездки Царя, ни слова не говорит о поездках его к Переславлю-Залесскому до ноября 1691 года. Что удерживало Петра в Москве, решить трудно; вероятнее всего опасение тайных приверженцев Софии, которые могли воспользоваться его отсутствием для возмущения стрельцов. Между тем он не забывал топора, и яхта, спущенная на воду в Москве весною 1691 года, свидетельствовала об успехах его в кораблестроении. Не прерывались работы и на озере Плещеевом: там трудился Карштен Брант; им сооружены два небольших фрегата с тремя яхтами. На южном берегу озера, в двух верстах от города, за селом Веськовым, выстроен был для приездов Царя деревянный одноэтажный дворец, с окнами из слюды, расписанный разными изображениями, с дверьми, обитыми для теплоты белым войлоком, с двуглавым на крыше орлом, над которым блестела вызолоченная корона. Вправо от дворца находилась деревянная церковь Вознесения Господня; влево, на мысу Гремячем, батарея. Прямо перед окнами дворца, на озере, в значительном расстоянии от берега, сажень на сто, устроена была на сваях пристань. Летом суда стояли у пристани, на зиму отводили их в Трубеж к мосту близ церкви Знамения Пресвятые Богородицы, «что при кораблях». Там они были безопасны от льда, который, по вскрытию воды, в бурное время мог разбить их в открытом месте.

Поездки Петра к Переславлю-Залесскому возобновились в конце 1691 года и в продолжении зимы повторялись неоднократно¹. Что делал он там в зимнее время, когда озеро было покрыто льдом и суда стояли на берегу в сараях? Этого не объясняет ни Гордон, записавший все поездки царя, ни сам Петр, уведомивший царицу Наталию Кирилловну о благополучном и «изобильном пребывании в Переславле на пользу свою». Очевидно, однако, он не мог жить там по нескольку недель без всякого дела, и точно: генералиссимус князь Федор Юрьевич, видя успехи его в строении судов на Яузе, объявил ему, как уже опытному мастеру, свой «государский указ» построить в Переславле военный корабль к весне 1692 года.

Петр взял с собою 16 своих учеников, трудившихся с ним прежде на Яузе, «корабельного дела мостильщиков» (большой частью, кажется, солдат Преображенского полка), в том числе любимого сержанта Якима Воронина, искусного в щегольном (мачтовом) мастерстве, и собственными руками заложил на Переславской верфи корабль. Он так ревностно принялся за работу, что не хотел возвратиться в Москву для торжественного приема Персидского посланника, и царские министры, Лев Кириллович Нарышкин и князь Борис Алексеевич Голицын, нарочно ездили в Переславль убеждать Государя в необходимости обычной аудиенции, для избежания ссоры с шахом».

Здесь стоит прерваться и сделать некоторые замечания, Устрялов в своем труде проявил исключительное внимание к историческим документам и постарался использовать их как можно полнее. Один из таких документов — письмо сержанта Якима Воронина к

---

¹ Царь был в Переславле с 16 по 30 ноября 1691 г., с 8 по 25 февраля и с 3 по 12 марта 1692 г. Весною он провел там более месяца, с 5 апреля по 9 мая (Гордон).

Петру, которое должно было подтвердить слова Устрялова о том, что к 1692 году Петр был уже искусный корабельный плотник и что он собственными руками построил корабль в Переславле.

Несмотря на всю незамысловатую простоту изложения и малозначительность темы (Яким пишет Петру о том, что две яхты и два корабля заведены на озере в безопасное для стоянки место), это письмо является уникальнейшим историческим свидетельством. Но ценность его не в том, что оно подтверждает мастерство Петра как корабельного плотника, а в том, что прибавляет новые и чрезвычайно трудные для исторической науки вопросы, ответы на которые вряд ли возможны в рамках традиционных концепций. Видимо, это понимал и сам Устрялов, поэтому в основном тексте привел лишь отрывки из письма. В полном виде оно выглядит так:

«Пишут ученики твои из Переславля-Залесского, корабельного дела мостильщики, щегольного дела мастерства, Якимко Воронин с товарищи 16 человек челом бьют за твое мастерское учение.

По твоему учительскому приказу нам ученикам, что которую яхту опрокинуло в воде, и тое яхту мая в 9 день взняли и воду из нее вылили, а чердак у нее сломало, у юмферов железо переломало, и ее взвели к мосту; и она зело качка, на одну сторону клониться. А другую яхту взвели тут же к мосту небольшими людьми и парусом и, взведши, поставили на якорь. И по сие число шла она хорошо, и что по твоему учительскому приказу, от посланного к корабельному делу государя своего генералиссимуса князя Федора Юрьевича, который что делал корабль, и ты тот корабль делал бы по его государскому приказу и, сделав поехал к Москве; и тот корабль взимал я, Якимко, со учениками своими, по твоему учительскому приказу; и по твоему учению тот корабль взняли на три ворота в 6 часов и с обедом; а до самого

моста довели с великим натужением; а после того, того ж дня под другой корабль блоки подволокли.

Мая 9 дня 7200 года. Писавый Якимко Воронин челом бьет со всеми твоими учениками».

Из письма следует, что в конце 1691-го или начале 1692 г. Петр, по «государеву указу» Федора Юрьевича Ромодановского отправился с шестнадцатью преображенцами для корабельного строительства в Переславль. Но какой смысл был в этом указе, если и без него суда на Плещеевом озере строились уже, по крайней мере, три года, притом по указу самого Петра? Почему Яким Воронин молчит о главном строителе судов в Переславле, Карштене Брандте и о голландских плотниках? Они-то должны были поинтересоваться, что и как построил их лучший ученик Петр, и в случае необходимости дать практические советы.

Примечательно письмо Воронина и тем, что в нем впервые князь Федор Юрьевич Ромодановский назван «государем». Нам не известно, кто, когда и при каких обстоятельствах наделил его этим званием. Князь Федор Юрьевич входил в так называемую «компанию», кружок наиболее близких к Петру людей, таких как Лефорт, Гордон, Брюс, Виниус, Вейде, Кревет, и ему во время длительных отлучек царя поручалось управление государством. Но что заставляло Петра в следующие двадцать пять лет, вплоть до смерти «князя-кесаря» в 1717 г., обращаться в письмах к нему как к государю, подчеркивая свое подчиненное положение, и отчитываться в своих поступках? Неужели только сила привычки, приобретенная во время дружеских и непринужденных общений членов «компании»? Какая-то странная и слишком затянувшаяся игра, начало которой в 1692 году и отметил Воронин.

Надо сказать, что сам Ромодановский никогда не прерывал этой игры и ни в одном из своих писем не

титуловал Петра ни «царем», ни «государем», упорно употребляя лишь обращение «господин бонбардир», или же «господин капитайн». Жена же Федора Юрьевича, как утверждали злые языки того времени, искренне считала себя московской царицей.

Но самое главное в этом письме то, что Яким Воронин не решается обратиться к Петру с упоминанием его царского титула — «государь» или «ваше царское величество» — но, пусть и с изрядной долей почтения, все же именует его просто «учителем». Почему Воронин, знавший Петра с 1682—1683 года (предположительно, Яким в эти годы начал службу в потешных полках), так осторожно и так неопределенно обращается к Петру? При этом князя Ромодановского он уверенно называет «государем». Может быть, это письмо послано не Петру, а, предположим, Карштену Брандту? Но авторитет первых издателей этого письма и Устрялова вряд ли позволяют сомневаться в том, кому оно адресовано. Так что же произошло на Плещеевом озере в 1691 году и почему близко знавшие Петра люди не решаются именовать его царем?

Яким Воронин скончается от ран под Азовом в 1695 году, уже числясь бомбардиром Преображенского полка. Странно, что и он, вслед за Петром, оставив корабельное ремесло, занялся изучением артиллерийского дела.

Но вернемся к «Истории царствования Петра Великого» Устрялова и продолжим его рассказ: «Через два дня после приема послов он (Петр) ускакал к своим кораблям, приказав квартирмейстеру Преображенского полка, Луке Хабарову, перевезти из Москвы шлюпки и карбасы на озеро Плещеево. Там готовилось торжество, доселе невиданное и неслыханное в России, после уже часто повторявшееся и всегда празднуемое Петром как день радости и славы, спуск корабля.

Государь пригласил в Переславль свою избранную компанию, с удовольствием показывал ей построенные суда, катался на них по озеру, между тем неутомимо трудился на верфи, и 1 мая 1692 года, в шестое воскресенье после пасхи, первый корабль, сооруженный умом и трудами самого Царя, благополучно сошел на воду.

Для полного удовольствия Петра не доставало одного: присутствия цариц. Наконец приехали и они со всем двором в конце июля 1692 года¹ и целый месяц провели в Переславле. 1 августа было торжественное водоосвящение с крестным ходом; недели через две пришли из Москвы полки², и начались маневры на суше и воде. В том и другом случае все воинские почести отдавались князю Федору Юрьевичу Ромодановскому, украшенному, кроме прежнего титула генералиссимуса, саном адмирала. 14 августа был обед на адмиральском корабле с церемониею; 18 числа рано утром, при благоприятном ветре, флотилия вступила под паруса и, переплыв через озеро, у противоположенного берега бросила якорь; противный ветер задержал ее там двое суток; 21 августа она снялась с якоря и возвратилась к пристани. После того настали веселые пиршества. Царица Наталия Кирилловна была, кажется, очень довольна своим путешествием, отпраздновала день своего тезоименитства в Переславле и не прежде сентября возвратилась в Москву, не совсем однако ж здоровою, впрочем, болезнь ее скоро миновала».

Если внимательно сравнить описание переславских «нептуновых потех» в «Истории» Устрялова и у Крекшина, то вывод будет довольно неожиданным: в них описаны одни и те же события, причем соблюдается и их последовательность. Зимой идет сооружение флота, на следующий год, весной, суда спущены на

---

¹ Гордон: 22 июля 1692 г.

² Бутырский полк привел Гордон 15 августа.

воду, в конце июля прибывают в Переславль двор с царицами (у Крекшина «с царицей-матерью», поскольку предполагается, что Петр не был еще женат в то время), 1 августа происходит церемония водоосвящения, после которой флотилия совершает плавание по озеру. Единственное отличие между ними состоит в том, что Устрялов отнес эти события к 1691—1692 гг., в то время как Крекшин — к 1686—1687 гг. Кто из них прав и какая дата является правильной?

Прежде чем ответить на этот вопрос, мы должны иметь четкое представление о том, как долго могла сооружаться флотилия из пяти небольших судов. Крекшин этому строительству отвел всего полгода. Все последующие историки увеличили этот срок до трех лет. Но так ли это?

Четыре года спустя после переславских «нептуновых потех» началось строительство больших судов и галер в Воронеже, предназначенных для войны с турками. Время от закладки судна и до полной его оснастки исчислялось в несколько месяцев.

Во время пребывания Петра в Голландии ему была предоставлена возможность участвовать в строительстве большого военного корабля. Для этого на верфях Амстердама заложили восьмидесятипушечный фрегат, который был завершен и спущен на воду всего за четыре с половиной месяца. Причем в сооружении принимали участие исключительно русские волонтеры в количестве сорока человек под руководством голландского мастера Поля. Так почему же переславская флотилия, состоящая из крошечных, по сравнению с этим фрегатом, судов должна была сооружаться три года? Не хватало плотников? Но нетерпеливое желание Петра видеть свою флотилию завершенной было столь велико, что он привлек к этой работе не только нескольких голландских мастеров во главе с Карштенем Брандтом, но и десятки, если не сотни, русских. Тот же Яким Воро-

нин говорит о двух яхтах и корабле, которые построили шестнадцать преображенцев примерно за полгода, а то и за меньший срок. Поскольку таких бригад было несколько, то можно с полной уверенностью считать, что переславская флотилия сооружалась считанные месяцы. Поэтому в этом вопросе следует согласиться с Крекшиным.

Относительно года переславского строительства можно сделать следующее предположение. Первая и вторая даты (соответственно 1686-й и 1689 г.) являются ошибочными. Строительство началось осенью 1691-го и закончилось летом следующего, 1692 года. Ранее уже говорилось о полном отсутствии каких-либо исторических документов с упоминанием переславского корабельного строительства ранее этих лет. Согласившись с тем, что «нептуновы потехи» на Плещеевом озере начались на несколько лет раньше, мы будем вынуждены искать объяснения странному исчезновению документов за эти годы. Хотя на полное исчезновение бумаг многое списывается в отечественной истории, но в данном случае логика и здравый смысл подсказывают, что значительных документальных утрат не было, и мы столкнулись с элементарной ошибкой или фальсификацией, которая странным образом укоренилась в историографии Петра.

То, что строительство переславской флотилии началось не в 1689 году, а позднее, подтверждается и дневниками генерала Гордона, которые он вел с 1655 по 1699 г. Гордон, как отмечал Устрялов, весьма тщательно отмечал все поездки царя, и первая запись о посещении Петром Переславля относится только к ноябрю 1691 года!

Но кому и зачем понадобилось переносить начало строительства переславской флотилии на несколько лет назад?

Здесь можно сделать предположение, что уже у современников Петра появились некоторые сомнения и подозрения при неожиданной смене «марсовых потех» на «нептуновы». Причем смена увлечений произошла за считанные месяцы, если не дни! И приняла какой-то неестественный характер. Вряд ли такие перемены возможны без серьезных причин. Но поскольку даже ближайшее окружение царя находилось в полном неведении относительно побудительных мотивов этих перемен, то невольно поползли разнообразные слухи. И было о чем говорить: без всяких видимых причин царь и кавалерийский офицер одевается в немыслимое платье голландского крестьянина — полосатые чулки, белые короткие штаны, красная куртка с большими пуговицами и черная лакированная шляпа¹, — берет в руки топор, закуривает трубку и начинает без устали строить шлюпы, яхты, галеры. При этом он без всяких усилий общается с голландцами на их родном языке. Но когда он всему этому выучился?.. Вызывало недоумение и то, что страстно любимые им с детства потешные войны и походы забываются на длительный срок.

Подобные разительные перемены в царе могли вызвать не только недоумение, но и брожение умов в государстве Российском, которое привело бы к весьма серьезным последствиям. С подобным явлением следовало бороться, притом весьма энергично и жестко. При жизни Петра для этого был создан Преображенский приказ тайных дел, который кнутом искоренял подобные подозрения в русском народе. После смерти царя слухи о его подмене несколько приутихли, но все же осторожные и дальновидные наследники и наследницы рос-

---

¹ У тех историков, которые упоминают эту одежду Петра, весьма им любимую, она обычно называется шкиперским или плотничьим платьем. Но так же одевались и голландские крестьяне, поэтому уместно ее называть крестьянской.

сийского престола, заинтересованные для собственной безопасности в сохранении тайны царственного плотника, нашли иные способы решения этой крайне взрывоопасной проблемы. Их волею были уничтожены многие бумаги, относящиеся к годам детства и юности Петра и которые давали наиболее серьезные поводы к подозрениям.

Известно, что после смерти Петра его бумаги были опечатаны и почти пятьдесят лет хранились в таком виде в государственных архивах, пока Екатерина II не повелела немецкому историку Миллеру разобрать их с целью написания труда о своем славном предшественнике. Возможно, во время этой разборки и была намеренно уничтожена та часть бумаг, которая относилась к детству и юности царя.

Никто до сих пор не обратил внимание на довольно любопытную ситуацию с личными бумагами Петра. Историкам известны тысячи его собственноручных писем, записок, пометок, указов и распоряжений начиная с 1692 и по 1725 г. т.е., за тридцать три года. По ним можно представить всю обширную деятельность царя-реформатора, круг его увлечений, взаимоотношения с семьей, сподвижниками, церковью и народом. Только одна переписка с Екатериной насчитывает более двухсот писем. Т.е. на основе этих бумаг можно составить полный исторический портрет Петра. Но в отношении первых двадцати лет его жизни ситуация несколько иная.

За период с 1688 по 1691 г. (три года) сохранилось всего четырнадцать подлинных писем Петра (тринадцать к матери и одно к Апраксину) и ученические тетради, в которых сделаны записи не более чем за пять-шесть занятий. Эти документы для историков не представляют особой ценности, так как не дают никакого представления о деятельности Петра, его наставни-

ках и соратниках, его замыслах, образовании, характере или личной жизни. Единственно, о чем они свидетельствуют, так это о почтении и любви к матери. Составить по этим письмам какое-либо представление о Петре как об исторической личности невозможно.

Первые же шестнадцать лет жизни Петра, с 1672 по 1688 г., являются настоящим черным пятном, поскольку за этот период не сохранилось ни одного документа.

Начиная с Алексея Михайловича при дворе установилось обязательное правило вести «поденные записи», в которых отмечался любой шаг царя: приемы послов, посещение церквей и монастырей, присутствие на всевозможных торжествах и военные походы. Эти же записи велись и позднее, во время царствования Федора Алексеевича. Велись они и при Петре, но сохранились лишь с 1697 года. Странно, что среди этих документов оказались полностью потеряны именно те, которые относились к детским и юношеским годам Петра.

Такие утраты едва ли являются случайными, и появиться они могли лишь в результате намеренного уничтожения архивов. Можно только догадываться, насколько обширным был свод уничтоженных бумаг, относящихся к личной жизни и деятельности Петра: кроме «поденных записей», его письма к матери, жене, друзьям, патриарху, распоряжения и указы по организации потешных походов и сражений и т.д. То есть все бумаги, начиная от рождения и до 1688 года включительно. Видимо, со страниц этих бумаг Петр представлял слишком непохожим на того человека, каким его знали впоследствии.

Поскольку в народе перемены в Петре связывались с началом строительства флотилии в Переславле, то перед фальсификаторами стала и другая проблема — документально подтвердить, что это строительство началось еще в юности царя. Для этой цели на некоторых документах просто исправили даты и тем самым отне-

сли начало «нептуновых потех» на несколько лет назад. Подобное простое решение позволило снять — если не у современников, то у потомков — неудобные вопросы по поводу того, каким образом Петр так быстро и так успешно овладел и голландской речью, и плотницким ремеслом и почему он испытывал особую симпатию к кораблям и иностранцам, которая до этого едва ли наблюдалась. Добавление всего лишь нескольких цифр на страницы отдельных писем полностью устраняло любые подозрения относительно быстрых и разительных перемен в Петре. Теперь все выглядело так, будто его увлечение корабельным строительством началось еще в юности и продолжалось много лет, в течение которых он и мог освоить премудрости иностранной речи и плотницкого ремесла.

Со временем в эту версию поверили. Как кажется, Крекшин был первым биографом Петра, который использовал в своем труде исправленные документы. Но подобный подлог хотя и подправил некоторые штрихи на историческом портрете царственного плотника, все же не смог скрыть главного. В 1692 году Петр не только увлекся постройкой судов, но и полностью изменил свои привычки, образ жизни, увлечения. Начиная с этого времени перед нами предстает совершенно иной человек.

6

ГОД 1692-й. ПЕРЕМЕНЫ В ПЕТРЕ

Нам практически ничего не известно о Петре начиная с его рождения и по 1692 год: его внешний вид, цвет глаз и волос, рост, телосложение, навыки в письме и общая грамотность, интересы и привычки — все это

остается для исследователя большой загадкой. Историческая наука располагает сведениями на этот счет более позднего периода. Строго подходя к этому вопросу, надо признать, что мы не имеем полноценного объекта для сравнения. Но все же внимательное знакомство с историческими материалами, их анализ и немногие записки современников помогли выявить множество деталей, которые позволяют судить о том, каким был Петр до и после 1692 года.

* * *

Начнем с «нептуновых потех». Влечение и даже страсть Петра к кораблестроению и воде вызывает некоторое сомнение. Известно, что в детстве он страдал водобоязнью, т.е. панически боялся воды. Появилось это заболевание у него примерно в шесть лет вследствие какого-то испуга во время речных купаний или же водной переправы. Об этом писал швед Страленберг¹, взятый в плен во время русско-шведской войны. Прожив несколько лет в России, он проявил интерес к стране и личности Петра и по возвращению на родину опубликовал книгу. Записки его примечательны тем, что в них без всякой симпатии, впрочем и без злобы, рассказывается о Петре и его преобразованиях. В России это сочинение было названо «страленберговыми

---

¹ *Страленберг* Филипп Иоганн (1676—1742), шведский подполковник. В 1709 г. участвовал в походе Карла XII на Россию, был взят в плен под Полтавой и сослан в Сибирь. Страленберг составил подробную карту Сибири, которая случайно попала в руки Петра и заинтересовала его. После Ништадтского мира Страленберг получил возможность вернуться в Швецию. В 1730 г. он издал в Любеке на немецком языке книгу «Историческое и географическое описание северной и восточной части Европы и Азии». На русском языке сочинение Страленберга напечатано впервые в 1797 г., но не сохранилось и известно лишь в выдержках.

клеветами» и никогда полностью не издавалось. Похоже, что Страленберг не выдумал историю с водобоязнью Петра — с ним согласились и Крекшин, и Голиков, и другие русские современники Петровской эпохи. Возможно, что это происшествие и последовавшее нервное потрясение на долгие годы определило интерес Петра исключительно к «марсовым потехам».

О страхе царевича перед водой писал и другой иностранец, Иоганн-Готтгильф Фоккеродт, с 1712 года живший в России в качестве домашнего учителя у Брюса и Кантемира, а потом ставший секретарем прусской миссии: «В детские годы Петр I обнаруживал чрезвычайное отвращение к воде, так что если приводилось ему переезжать только мельничную плотину, коляска его ехала в объезд ее, чтобы ему не видать было этой страшной стихии. И так никто тогда не помышлял, чтобы вода стала когда-нибудь предметом его господствующей страсти».

Из сохранившихся исторических документов известно, что в 1690 году Петр совершил на лодках путешествие по Москве-реке. Значит ли это, что его заболевание к тому времени прошло? Возможно, это и так, но сомнительно, чтобы водобоязнь неожиданно сменилась другой, прямо противоположной манией, — неудержимым влечением к воде. Как видно из записок голландца Ноомена, Петр умел хорошо плавать. Но учиться этому он мог лишь преодолевая свой детский ужас перед водой. Вряд ли ребенок мог проявлять подобное исключительное в его возрасте самообладание.

В это же время на Яузе и Москве-реке началось строительство больших лодок и яхт. Но едва ли в этом можно увидеть начало новой страсти Петра. Скорее всего, к постройке гребных судов приступили из-за нужд расширившихся «марсовых потех». Войскам во время учений приходилось не раз преодолевать водные

препятствия, для чего и потребовались вместительные лодки и шлюпы. Возможно, что Петр планировал расширить свои потешные учения и провести их, предположим, на Оке. Войска могли дойти туда пешим порядком, и лодки строились для транспортировки припасов и военного снаряжения. Современники не донесли до нас сведений о том, что Петр проявлял интерес к этому строительству или участвовал в нем, поэтому можно предположить, что это начинание вряд ли сильно затронуло его воображение и строительством занималась исключительно интендантская служба его потешного корпуса.

* * *

Как отмечают практически все историки, десятилетний Петр был избран в цари в 1682 году (по смерти царя Федора) не только в силу того, что старший брат Иван был слабоумен, но и потому, что отличался необыкновенными способностями. Выборные от всей России, наслышанные о талантах царственного отрока, именно его и провозгласили царем, ожидая благоденствия государству под его управлением.

Каких-либо исторических документов (письма, сочинения, ученические тетради за несколько лет и т.д.), по которым мы могли бы судить о талантах юного Петра, не сохранилось. Не донесли до нас конкретных сведений на этот счет и современники Петра. Поэтому остается только гадать, в чем эти таланты проявлялись — в способности к учению, в способности к военным наукам или иным предметам?

Первые дошедшие до нас письма Петра датируются 1688 годом, то есть тем временем, когда он уже был юношей. Но, странное дело, в этих письмах нет и намека на какие-либо способности юного царя! Все они

без тени малейшего сомнения подтверждают тот удручающий факт, что Петр был довольно заурядной личностью: с трудом писал, язык был беден и груб, мысль примитивна и лишена даже самых простых литературных реминисценций. Последнее обстоятельство неоспоримо указывает на то, что Петр не читал книг.

Но как согласовать эту необразованность и отзывы о его способностях в детстве? Неужели Петр, проявив себя смышленным ребенком, со временем утратил интерес к наукам и потерял живость мысли? Или дело в том, что способности юного Петра были неимоверно преувеличены?

Поставленные в тупик этими противоречиями, историки были вынуждены принять в официальных версиях некое компромиссное решение: Петр был способным и смышленным ребенком, но его учили мало и притом не лучшие учителя, поэтому он и вырос неучем. Поскольку наставничество Менезиса несколько нарушало эту версию, то шотландский рейтарский полковник и дипломат был вычеркнут из числа учителей Петра и остался один лишь подьячий Никита Моисеевич Зотов, которого единодушно признали человеком не слишком больших познаний и не слишком способным учителем.

Но соответствует ли последнее предположение истине?

Старших детей Алексея Михайловича обучал Симеон Полоцкий (1629—1680), воспитанник Киево-Могилянской коллегии, знаток многих иностранных языков, в том числе и латыни, блестящий церковный полевист, известный поэт своего времени и сочинитель театральных действий, которые разыгрывались перед царской семьей. После своего переезда в Москву Полоцкий преподавал в Заиконоспасской школе, будущей Славяно-греко-латинской академии, и читал пропове-

ди. В силу своего образования и убеждений Полоцкий был сторонником западной ориентации, что не могло не отразиться на его учениках. Известно, что дети Алексея Михайловича, Алексей, Федор и царевна Софья, владели польским и латинским языками, одевались в польское платье, присутствовали на театральных представлениях, которые ставились во дворце Алексея Михайловича, и, вне всякого сомнения, не чуждались западных идей. В этом видится влияние Симеона Полоцкого.

На фоне этого блестящего эрудита Никита Зотов, официально признанный первым и единственным учителем Петра, выглядит довольно скромно, если не сказать убого. Этого же мнения придерживается и историческая наука, упоминая о Зотове вскользь и даже несколько пренебрежительно, как о заурядном человеке. Такое мнение складывается в силу того, что о первом учителе Петра сохранилось слишком мало сведений.

Предположение о том, что Зотов был малограмотным учителем, вряд ли соответствует истине — кто решился бы неуча определять в наставники царицу? О несомненных способностях и авторитете Зотова свидетельствует то, что он участвовал в 1680—1681 гг. вместе с Тяпкиным, известным боевым полковником и дипломатом, в переговорах с крымским ханом Мурад-Гиреем. Переговоры шли очень трудно, и не раз жизнь русских посланников оказывалась под угрозой, и им потребовалось немалое мужество, самообладание и изворотливость ума, чтобы выполнить поручение. В 1684 году Петр посетил Патриаршую библиотеку, возмущен царившим там беспорядком и поручил Зотову надзор за ее состоянием. Видимо, Зотов любил чтение и разбирался в книгах. По этим сохранившимся скудным сведениям можно судить, насколько обширны были его способности. Не исключено, что он владел

и иностранными языками. И если Петр обладал в детстве немалыми познаниями в науках, то приобрести их он мог лишь через своего учителя.

Таким образом, первого наставника Петра вряд ли можно отнести к невеждам. Поэтому довольно странно выглядит то, что Петр, блестяще начав в детстве свою учебу под руководством незаурядных учителей, со временем не только не углубил и не расширил свои знания, но и полностью их лишился.

* * *

Некоторые историки в своих трудах утверждают, что Петр в 1691—1692 гг. был уже опытным корабельным плотником. Подобного рода заключения делаются со ссылкой на голландца Ноомена, члена товарищества суконщиков в Вест-Заандаме, собравшего обширный материал о пребывании Петра в Голландии. В своей книге Ноомен приводит известие о том, что Петр во время строительства судов на переславской верфи (т.е. осенью 1691-го — весной 1692 г.) «держал заклад с главным мастером Арриеном Местье, кто из них скорее, при равном числе плотников, построит корабль равного размера, и, вследствие искусной уступчивости голландца, выиграл».

В предыдущей главе уже высказывались доводы в пользу того, что переславское строительство началось не в 1689 году, а несколько позднее, не ранее осени 1691 г. Следовательно, у подлинного царя Петра не было времени на учебу. В таком случае вполне уместен вопрос: когда и где он приобрел необходимые навыки в корабельном строительстве? Причем навыки столь основательные, что он не побоялся бросить вызов опытному мастеру.

Как полагал Устрялов, эту школу он прошел при строительстве яхты на Москве-реке весной 1691 г. Эту

же точку зрения разделил и С.М. Соловьев. Но эти кабинетные ученые вряд ли были знакомы с каким-либо ремеслом и вследствие этого наивно предположили, что искусством корабельного плотника можно было овладеть за считанные недели, т.е. за то время, пока строилась небольшая яхта. Конечно, это явное заблуждение людей, не знакомых с физическим трудом, и на самом деле для приобретения серьезных навыков в этом деле нужны были годы упорного труда.

В то же время предположение о том, что Петр учился делу корабела весной 1691 года в Москве, не находит документального подтверждения, и вероятней всего, что он не участвовал в постройке яхты. Косвенным подтверждением этому служит предисловие к Морскому регламенту, в котором Петр упоминает только ботик из сараев Измайлова и переславскую флотилию. Странно, что в его памяти удержалось воспоминание о небольшой парусной лодке и забылось такое яркое и впечатляющее событие, как спуск на воду первого крупного судна, построенного при нем и его же собственными руками! Не упоминает он и тех голландских плотников, которые эту яхту строили. Подобная странная забывчивость или намеренное умолчание дают нам право предположить, что если Петр и был опытным корабельным плотником весной 1692 года, то эту опытность он приобрел не в России.

* * *

За период с 1692 по 1697 год известно весьма малое количество собственноручных писем Петра. Надо заметить, что все они написаны крайне, если не сказать, чудовищно, безграмотно. Большею частью вся его переписка велась секретарями. Так, например, за два года Азовских походов (1695—1696) Петр своей рукой не

написал ни одного письма! Вместо него писал Шафиров, и Петр выводил лишь первые слова, адресуясь к своим соратникам «Min Her» или же «Min Her Kenich» (в письмах к Ромодановскому), и ставил в конце писем подпись «Piter».

Возможно, это свидетельство того, что двойник из-за своего плохого знания русского языка долгое время не решался самостоятельно вести свою переписку.

* * *

Принято считать, что Петр выучил голландский язык при работе с плотниками-голландцами на переславской верфи и во время занятий со своим учителем Францем Тиммерманом, голландцем по происхождению. Но это всего лишь предположение. Ни одного письменного или иного свидетельства, проливающего свет на вопрос, когда, где, в каком возрасте и у кого Петр постиг премудрости иностранного языка, мы не имеем. Умолчал об этом и сам Петр в своих воспоминаниях. Некоторые историки предполагают, что Франц Тиммерман начал первый давать уроки голландского языка юному царю. Но против этой версии имеются серьезные возражения. Под руководством Тиммермана Петр решал задачи по арифметике, геометрии, фортификации, делая записи на русском языке, — и это зафиксировано в его ученических тетрадах. Если Петр обучался в это время и голландскому языку, то в этих тетрадах должны были сохраниться какие-либо записи, подтверждающие это обучение: голландский алфавит, отдельные слова и фразы. Но ничего подобного в тетрадах мы не находим.

Надо принять во внимание и следующее. Голландский язык не был широко распространен в Европе. Более употреблялся немецкий или французский. Поэто-

му юного Петра должны были обучать одному из этих языков или же, что более вероятно, латыни, универсальному языку, который понимали все образованные люди того времени. Старшие дети Алексея Михайловича изучали польский и латынь. Скорее всего, такое же образование должен был получить и Петр. Поэтому его знание голландского языка и абсолютное невежество в других вызывает недоумение.

Не находя убедительного объяснения этой лингвистической загадке, большинство историков согласилось с предположением, что Петра в детстве почти ничему не учили. Старшие дети Алексея Михайловича, особенно Софья, испытывали к Нарышкиным ревность и неприязнь и сознательно не заботились о надлежащем воспитании царевича. И он, уже в юношеском возрасте, испытывая неодолимую тягу к знаниям, по выражению Соловьева, «сам себе выбирал учителей». Такими учителями, случайно выбранными Петром, и стали грубые голландские плотники, которые, однако, оказались прекрасными мастерами не только в плотницком ремесле, но и в преподавании своего языка. Петр буквально на лету выучил его.

Но, проявив во время работы на верфях блестящие способности по усвоению иностранной речи, Петр в дальнейшем полностью их утратил, так как за всю оставшуюся жизнь не выучил ни слова на других языках, хотя много лет общался, кроме голландцев, с немцами, англичанами, шведами и подолгу бывал за границей.

О его более чем скромных способностях свидетельствует то, что он плохо владел и родным русским языком. Многочисленные безграмотные письма и бумаги Петра красноречиво подтверждают это. Его нельзя отнести к способным людям. Поэтому быстрое и успешное освоение им голландского языка является определенно рода феноменом, малопонятным и труднообъяснимым.

Во втором Семеновском походе (осень 1691 г.) Петр имел звание рейтарского ротмистра. Возможно, что и в предыдущих потешных походах он имел тот же чин, во всяком случае, числился в кавалерии. Это вполне объяснимо, принимая во внимание то, что первоначальную военную подготовку он прошел у рейтарского полковника Менезиса. Впоследствии ни воинское звание рейтарского ротмистра, ни то, что он начинал свою службу в коннице, никогда не упоминалось ни современниками, ни самим Петром. Да и умение держаться в седле Петр, как кажется, полностью утратил на несколько лет. Лихой конник и ротмистр неожиданно превращается в пехотного сержанта (в этом звании он участвует в Кожуховском походе 1694 года).

Трудно понять и неожиданное понижение Петра в воинском чине. Кавалерийский ротмистр соответствовал в старой армии пехотному капитану или даже майору. Капитан был разжалован в сержанты? Или же сам пожелал начать службу в пехотных частях в солдатском чине? В это верится с трудом.

Некоторые историки утверждают, что Петр начал потешную службу барабанщиком в Преображенском полку, поэтому сохранил на всю жизнь привязанность к барабану и довольно ловко исполнял на нем различные военные сигналы. Но если это так, то когда он освоил рейтарскую науку и на основании чего был переведен в кавалерию и произведен в ротмистры?

Довольно странно выглядит и то, что в последнем потешном походе, состоявшемся в 1694 г., не было ни одного рейтарского подразделения. Не упоминаются рейтары и в составах армейских частей. Похоже, что

этот вид кавалерии был неожиданно и повсеместно упразднен. Не потому ли, что рейтары наиболее хорошо знали царевича Петра и могли разоблачить двойника?

* * *

В отечественной живописи не сохранилось портретов Петра (я имею в виду портреты, написанные с натуры), выполненных ранее 1698 года. И это также вызывает определенные подозрения, поскольку иностранные живописцы довольно часто навещали Россию и в первую очередь рисовали влиятельных особ. Трудно поверить в то, что Петр до своего выезда в Европу ни разу не был зарисован. Но если его рисовали, то где же его ранние портреты? Пропали или были уничтожены?

Но, как кажется, один из них уцелел.

Просматривая портреты исторических личностей петровской поры, нельзя не обратить внимания на один из них. Хотя этот портрет и не отличается особыми художественными достоинствами, но все же вызывает откровенный интерес. Он носит название «Неизвестный в платье потешных войск» и приписывается кисти известного русского живописца И.Н. Никитина, что вряд ли соответствует действительности. Изображен на нем загорелый до смуглоты — но лоб его при этом остался бледным — круглолицый молодой человек в черном парике, с выкаченными карими глазами, пухлыми губами и черными тонкими усами. Не надо быть слишком искушенным знатоком русского исторического портрета XVII века, чтобы заметить разительное сходство между этим неизвестным и царем Петром. Как кажется, единственное, что мешает специалистам идентифицировать этот портрет как наиболее раннее изображение царевича Петра, так это не-

привычная одежда и чуть иной тип лица — более грубоватый, более насыщенный азиатскими чертами, но и более добродушный, в отличие от канонического лица Петра, которое нам известно по многочисленным изображениям. Хотя и называют искусствоведы одежду этого неизвестного «платьем потешных войск», но одет он не в мундир преображенца, а в простой суконный или кожаный камзол рейтара, без пуговиц и со скромными нашивками, предназначенный для того, чтобы поверх него носить кирасу. На руках у молодого человека черные кавалерийские перчатки с раструбами, а с левого бока видна рукоять сабли, что еще раз указывает на его принадлежность к кавалерии. Длинные локоны парика стянуты в косичку — видимо для того, чтобы не мешали во время скачки.

Скорее всего, это и есть единственное уцелевшее изображение подлинного Петра Алексеевича. То, что он одет в одежду кавалериста, хорошо согласуется с ранее высказанными предположениями о его службе в рейтарских частях.

Этот портрет мог быть написан не позднее 1691 года, когда Петру исполнилось 19 лет, что вполне соответствует внешнему облику изображенного юноши. Писал его, конечно же, не Никитин, который в это время был еще ребенком, а другой русский художник, еще не совсем уверенно работающий в европейской манере. Видимо, портрет этот написан во время военных маневров: Петр Алексеевич сбросил с себя кирасу и шлем, но так и остался в своем кожаном колете и при сабле. Он вышел к художнику, как кажется, еще не смыв с себя полностью пыль потешных сражений, но не возбужденный и порывистый, а спокойный и уравновешенный. Некрасивое его лицо сосредоточено. Русский царь как он есть.

Потешный Петровский полк, который учредил перед смертью царь Алексей Михайлович и который упоминал Крекшин в своем сочинении, почему-то полностью забыт отечественными историками. Менезис мог преобразовать его в рейтарский, поскольку сверстники, первоначально разделявшие с Петром его детские забавы, были из аристократических семей. Им-то и надлежало служить не в пехотных, а в этих привилегированных частях. Забыт был этот полк и самим Петром, и впоследствии он ни одним словом не обмолвился в своих воспоминаниях о службе в кавалерии. Сохранилась его запись о начале своей воинской службы: «Служить зачал с первого Азовского похода бомбардиром, когда каланчи были взяты».

Эта запись запутывает ситуацию окончательно. Еще можно понять Петра, когда начало своей службы он не связывает с потешными многолетними играми — это были детские забавы, которые и в самом деле неудобно называть настоящей армейской службой. Но почему счет своего армейского стажа он начинает не с первого дня Азовского похода, а со дня взятия первых турецких укреплений? Проявляет похвальную скромность и начинает свой солдатский стаж с первого настоящего боя?

Но эту ситуацию можно рассматривать и несколько иначе. Предположим, что именно в эти дни самозванец появляется под стенами Азова, что он и отметил в своих записях, не рассчитанных на широкий круг читателей. Но тогда появляются другие вопросы: где он находился до этого времени и чем занимался?..

В это же время Петр меняет свою подпись. Если раньше он подписывался Petrus, т.е. использовал лати-

низированный вариант своего имени, что говорит о его знакомстве с латинским языком, которому его мог обучить Менезис, то после 1692 года он именуется Peter.

* * *

Как отметили современники, «на двадцатом году жизни» (т.е. в 1691—1692 гг.) у Петра неожиданно появляется заболевание — «трясение головы», страшные и мучительные судороги лицевых мышц, продолжавшиеся порой по несколько часов. Штахлин, еще один иностранный биограф Петра, их описывает следующим образом:

«Известно, что монарх этот с молодости и до самой смерти был подвержен частым и коротким приступам довольно сильных мозговых припадков. Подобные припадки конвульсий приводили его на некоторое время, иногда на целые часы, в такое тяжелое состояние, что он не мог выносить не только присутствия посторонних, но даже лучших друзей. Пароксизм этот всегда предвещался сильной судорогой шеи с левой стороны и неистовым подергиванием лицевых мускулов. Вследствие того — постоянное употребление лекарств, иногда странных, вроде порошка, приготовленного из желудка и крыльев сороки. Вследствие этого же — привычка спать, положив обе руки на плечи ординарца».

Русские современники Петра, несколько более сдержанные в описании болезни царя, говорили, что он «голову запрометывал и ногою запинаясь». Впоследствии эти приступы стали сопровождаться взрывами необузданного гнева и бешенства. Известен случай, когда он гнался с обнаженным кортиком за пажом и чуть не убил его, лишь за то, что тот неловко снял с него ночной колпак и при этом дернул его за волосы.

Это нервное заболевание, как предполагают историки, развилось в Петре из-за потрясений, испытанных

во время стрелецкого бунта 1682 г. и во время отстранения Софьи от власти в 1689 г. Но вряд ли это верно — слишком значительный срок прошел после этих событий, поэтому причину заболевания надо искать в другом.

Француз Невиль, приехавший в Москву летом 1689 г. и покинувший ее в конце того же года, нервного заболевания у семнадцатилетнего Петра не заметил и в своих записках писал следующее: «Царевич Петр был коронован к удовольствию всей России; этот государь очень приятен и строен, судя по живости его ума можно бы ожидать великих дел от его правления, если бы он получил хорошее руководство».

Если бы Петр Алексеевич страдал в это время нервным тиком, то это не ускользнуло бы от внимания Невилля и нашло бы место в его записках. Поэтому можно предположить, что это заболевание появилось лишь у двойника Петра и объясняется тем огромным нервным потрясением, которое ему пришлось испытать, когда его заставили выдавать себя за царя.

Обращает на себя внимание то, что Невиль не отметил и высокого роста Петра (рост Петра превышал два метра). Похоже, что московский царь в это время ничем особенным не отличался от прочих людей.

Спустя три года до Невилля доходят новые сведения о внешнем виде Петра и его занятиях, и он заносит их в свои записки, помещая в предпоследней главе «Современное состояние Московии»: «Единственное его достоинство — жестокость; глаза его, хотя и большие, но имеют вид растерянный; так что на них тягостно смотреть; голова постоянно качается, хотя ему всего двадцать лет, а его развлечения заключаются в устройстве драк между приближенными, а зимой — купанья их в проруби, а также в колокольном звоне и пожарах».

Контраст между Петром, которого он видел в 1689 г., и тем человеком, о котором ему рассказали спус-

тя три года, разительный! Изменился если не внешний вид царя, то его внутреннее состояние: вместо прежней живости у него появилась растерянность и неуверенность в себе. Да и вкусы его огрубели — он стал более плебеем, чем аристократом, что и проявилось в виде интереса к низменным забавам.

Фоккеродт, несмотря на свое уважение к монарху, также отметил его необыкновенно грубые вкусы: «У него не было ни малейшего вкуса в удовольствиях, так же как и в других вещах, служащих людям для украшения и развлечения: он вовсе не понимал разборчивости в том. Все его развлечения имели в себе что-то грубое и неприятное. Самые непристойные виды забав нравились ему больше всего, и ничто не приводило его в такое восхищение, как возможность насильно принудить людей сделать или вытерпеть что-нибудь противное их природе. У кого было природное отвращение к вину, маслу, сыру, устрицам и подобным кушаньям, тому при всяком случае набивали рот этими вещами, а кто был раздражителен и всего более корчил рожи при этом, тот наиболее и потешал Петра I; оттого многие совсем не раздражительные от природы притворялись такими, чтобы тем заискивать в нем».

Такой же грубой и неумеренной была и страсть Петра к тушению пожаров. Влечение это обнаружилось в нем в том же 1692 году и имело какой-то болезненный характер. Петр бросал все свои дела ради тушения пожаров и занимался этим с каким-то нездоровым азартом. Несомненно, это была пиромания в самой крайней форме. Вот один из характерных примеров. 9 декабря 1694 года скончался Павел Менезис, первый наставник Петра Алексеевича. Похороны состоялись в Немецкой слободе, и генерал-майора русской службы в последний путь провожали с торжественными воинскими почестями. Для участия в них были «наряжены» по три

роты от Преображенского, Семеновского, Бутырского и Лефортовского полков. Церемония погребения началась в 10 часов католической службой и должна была продолжаться весь день. Но в начале церемонии пришло известие о том, что на Покровке начался пожар. Петр немедленно покидает дом и семью покойного и с несколькими офицерами и солдатами бросается на тушение огня. Похороны прерываются на неопределенное время, видимо, к большому недоумению и даже обиде присутствующих. Спустя два часа, так и не дождавшись Петра, церемонию вновь возобновляют. Патрик Гордон, записавший в своем дневнике этот случай, деликатно умолчал о том, явился ли царь на продолжение церемонии или нет. Эта сдержанность дает повод думать, что Петр так и не проводил своего наставника в последний путь.

Кроме страсти к тушению пожаров, такую же болезненную тягу Петр испытывал к выдиранию зубов и к препарированию трупов. Вырванные им зубы он складывал в специальные мешочки, которые зачем-то бережно сохранял, и после его смерти они обнаружались в его личных вещах вместе с набором специальных щипцов.

Особенно отталкивающей видится страсть Петра к анатомированию. Во время своих зарубежных путешествий он обязательно посещал анатомические театры и с каким-то удовольствием подолгу разглядывал препарированные трупы и различных уродцев, заспиртованных в банках, и покупал их для своей Кунсткамеры. В Амстердаме во время подобного посещения ему так понравился заспиртованный младенец, что он вытащил его из банки и поцеловал в губы.

В Лейдене, во время осмотра другого анатомического театра, Петр, заметив брезгливость на лицах некоторых русских из своего сопровождения, пришел в

такую ярость, что заставил их зубами разрывать мышцы на препарированном трупe, выставленном как один из экспонатов этого театра.

Казнив свою любовницу Гамильтон, он поднял за волосы ее отрубленную голову, поцеловал в губы и стал давать своей свите некоторые пояснения, показывая вены и кости перерубленной шеи.

Когда в 1715 г. умерла царица Марфа Апраксина, вдова его брата Федора, славившаяся своей безупречной жизнью, Петр принял участие в ее вскрытии, желая убедиться, сохранила ли она свою непорочность.

В этом же году 22 октября умерла после родов и принцесса Шарлотта Вольфенбюттельская, супруга его сына Алексея. Тело усопшей было вскрыто на другой день по кончине в присутствии царя. Согласно записи в «Журнале», в котором отмечались все события, имевшие место в жизни царя, Петр «смотрел анатомию кронпринцессы».

Знакомясь с подобными «анатомическими деяниями» Петра, следовало бы откровенно назвать великого преобразователя России бесчувственным животным, лишенным самых элементарных понятий о границах приличного. Но, скорее всего, здесь нечто иное: это был человек с изуродованной психикой, имевший явные патологические наклонности.

В 1710 году Петр устроил шутовскую свадьбу своего карлика Якима Волкова. После венчания и торжественного пира, на который были свезены карлики со всей России, молодожены были отведены в спальню, куда последовал и сам Петр. Историки деликатно умолчала о цели его странного визита в столь интимное место и в столь неподходящее время, но, как можно предположить, это было болезненное любопытство, которое он даже не стремился скрыть от окружающих.

Известен его указ 1718 года о приобретении различных монстров и уродов по всей России для пополнения коллекции Кунсткамеры. Петр определил и плату тем, кто доставит подобные экспонаты: за мертвого урода человеческого — по десяти рублей, скотского — по пяти рублей, птичьего — по три рубля. За живых: за человеческого — сто рублей, скотского — пятнадцать, птичьего — семь; ежели будет «гораздо чудное», то обещано больше. За утайку таких монстров был положен штраф в десять раз больше против указанной платы.

Несомненно, что только человек с явными психическими отклонениями мог повелеть подобное.

Фоккеродт по поводу странных увлечений Петра откровенно заметил: «До конца его жизни самым приятным его занятием было точение (на токарном станке), дергание зубов, выпускание воды у больных водянкой и другие подобные фокусы».

Просматривая литературу о Петре, невозможно не обратить внимания на то, с какой охотой многие авторы приписывают ему первенство почти во всех видах деятельности: Петр первый кораблестроитель, первый организатор регулярной армии, первый законодатель, первый учитель русского народа, первый дипломат, флотоводец, полководец и т.д. Но, выставляя Петра на первое место в масштабных военных и политических сферах, авторы не забывают и о мелочах, и Петр становится пионером в деле учреждения парусного спорта, первым организатором правильного сельского хозяйства, первым врачом, ветеринаром и даже первым овцеводом! Странно, что этот хор откровенных льстецов не назвал его первым стоматологом, первым специалистом в области физической патологии и первым анатомом России. Видимо, даже у самых восторженных почитателей Петра не хватило духа связать его болезненные наклонности с подлинным научным интересом.

В этом же 1692 г. Петр совершает свой наиболее странный поступок. 14 мая за три часа до рассвета умирает его младший семимесячный сын Александр (родился 3 октября 1691 г.), и в этот же день его погребают в Архангельском соборе. На похоронах Петр не присутствовал, хотя находился в этот день в Москве¹.

Чем можно объяснить его отсутствие? Охлаждением или даже неприязнью к семье, крайней «занятостью» на дружеских пирушках, которые стали с этого года неотъемлемой частью его жизни, или очередным сборищем «всепьянейшего и всешутейшего собора», который начал свою деятельность примерно в это же время? Но едва ли любой из этих поводов способен извинить Петра.

О настоящей причине его отсутствия на похоронах сына догадаться не трудно: он панически боялся появиться перед царской семьей и быть разоблаченным.

В этом же 1692 году современники отметили его охлаждение к жене Евдокии Лопухиной. Хотя она и побывала, согласно документам, летом этого года в Переславле на торжествах по случаю завершения строительства флотилии, вряд ли это способствовало укреплению супружеских отношений. Занятый своими кораблями, плаванием по озеру и военными маневрами, Петр едва ли обращал на нее внимание.

---

¹ 9 мая Петр прибыл из Переславля в Москву, 12 мая он был на свадьбе дочери Гордона Анны, 15 мая он был у обедни в своей дворцовой церкви, 16 мая уехал из Москвы в Преображенское, 18 мая был похоронен духовник обоих царей (Петра и Ивана) благовещенский протопоп Меркурий. Петра на похоронах не было, но 21 мая его видели на похоронах капитана ван дер Ницина.

После знакомства с немкой Анной Монс, которое, по некоторым источникам, состоялось в этом же году, Петр окончательно оставляет свою жену. Через несколько лет, по возвращению из заграничного путешествия в 1698 году, Петр отправляет ее в монастырь. Евдокия была уверена, что Петра подменили, но ее мнение, которое относили к пристрастным, по причине перенесенных ею незаслуженных обид и унижений, никогда не принималось всерьез.

Переписка Петра с Евдокией не сохранилась. На основании этого многие историки делают вывод о том, что Петр вообще не писал своей жене и был к ней довольно холоден с первого дня совместной жизни. Но при внимательном чтении личных бумаг Петра невозможно не обратить внимания на одно письмо, которое, как считается, адресовано его матери, царице Наталье Кирилловне, и датировано августом 1693 года:

«Радость моя! По писму твоему ей-ей зело опечалился, потому тебе печаль, а мне какая радость? Пожалуй, зделай мене беднова без печали тем: сама не печалься, а истинно не заживусь. А словесно о нашем пребывании известит Федор Чемаданов. А у нас по се время все здорово малитвами твоими».

Судя по слишком интимному обращению, письмо это адресовано не матери, а Евдокии, и отнести его следует к 1689—1691 гг. Это небольшое послание свидетельствует о взаимных нежных чувствах и, как можно предположить, послано Петром из одного из потешных походов. Он утешает загрустившую в кратковременной разлуке Евдокию обещанием того, что не задержится слишком долго — «истинно не заживусь».

Письмо это, к сожалению, единственное. Но все же оно дает довольно яркое представление о взаимных чувствах Петра и Евдокии, которые никак не укладываются в позднейшую официальную версию их отношений.

Возможно, Петр испытывал симпатию к иностранцам и до 1692 года, но имел достаточно политической мудрости и такта, чтобы этим чувством не раздражать своих русских подданных и духовенство. В этом он был похож на своего отца, царя Алексея Михайловича, который широко привлекал иностранцев на государственную службу и щедро оплачивал их труд, но все же более считался со своими соотечественниками, чем и приобрел славу ревнителя отечественного благочестия и веры.

В 1689 году, сразу же после победы над Софьей, Петр издает указ с запрещением иностранцам приезжать в Россию без царского позволения. В таком шаге видится разумная осмотрительность государственного мужа. России нужны были специалисты, а не шайки искателей приключений, поэтому въезд иностранцев следовало регулировать и вызывать их, исходя из потребностей страны.

Одновременно с этим из Москвы удаляются иезуиты, как наиболее деятельные и ревностные сторонники папского престола, которые, несомненно, беспокоили иерархов православной церкви своей неутомимой пропагандой.

18 декабря 1689 года генералы русской службы Менезис, Гордон и де Граам вместе с другими католиками из Немецкой слободы обратились к Петру с просьбой допустить в Москву католических священников. Несмотря на теплое отношение к этим людям, Петр отказал в их просьбе.

В этом же году последовала странная казнь, которая редко упоминается в исторических исследованиях, посвященных царствованию Петра. В октябре месяце в

Москве, на Болоте, был заживо сожжен лютеранин Квирин Кульман, обитатель Немецкой слободы. Родом он был из Силезии, получил достаточно хорошее образование, но уже в молодости обнаружил признаки повышенной мистической экзальтации и расстройства ума. Кульман путешествовал по Европе, был в Иене, Амстердаме, Лейдене, Париже, Лондоне, даже в Константинополе и в Смирне. Из многих городов был изгнан как богохульник и негодяй.

В 1685 г. Кульман появился в Москве и тайно стал выдавать себя за пророка. Царевна Софья приказала его взять под стражу и допросить. На допросах Кульман утверждал, что «приехал в Москву по гласу ангела, который явился ему в Амстердаме в белых одеждах и велел немедленно отправиться в Россию для исполнения предначертаний свыше; если же в Москве его не послушают, возвратиться назад, к жене, которая в пророчестве была искусней его самого».

К Кульману с осуждением относились и лютеранские пасторы Немецкой слободы и высказывались за его казнь. Софья не успела распорядиться его судьбой, и это дело закончилось при Петре и по его повелению. Это единственный случай, когда Петр осудил иностранца за его отступничество от веры. Впоследствии он предавал казням исключительно русских людей за их религиозные убеждения, но иностранцам в этом вопросе предоставил полную свободу.

Когда в 1690 году у Петра родился сын Алексей, в Грановитой палате был устроен «радостный стол» — обед, на который был приглашен Петром и весьма уважаемый им генерал Гордон. Этому неслыханному ранее делу — приглашению к царскому столу иноземца-католика — воспротивился патриарх Иоаким. Петр проявил деликатность и уважение к его мнению, и Гордон не был допущен к столу. В то же время Петр проявил

особую деликатность и по отношению к обиженному генералу: на другой день он устроил обед специально для Гордона в одном из своих загородных дворцов и проявил к нему особую любезность.

В этом же году Иоаким умер и состоялись выборы нового патриарха. Петр хотя и имел собственное мнение по поводу того, кому отдать патриарший престол, все же разумно уступил и позволил, вопреки своему желанию, вместо просвещенного Маркела, митрополита Псковского, избрать Адриана, митрополита Казанского, известного ревнителя старины.

Подобные действия, направленные на укрепление авторитета и единства православной церкви, которые имели место в первые годы после отстранения Софьи, можно рассматривать как некую временную уступку Петра духовенству, той силе, которая помогла ему в борьбе за трон и дала ему реальную власть. Возможно, это и так, но в то же время они говорят о том, что Петр был склонен к компромиссу и был более гибким политиком, чем в последующие годы.

Но эти же действия можно рассматривать и под другим углом зрения и сделать вполне обоснованный вывод о том, что он, как и его отец, был искренним ревнителем чистоты православия и нравов своего народа.

Для правильного понимания религиозных чувств Петра необходимо иметь представление о том, как православные иерархи относились к нему и какие надежды они на него возлагали. В этом плане весьма показательны события осени 1689 года. Во время противостояния Петра и Софьи, когда еще чаша весов не склонилась явно на чью-либо сторону, «самодержица» послала патриарха Иоакима в Троице-Сергиеву лавру для примирения ее с братом. Но патриарх пренебрег своей высокой миссией и примкнул к Петру. Этот поступок святителя русской церкви значительно усилил ав-

торитет Петра и, в конечном счете, способствовал его быстрой победе.

Решение патриарха, зная его непреклонность в делах веры, едва ли можно связать с какими-либо корыстными интересами или опасениями за свою жизнь. Скорее всего, это был сознательный выбор для пользы православной церкви, которая в этот момент остро нуждалась в поддержке. Василий Васильевич Голицын, просвещенный и европейски образованный человек, фаворит «самодержицы» Софьи был склонен к объединению западной и восточной церковью и имел около себя кружок искренних сторонников подобных идей. После смерти Иоакима предусматривалось избрание в патриархи Сильвестра Медведева¹, одного из

---

¹ *Сильвестр* — в миру Семен Петрович Медведев (1641—1691), подьячий сначала в Курске, потом в Москве в приказе Тайных дел при царе Алексее Михайловиче. Здесь же служил и Федор Шакловитый, впоследствии глава Стрелецкого приказа и ревностный сторонник царевны Софьи. Медведев обратил на себя внимание своей смышленностью, и его отдали в 1665 г. учиться к Симеону Полоцкому. Учился он три года и изучил латинский и польский языки, риторику, пиитику, познакомился с историей, богословием, философией и сделался ревностным последователем Симеона Полоцкого. Сопровождал боярина Ордин-Нащокина в Курляндию, а затем и в Андрусово при заключении мира. В 1674 г. Медведев принял монашество в Путивле. В 1677 г. вернулся в Москву и скоро был назначен справщиком и книгохранителем на московский печатный двор и принимал большое участие в исправлении церковных книг. По смерти Симеона Полоцкого в 1680 г. сделался вместо него главой кружка просвещенных людей, стремящихся к культурному сближению с Западом. В 1682 г. завел школу в Заиконоспасском монастыре, которая отличалась своей прозападной ориентацией. В 1685 г. Медведев представил царевне Софье «привелей» (академический статус) своей школы, что превратило ее, после утверждения «самодержицы», в академию. Но с появлением в Москве греческих братьев Лихудов и с открытием ими своей школы, которую поддержал патриарх, академия Медведева свое существование прекратила. В этом можно усмотреть начало активной борьбы с усиливающимся влиянием западных идей в религиозной сфере.

деятельных сторонников «самодержавия», который при поддержке Голицына и начал бы осуществление планов религиозной унии. Скорее всего, подобное тяготение к Европе и католицизму испытывала и Софья. Именно это и оттолкнуло Иоакима от нее, и он отдал предпочтение более ревностному православному христианину Петру. В нем он ожидал найти энергичного сторонника своим планам укрепления православия в Московском государстве.

Надежды патриарха вполне оправдались. Придя к власти, Петр поменял церковную политику и поддержал наиболее консервативную часть духовенства. Софья была пострижена в монастырь, Голицын отправлен в ссылку, сторонники их были заключены в тюрьмы.

11 февраля 1691 года, после страшных пыток, был казнен и Сильвестр Медведев, идеолог реформации православной веры. Преследуя цели искоренения унитарских настроений среди части духовенства и стремясь предотвратить еще один назревающий церковный раскол, церковь пошла на такой необходимый шаг. Но не исключено, что сторонниками казни старца Сильвестра были не только православные иерархи, но и сам Петр, видя в этом единственную возможность избежать новых религиозных потрясений внутри государства. В этом случае уместно считать его убежденным защитником православия.

Сторонником религиозной унии восточной и западной церковью был и первый воспитатель Петра, Ме-

---

Медведев, так же, как и приятель его Федор Леонтьевич Шакловитый, ставший главою Стрелецкого приказа, поддержали царевну Софью в ее борьбе с Петром, но действовал нерешительно. В 1689 г. Медведев хотел бежать в Польшу, но был задержан на границе и доставлен в Троице-Сергиев монастырь, где был расстрижен и подвергнут пыткам. Обвинялся в желании убить патриарха Иоакима и в подстрекательстве на жизнь Петра и его матери, а также в написании еретических сочинений.

незис. Есть очень много свидетельств, говорящих о том, что Менезис в Риме в 1673 году вел тайные переговоры по этому вопросу и был уполномочен на это самим Алексеем Михайловичем. Так, например, секретарь Менезиса, саксонец Рингубер, в записке папе Иннокентию XI, поданной в 1679 году, прямо утверждал, что Матвеев, отправляя посольство в Рим, имел тайное намерение посредством учащения сношений с папой достигнуть соединения церквей. То же самое утверждалось и в записке кардиналу Алтиери, и высказывалась надежда на скорое осуществление этих планов.

В это время над Россией и Польшей нависла реальная угроза турецкого вторжения, поскольку огромная султанская армия сосредоточилась на Дунае. Возможно, что Алексей Михайлович в объединение церквей или же в разумном диалоге между ними видел то средство, которое поможет сплотить силу различных стран и остановить мусульманскую экспансию. Именно к этому времени относится и заключение русско-польского союза.

Усилия Менезиса в Риме к ощутимым результатам в деле объединения церквей не привели. Но все же он сохранил приверженность этой идее, и всю оставшуюся жизнь искренне сожалел о своей неудаче при папском дворе. Скорее всего, по причине приверженности к унии, он хотя и занял в 1689 году достаточно высокую армейскую должность, но не стал первым человеком в ближайшем окружении царя. Этому противились, как можно предположить, иерархи православной церкви. Под влиянием патриарха и под влиянием собственного религиозного чувства Петр не решился или же сознательно не хотел вновь приблизить к себе Менезиса, как ревностного сторонника идей, которые считались еретическими.

Перед своей смертью патриарх Иоаким оставил завещание, которое можно рассматривать как программу дальнейших действий царя Петра в государственной и церковной областях. Несомненно, он видел в молодом царе своего единомышленника и искреннего ревнителя святоотеческих устоев, поэтому советовал ему сторониться иноземцев и более полагаться на своих русских подданных.

Похоже, что до 1691 года Петр неукоснительно следовал советам патриарха, которые вполне совпадали с его собственными убеждениями. Хотя в исторической науке и распространено мнение, что Лефорт и Гордон стали его любимцами сразу же после низвержения Софьи, но этому нет документальных подтверждений, и, скорее всего, их приблизил к себе лишь двойник Петра.

Подобное сдержанное (пусть и внешне) отношение к иностранцам и твердая позиция в делах веры говорят о том, Петр не только умел разумно выстраивать взаимоотношения со своими подданными, но и имел определенные убеждения. В то же время он умел уступать и не проявлял излишнего упрямства даже в принципиальных вопросах и тем самым счастливо избегал умножения количества своих врагов.

В скором времени все эти полезные для истинного правителя качества бесследно исчезнут и Петр предстанет перед современниками как крайне упрямый и крайне грубый в своих действиях человек, не умеющий, а возможно и не желающий, находить со своими подданными общий язык.

Уже через три года после прихода к власти присущее ему уважительное отношение к мнению своих подданных и их религиозному чувству сменяется каким-то озлобленным глумлением над православием, над собственным народом и над его обычаями. Около Петра быстро собралась «компания», состоящая из ино-

странцев и тех русских людей, которые оторвались от своих православных и национальных корней. И вслед за этим возникает «всешутейший и всепьянейший сбор», на котором осмеянию предается христианская вера, и прежде всего православие. Чего стоит постоянно пьяный «патриарх» Никита Зотов, одетый в церковные ризы, с крестом, сделанным из двух курительных трубок и Священным Писанием, внутри которого были помещены «скляницы» с вином и водкой! Омерзительные попойки этого сборища и еще более омерзительные развлечения, которым они предавались вместе с Петром, едва ли совместимы с религиозным чувством, которое демонстрировал русский царь до этого.

Во время первого заграничного путешествия Петр, едва успев покинуть пределы России, без стеснения порочит своих подданных, выставя их невеждами, дикарями и безнравственными людьми. Находясь в Голландии, он показывает какое-то удивительное уважение к голландцам, даже откровенную симпатию к ним, к их законам и привычкам. Но к своим соотечественникам у него лишь ненависть и презрение. Князь Иван Степанович Шаховской и Александр Алексеевич Левонтьев, сопровождавшие Петра в заграничном путешествии, высказали пожелание, чтобы царь более заботился о своем престиже перед иностранцами. Петр так рассвирепел на них за этот вполне оправданный совет, что приказал заковать их в кандалы и хотел тут же казнить, но этому воспротивились голландские административные лица, ссылаясь на свои законы. Тогда Петр велел отослать одного из них в Ост-Индию, а другого в Суринам. Дальнейшая судьба этих царских волонтеров осталась неизвестной.

Здесь же, в Европе, Петр торопится заявить, что намерен одеть русских в европейское платье и заста-

вить их брить бороды. И сразу же по возвращению он твердо и жестко, с какой-то откровенной тупостью или глумлением осуществляет задуманное, собственноручно обрезая бороды у аристократов. Затем бороды стали резать на всем необозримом пространстве России. Кроме бород отрезались и полы длиннополых русских кафтанов и их широкие рукава, для чего при въезде в города ставились специальные заставы. Запрещалось шить русское платье, седла, строить привычные дома, печи и даже делать лодки по русским образцам. Меры грубые, унижительные, характеризующие Петра как недалекого и крайне упрямого человека, не имеющего прочных связей с национальными традициями. Впоследствии многочисленные и не слишком умные почитатели Петра и люди, бесчувственные к национальному унижению, рукоплескали ему за подобные ничтожные «деяния», усматривая в них проявления истинного просветительского духа.

Совершенно неожиданно и необоснованно у него появляется презрение к собственному народу, которое он выразит известной фразой, записанной брауншвейгским резидентом в Санкт-Петербурге Вебером: «Сам царь, вполне понимающий превосходным умом своим недостатки своих подданных, называет их стадом неразумных животных, которых он делает людьми».

Даже Вебер, донесший до нас эти слова, был несколько сдержанней в своих оценках и не испытывал к России подобной враждебности.

В этом презрении Петра к русскому народу и нежелании считаться с его культурными особенностями чувствуется что-то нерусское, какая-то чужеземная неприязнь. И, самое главное, обозначается она в нем совершенно неожиданно, без каких-либо серьезных видимых причин.

ГОД 1694-й. СМЕРТЬ МАТЕРИ И ЧУДЕСНОЕ СПАСЕНИЕ НА ВОДАХ

25 января 1694 года, после непродолжительной болезни, скончалась царица Наталья Кирилловна, мать Петра, которую он, казалось бы, горячо любил. Было ей всего 43 года (некоторые историки считают, что и меньше). Застав в этот день мать безнадежно больной, Петр все же не остался у постели умирающей, а уехал в Преображенское. Не появился он и на похоронах матери и не проводил ее в последний путь. Не был он и на заупокойной литургии на третий день, на девятый, двадцатый, не был он и на сороковинах. Некоторые историки, смущенные подобным безразличием к нежно любимой им матери (что следовало из ранних его писем), приписали Петру тайное посещение могилы умершей, где он «в одиночестве оплакивал ее смерть». Но свидетельство современника, на котором основана эта легенда, не слишком достоверно и не вызывает особого доверия. В течение последующих тридцати лет своей жизни Петр ни разу не вспомнил о матери, поэтому можно смело утверждать, что сыновних чувств он к ней не испытывал.

Архангельскому воеводе Ф.М. Апраксину Петр сообщил о своей горе кратко, но выразительно: «Беду свою и последнюю печаль глухо объявляю, о которой подробно писать рука моя не может купно же и сердце». Выплеснув в нескольких словах свое горе, Петр продолжает: «Яко Ной от беды отдохнув и о невозвратном оставя, о живом пишу». Это «живое» были приказания о строительстве судов в Архангельске.

Судя по слишком литературным оборотам письма и умению немногими словами передать скорбное (но и

неопределенное!) состояние души, писал его не Петр, который никогда не отличался изяществом и выразительной точностью в эпистолярном жанре. Письмо это написано бойким и искусственным в русской словесности писцом из царской канцелярии. Но чем же тогда занимался Петр в эти печальные дни? Исторические документы того времени свидетельствуют лишь об одном: Петр все это время проводил в веселых и шумных забавах и пирушках со своими друзьями-иноземцами!

Развлечения эти начались с Масленицы и продолжались в дни Великого поста, когда царица Наталья Кирилловна медленно угасала.

«Генваря в 12-й день женился шут Яков Федорович сын Тургенев на дьячей жене, а за ним в поезде были бояре и окольные, и думные, и всех чинов палатные люди; а ехали они на быках, на козлах, на свиньях, на собаках. А в платьях были смешных: в кулях мочальных, в шляпах лычных, в крашенниных кафтанах, опушены кошачьими лапками, в серых разноцветных кафтанах, опушены белыми хвостами, в соломенных сапогах, в мышьих рукавицах, в лубочных шапках. А Тургенев сам ехал с женою в государской лучшей бархотной карете; а за ним шли Трубецкие, Шереметевы, Голицыны, Гагины, промеж Преображенского и Семеновского. И тут был банкет великий три дня.

И генваря в 24-й день он (Тургенев) в ночи умер».

Так описывал царские увеселения тех дней И.А. Желябужский¹.

---

¹ Относительно того, в каком году происходили эти святочные потехи, есть разночтения. С.М. Соловьев, автор «Истории России с древнейших времен», относит их к 1694 году, Павленко — к 1695-му. Возможно, что Павленко считал, что Петр не мог столь кощунственно вести себя во время болезни матери, поэтому и перенес на другой год эти безобразные игрища. Такому вольному обращению с датами способствовали и трудности пересчета со старорусского ле-

Веселые застолья Петра продолжались и в день кончины царицы: оставив 25 января умирающую мать, он выезжает в Немецкую слободу, где присутствует на банкете и танцах в доме Гордона. Известие о смерти матери не остановило этого буйного веселья, но, как кажется, лишь придало ему особую силу: 28 и 29 января он пирует с Лефортом, 2 февраля выезжает в Троицкое вместе с Гордоном, где их хорошо угостили, 6 февраля на свадьбе майора Беккера фон Даллена, 9 февраля у И.А. Матюшкина, по случаю его отъезда на воеводство в Вятку. 11 февраля Лефорт устраивает грандиозный банкет на 250 человек, на котором присутствует и Петр.

У Петра даже не хватило такта отменить все увеселительные мероприятия в дни траура. Как кажется, смерть царицы лишь придала еще больше веселья Петру.

1 мая Петр выезжает в Архангельск. Там он присутствует на торжественном спуске на воду корабля «Святой Павел», на котором впервые поднимает новый флаг, впоследствии ставший государственным: красно-сине-белое полотнище. Флаг этот есть не что иное, как подражание голландскому, в котором лишь переставлены полосы.

30 мая на яхте «Святой Петр» царь отправляется к Соловецкому монастырю. Но ветер стих, и судно целые сутки простояло в устье Двины. 1 июня подул крепкий ветер и путешествие продолжилось. Но когда достигли Унской губы, в 120 верстах от Архангельска, разразился страшный шторм. Паруса на яхте были убраны, но огромные волны швыряли ее как скорлупку. Опытные поморские мореходы, управляющие судном, не скрывали, что гибель неизбежна. Петр был так напуган, что в

тоисчисления на новое. Но даже если эта шутовская свадьба и происходила в январе 1695 года, едва ли ее можно назвать уместной и не оскорбительной по отношению к памяти царицы Натальи Кирилловны, так как еще не был окончен траур по ее кончине.

ожидании смерти даже приобщился святых таён из рук архиепископа Афанасия. Но крушения все же удалось избежать: лодейный кормщик Антип Тимофеев сумел ввести яхту в Унскую губу.

Оказавшись на берегу, Петр со своими спутниками отправился в близлежащий монастырский храм Преображения Господня и там принес благодарность Всевышнему за свое избавление от смерти. Служителям храма и монахам были сделаны подарки и оказаны другие милости. После того, как буря стихла, Петр 6 июля вышел в море и на следующий день благополучно прибыл к Соловецкому острову, где трое суток, если верить некоторым авторам, провел в посте и молитвах.

В память своего чудесного спасения на водах Петр собственноручно вытесал деревянный крест в пять аршин длиной и три шириной и поставил его на том месте, на котором вышел с яхты на берег в Унской губе. На кресте он ножом вырезал следующую надпись на голландском языке:

Dat Krus ma Ken kaptein Piter van a ch. st. 1694

Т.е. «крест поставил капитан Питер в лето Христово 1694».

Эта надпись достойна особого и самого пристального рассмотрения. Почему она сделана на голландском языке? Почему русский царь вдруг называет себя «капитаном Питером»?

Да, хорошо известно, что Петр после знакомства с иностранцами позволил им и немногим русским обращаться к себе несколько фамильярно — «господин бомбардир», «господин командор» или «господин капитан». Но трудно себе представить ситуацию, когда человек, чудом избежавший смерти, обращается к Богу на языке, которым еще плохо владеет, и называет себя

чужим именем. А именно это и делает Петр: он безграмотно царапает на кресте голландские слова, называет себя не царем и даже не рабом Божиим, как сделал бы любой русский человек того времени на его месте, но *kaptein Piter!* Зачем?.. В это время он даже не имел права именоваться капитаном, поскольку еще не обладал достаточным опытом в управлении кораблями и едва ли знал морскую навигацию. Видится в этой надписи какое-то неумное, нескромное или просто по-детски наивное и хвастливое поведение перед Богом...

Но если принять во внимание, что перед Творцом и небесами не лгут и, разговаривая с ними, люди бывают наиболее откровенны, то нам откроется нечто неожиданное в этой странной надписи. Она предельно откровенна и честна! И сделал ее, конечно же, не русский царь Петр Алексеевич, а голландский *kaptein Piter*, чудесным образом спасшийся в бушующем море, и который вошел в нашу историю под именем Петра Великого.

8

ПОДМЕНА

Все эти факты достаточно убедительно подтверждают то, о чем русский народ говорил еще при жизни Петра, — русский царь действительно был подменен. «Непристойные речи» появились как отражение реального трагического происшествия, но единственно, в чем они не были согласованы, так это в определении конкретного времени, места и обстоятельств подмены царя Петра Алексеевича. Попытаемся восполнить этот пробел своей версией тех давних событий.

Осенью 1691 года, во время второго Семеновского похода, случилось непредвиденное трагическое проис-

шествие. Возможно, что в артиллерийской перестрелке или в жаркой кавалерийской атаке, в которую Петр увлек своих рейтар, он был смертельно ранен, — такое было не редкостью во время потешных учениях. Так, например, летом 1690 года во время одного из подобных примерных сражений лопнула ручная граната, опалив лицо царя и ранив многих офицеров. В другом таком же сражении, произошедшем 4 сентября того же года, было много раненых, в том числе пострадал и сам генерал Гордон, у которого была серьезно повреждена нога и обожжено лицо.

Сохранилась шутливая реляция второго Семеновского похода, к которой сделана весьма примечательная приписка: «И тот бой равнялся судному дню». Не намек ли это неизвестного очевидца на некоторые драматические обстоятельства? Но даже если рассматривать эту приписку как насмешливое сравнение, то нельзя не поразиться ее пророческому смыслу.

В этом потешном учении пострадал не один Петр. Вместе с ним был тяжело ранен в правую руку ближний стольник князь Иван Дмитриевич Долгорукий, который вскоре и скончался. Видимо, он был близок Петру, и тот, сам находясь при смерти, все же написал письмо Федору Апраксину, со скорбью извещая о кончине своего товарища по воинским забавам:

«Федор Матвеевич.

Против сего пятоенадесять числа в ночи, в шестом часу, князь Иван Дмитриевич от тяжкия своея раны, паче же изволением Божиим, переселися в вечные кривы, по чину Адамову, идеже и всем нам по времени бытии. Посеем, здравствуй.

Писавый *Petrus*».

Видимо, это было последнее письмо подлинного царя Петра Алексеевича.

«Генералиссимус Фридрих» — князь Федор Юрьевич Ромодановский, под началом которого служил ротмистр Алексеев, и генералиссимус Иван Иванович Бутурлин, командующий «вражеской армии», предвидя скорую смерть царя, в отчаянной попытке уберечь себя от плахи решаются на немислимый и дерзкий поступок — на подмену. Но, скорее всего, делают это они в створе с другими высокопоставленными офицерами потешных и стрелецких полков. Спустя год после этих событий, как это описывает Устрялов, Петр опасно заболел кровавым поносом — видимо, это была дизентерия. Болезнь продолжалась с ноября до конца января следующего, 1693 года, и особенно слаб он был в декабре. Когда его состояние стало наиболее критическим, то Лефорт, князь Б.А. Голицын, Ф.М. Апраксин и Плещеев приготовили лошадей, чтобы бежать из Москвы, как доносил об этом в Ригу шведский резидент Кохен. Не исключено, что эти люди были в какой-то мере причастны к подмене царя.

Впоследствии все они составили «компанию», кружок наиболее близких к царю людей, сосредоточивших в своих руках реальную государственную власть. Видимо, именно их совместными усилиями и был отыскан в 1691 году, после ранения Петра, кандидат, имевший некоторое сходство с подлинным царем.

Вначале попробуем ответить на вопрос, кто это мог быть. Знание голландского языка, неожиданно приобретенное Петром в 1692 году, неоспоримо указывает на то, что он был отыскан среди голландцев. На это указывает и следующее обстоятельство. Во время своего первого путешествия за границу в составе Великого посольства в 1697—1698 гг. Петр, нарушая все инструкции и планы посольства, из Германии отправляется в Голландию, хотя должен был ехать в Вену, для решения весьма важного для России вопроса о войне с Турцией. Из-за этого

довольно легкомысленного решения Россия полностью лишилась каких-либо выгод при заключении мирного договора с турецким султаном и упустила время, которое могла использовать для усиления своего военного и политического влияния на южных рубежах.

Впоследствии этому обстоятельству найдут много извиняющих причин и хитроумных оправданий. Но если здраво разобраться в них и отсеять все лукавые доводы, то поступок Петра предстанет в своем истинном и неприглядном виде: он пренебрег политическими выгодами государства ради своего капризного и ничтожного желания видеть морские суда и стремления усовершенствовать свои плотницкие навыки! Вряд ли бы истинный монарх, имевший хотя бы небольшое чувство ответственности перед своим государством, поступил подобным образом. Но такой поступок вполне мог совершить не слишком ответственный и заурядный человек, давно не видевший своей родины и скучающий по ней и еще не совсем освоившийся с новым своим званием и со своими тяжелыми государственными обязанностями.

Проплывая мимо Амстердама по Рейну и каналам, Петр не стал задерживаться для посещения столицы Голландских Штатов, поскольку торопился в Саардам, или, как еще произносили это название, Заандам. Его желание быстрее попасть в этот маленький и ничем не примечательный прибрежный поселок столь велико, что он с несколькими спутниками ночью на лодке отправляется туда. Историки объяснят это нетерпение присущей Петру порывистостью и импульсивностью в поступках и тем, что именно в Саардаме строились лучшие корабли, которые и влекли его к себе с неодолимой силой. Но, скорее всего, это было нетерпение другого рода. К тому же в Саардаме строились лишь большие шлюпки и купеческие корабли, и Петр, совер-

шая путешествие через всю Голландию, не мог не слышать об этом. Ему же нужны были военные суда. Поэтому его поездка в этот прибрежный поселок была совершенно бесполезна для приобретения необходимых знаний, и в ней видится какой-то иной и скрытый смысл. Возможно, он был уроженцем этих мест, и тоска по ним заставила его забыть свою роль, дипломатические выгоды чужой ему страны и с лихорадочным нетерпением стремиться сюда¹.

Прибыв рано утром 8 августа (18 августа по новому стилю) в Саардам, Петр встретил кузнеца Геррита Киста, который ловил угрей на канале и, узнав его, поздоровался с ним. Кист несколько лет назад работал в Москве, чем и объясняется его знакомство с царем. Но странно, что Петр так хорошо знал именно саардамцев, находившихся по тем или иным причинам в России!

---

¹ Такое же пренебрежение политическими выгодами России Петр продемонстрировал и месяц спустя, уже находясь в Амстердаме. В сентябре 1697 г. австрийский полководец Евгений Савойский нанес туркам сокрушительное поражение при Зенте. Ситуация для всех стран антитурецкой коалиции, в том числе и для России, складывалась весьма благоприятной, и следовало разумно воспользоваться ею. Но чтобы извлечь определенные выгоды из этой победы, российское посольство должно было немедленно отправиться в Вену для отстаивания своих политических интересов и согласования военных планов с императором Леопольдом I. Но, вопреки здравому смыслу, Петр продолжал стучать на верфях топором и в свободное время увлеченно рассматривал заспиртованных уродцев в анатомических театрах Амстердама, совершенно не принимая в расчет интересы своего государства. В начале следующего года он отправился в Англию и только после того, как счел себя достаточно искушенным в плотницком мастерстве, выезжает в Вену. Но дипломатия, так же как и война, не прощает промедления, и естественно, что Россия никаких выгод не получила при заключении мирного договора Австрии с Турцией. Спустя три года русские дипломаты вынуждены были в одиночестве искать мира с Турцией и, практически, потеряли все, что завоевывалось на южных рубежах государства кровью и жизнью тысяч своих соотечественников.

В первый день своего пребывания в Саардаме он посетил всех родственников голландских плотников, работавших в Москве: выпил рюмку можжевелевой водки у матери Томаса Иезиаса, пообедал у жены Яна Ренсена, навестил Марию Гитманс, бедную женщину, сын которой работал в России на постройке судов. В этот дом зашла и Ансет Метье, жена другого плотника, и спросила о своем муже, еще продолжавшем работать в Москве, Петр ответил ей: «Я хорошо знаю его, потому что рядом с ним строил корабль». Ансет с сомнением отнеслась к словам Петра и с недоверием спросила: «Разве ты плотник?» На что Петр ответил: «Да, и я плотник».

Этот ответ можно рассматривать как добродушную шутку Петра. Но можно видеть в нем и честный ответ честного голландца.

Посетил он и дом Антония ван Каувенгоофе, заандамского сторожа, сын которого жил в Москве и работал мастером на лесопильной мельнице.

В этот же день он вторично обедал в семье другого голландца, плотника Клааса Муша (уже упоминавшийся голландец Ноомен называет его Клаас Виллемсон Мес), также выходца из Саардама, умершего в Москве.

Подобное хождение по гостям весьма напоминает поведение человека, вернувшегося после длительного отсутствия домой и спешащего навестить всех своих родственников и добрых знакомых.

Обращает на себя внимание и следующее обстоятельство. Петр постоянно оказывал семье Клааса Муша материальную помощь. Еще не достигнув Голландии, он послал вдове Клааса 500 гульденов (около 7 кг серебра), сумму по тем временам огромную. Геррит Муш, брат Клааса, был нанят кают-юнгом на буер, который купил Петр в Саардаме 12 августа у купца Дирка Стоффельссона. Петр был очень доволен расторопностью и усердием Геррита и не раз бывал у него в доме, пригла-

шал жену его и невестку к себе на обед и подарил им по золотому кольцу. Покидая Голландию, Петр подарил буер, стоивший 450 гульденов, вдове Клааса. Стоит сказать, что кормщик Антип Тимофеев, спасший Петру жизнь во время шторма на Белом море, получил от него всего тридцать рублей (2 кг серебра, около 150 гульденов).

Такая щедрость и даже расточительность по отношению к семье безвестного плотника, умершего в Москве, вызывает многие вопросы. Тем более что семьям других голландцев, умерших в России, такая помощь не оказывалась. Предположим, семье того же Карште-на Брандта (умер в Архангельске 31 мая 1694 г.), или семье другого плотника, Корта, умершего в Переславле в 1692 году, которые имели, по сравнению с безвестным Клаасом Мушем, несравненно большие заслуги в деле создания российского флота и были более длительный срок знакомы с Петром.

Необычайно щедрые подарки и какое-то особо теплое отношение ко всем Мушам заставляют подозревать, что эта семья была ему чем-то близка и дорога. И, как кажется, причина этой привязанности не только в добром знакомстве с Клаасом.

Петр очень скромно жил в Саардаме, снимая крошечную комнату у кузнеца Киста, за которую заплатил всего семь гульденов, посещал местные герберги (пивные), носил простую одежду местных крестьян¹, катался в свободное время в одиночестве на ялике или буере по каналам и по заливу Эй.

Он был скуп на траты, как бережливый простолюдин, и даже сам готовил себе еду, проживая в Саардаме и впоследствии в Амстердаме! Покупая ялик (весель-

---

¹ Как говорилось выше, обычно упоминается, что Петр одевался как голландский матрос, но одежда голландских матросов того времени ничем не отличалась от крестьянской.

ную лодку) для катаний вблизи Саардама, он долго и упорно торговался с ее владельцем корабельным маляром Виллемом Гарменсооном, и наконец они сошлись на сорока гульденах и одной кружке пива, которую и распили в местном герберге. Но откуда русскому царю было знать, сколько могут стоить лодки в Голландии? И стал бы подлинный царь упорно торговаться из-за нескольких гульденов? Этот торг говорит о том, что он был не только скуп, но и хорошо ориентировался в местных ценах и прекрасно знал голландский язык. Удивительно и его почтение даже к самым незначительным должностным лицам, которое он продемонстрировал в Саардаме, — перед всеми ними он непременно снимал шляпу и кланялся. Несомненно, это говорит об усвоенном им с детства уважении к власти, которое могли проявлять только простолюдины. Все это выдает в нем местного уроженца.

Автор записок о пребывании Петра в Голландии, Ноомен, приводит список плотников, которые были наняты для корабельного строительства в России и которые покинули Саардам в 1691 году. Это были: Питер Коувенховен, Геррил Кисс, Клаас Ок, Яан Муш, Яан Алес, Арриен Барендсзоон Метье.

Именно их и знал Петр: с женой Метье он разговаривал в Саардаме, Геррил Кисс, видимо, и есть тот кузнец Геррит Кист, в доме которого он жил, Антоний ван Каувенгоофе является отцом Питера Коувенховена. Некоторое искажение имен и фамилий вполне объяснимо, принимая во внимание не слишком высокую общую грамотность того времени и не слишком строгий подход к грамматическим нормам.

Но поскольку Петр хорошо знал и хорошо относился именно к плотникам из Саардама, покинувшим Голландию в 1691 году, не значит ли это, что он и сам был из их числа? Учитывая его особую расположенность к

семье Муш, можно допустить, что под именем русского царя Петра скрывался Яан Муш. Его отец Клаас выехал в Москву на несколько лет раньше, где и умер, не оставив о себе сведений в исторических документах. Вслед за отцом в Россию отправился и Яан, навстречу своей необыкновенной судьбе.

Повторно посетив Голландию в 1717 году, Петр послал Екатерине, с которой уже сочетался к тому времени браком, письмо, в котором есть любопытная приписка: «Посылаю с сим писмом к вам Фитингофа, которому вели быть при себе, пока вмес(т)е съедемся, а с собою не взял для того, что там люди, сказывают, гораздо отворенные глаза имеют, а он наш брат».

Из Голландии Петр направлялся во Францию, поэтому, опасаясь раскрытия некоторых обстоятельств, которые могли повредить его репутации, отсылает некоего Фитингофа к Екатерине. При этом он называет этого неизвестного человека своим братом. Возможно, это и есть собственное признание двойника относительно своего происхождения. Фитингоф мог состоять не в прямом родстве с Яаном Мушем, а приходился ему, предположим, двоюродным или же троюродным братом. Во всяком случае, Петр серьезно опасается с его стороны возможных, пусть и неумышленных, разоблачений. Не исключено, что Фитингоф, как близкий родственник, имел сходство с Петром, что и служило причиной его отсылки к Екатерине. Петр не хотел, чтобы французы, которые «отворенные глаза имеют», обратили на это внимание.

Вторичное посещение Голландии Петром имело единственную серьезную причину — ему хотелось, чтобы Екатерина родила ребенка именно в этой стране. Об этом писал все тот же Ноомен. Это странное желание снова выдает в нем голландца. Его сын действительно родился в Голландии, но умер в тот же день.

Как кажется, Ян был на несколько лет младше Петра Алексеевича. Для подобного вывода есть некоторые основания: известен портрет Петра, выполненный в Англии в 1698 году художником Г. Кнеллером. На нем Петр изображен очень высоким, очень стройным, необыкновенно молодым и одухотворенным, почти юношей не более 18—20 лет. Этот портрет невольно заставляет вспомнить секретаря шведского посольства Кемпфера и его словесное описание Петра — совпадение удивительно полное! Но смущает одна существенная деталь — Петру во время написания портрета было уже двадцать шесть лет, и едва ли он мог выглядеть юношей, учитывая его общеизвестное пристрастие к вину. К тому же, если правильно понимать слова Кемпфера, московский царь еще в молодости казался несколько старше своих лет. Возможно, это было раннее биологическое созревание, поэтому царица Наталья Кирилловна и женила Петра, хотя ему еще не исполнилось и семнадцати лет. В таком же возрасте были женаты и Федор и Иван, сводные братья Петра, что так же указывает на их раннее физическое взросление. Значительно старше своих лет выглядела и Софья Алексеевна. Когда ей было двадцать пять лет, ей давали все сорок. Можно предположить, что подобная физиологическая особенность была свойственна всем детям Алексея Михайловича. Таким образом, если бы Кнеллер рисовал подлинного Петра, то на портрете предстал бы перед нами мужчина лет тридцати на вид, а то и больше, но ни в коем случае не юноша! Каким же образом Петр так чудесно помолодел в Англии? А если это не Петр, то кто же запечатлен Кнеллером?¹

---

¹ Известен и другой портрет Петра, написанный французом Натье в 1717 году. В это время Петру исполнилось уже сорок пять лет, но на портрете он выглядит лет на десять моложе. Портреты Кнеллера и Натье подтверждают предположение о том, что Ян Муш был на несколько лет моложе Петра Алексеевича.

Ответ на этот вопрос очевиден — это портрет двойника Петра, Яана Муша. Вполне вероятно, что художник немного польстил оригиналу и разница в возрасте между Петром Алексеевичем и Яаном Мушем не такая большая, но все же она была, что и зафиксировал своей кистью опытный английский живописец. Видимо не будет большой ошибкой считать, что во время подмены в 1691 году Яану было около 16 лет, т.е. он был года на три-четыре младше Петра Алексеевича.

Но есть и другое, прямо противоположенное свидетельство о возрасте двойника — его личное письмо к Екатерине, в котором он пишет следующее: «Хочетца с тобою видетца а тебе чаю гораздо больше для тово что я в 27 лет был а ты в 42 не была».

Чтобы читателю стало более понятным это невразумительное послание, перескажу его своими словами. Петр, скучая без Екатерины, пишет ей, что хочет видеться с ней. При этом он полагает, что ее нетерпение встретиться с ним еще сильнее, поскольку она значительно моложе его и, следовательно, темпераментней, и он-то знает, каково в 27 лет обходиться без любви и близости. Явно желая услышать приятные его мужскому самолюбию возражения, он игриво намекает на то, что сам он немного поостыл от бывшего нетерпения, поскольку ему уже 42 года.

Личное письмо это не вызывало бы особого внимания и интереса, если бы не время его написания — 14 августа 1712 года. Поскольку Петр родился в 1672 году, то в 1712 ему исполнилось 40 лет, но никак не 42! Следовательно, двойник был на два года старше царя Петра Алексеевича. Похоже, что в пылу любовного нетерпения он неосторожно проговорился. Не исключено, что он стал со временем настолько близок и откровенен с Екатериной, что не считал нужным скрывать от нее ни свой истинный возраст, ни свое истинное происхождение.

Но, с другой стороны, нельзя полностью доверять и этому, казалось бы, откровенному признанию. Все собственноручные послания Петра написаны таким неразборчивым почерком, что при их прочтении вполне можно перепутать и отдельные слова, и буквы, и цифры. Возможно, издатели личных бумаг императора и совершили подобную ошибку. Не исключено, что здесь ошибочно прочтен год и на самом деле письмо написано, предположим, в 1714—1715 гг.

Несомненно, что молодость двойника и среда, в которой он вырос, являются причиной его застенчивости, какой-то дикости в поведении и поступках, его неумения держать себя на людях, которое очень заметно в нем после 1692 года. Особенно это проявилось за границей — там было много глаз, которые пристально смотрели на русского царя и заносили увиденное на бумагу.

Встречаясь в Германии в 1697 году с курфюрстинами, т.е. женами германских владетельных князей, Софией Ганноверской и ее дочерью Софией-Шарлоттой Бранденбургской, он закрывал от смущения лицо руками, повторяя по-немецки «Ich kann niht sprechenn»¹, краснел и вел себя слишком по-детски. Когда курфюрстины тактично помогли ему справиться со смущением и разговорили его, Петр не сумел сообщить о себе ничего большего, кроме того, что очень любит корабли и знает 14 ремесел, и давал им трогать мозоли на своих руках. Похоже, что он просто растерялся от непривычного внимания.

После этой встречи курфюрстина Бранденбургская София-Шарлотта в одном из своих частных писем оставляет весьма любопытный намек: «Ну довольно вам надоедать; но право не знаю, что делать, — мне достав-

---

¹ Я не могу говорить (нем.).

ляет удовольствие говорить про царя, и если бы я верила самой себе, я бы вам сказала еще больше, я...

Остаюсь расположенной к вам и готовой к услугам».

Что осталось недосказанным в письме? Возможно, что некоторые сомнения относительно личности Петра. Как проницательная женщина, София-Шарлотта что-то заподозрила, но, к сожалению, не решилась доверить свои мысли бумаге. Видимо, манеры и поведение Петра дали ей повод полагать, что это не подлинный царь.

Через некоторое время, уже находясь в Голландии, Петр все так же будет теряться от чрезмерного внимания к своей особе, испытывая при этом то необыкновенную застенчивость, то раздражение и гнев. Когда около его дома собиралось слишком много людей, он отказывался выходить за дверь. Проходя через толпу зевак, глазееущих на него, он закрывался париком или же плащом. Раздражаясь на слишком назойливое внимание, он пускал в ход кулаки и даже бросался пустыми бутылками.

Но разве похоже это на поведение человека, с пеленок видевшего вокруг себя большое количество людей, привыкшего к их постоянному вниманию и любопытству, привыкшего не только снисходительно воспринимать их, но и повелевать ими? Двадцать лет спустя Петр вновь посетил Голландию, и очевидцы отметили, что это был величественный, уверенный в себе человек, без тени смущения позволяющий разглядывать себя и не терявшийся от пристального внимания толпы. Исчезла без следа и его былая скупость, и появилась привычка щедро, по-царски, оплачивать услуги посторонних людей, даже самые незначительные. Во второй приезд Петра в Саардам Геррит Кист отказался видаться с ним, поскольку считал себя обиженным той мизерной платой, которую русский царь заплатил ему за жилье два-

дцать лет назад. В сопровождении одного придворного Петр сам пришел к Кисту, выпил с ним бутылку вина из серебряного кубка, принесенного с собою, и, уходя, оставил ему щедрую плату за старую услугу и свой серебряный кубок. Так же щедро он вел себя и несколько месяцев спустя во время пребывания во Франции. Эти разительные перемены в поведении говорят о том, что двойник уже освоился со своей ролью.

Итак, возможный кандидат определен — им мог быть молодой плотник из Саардама Яан Муш. Дальнейшие события развивались следующим образом. Когда в 1691 году голландские корабельные мастера прибыли в Москву, было обращено внимание на то, что один из них имеет некоторое сходство с царем. После неожиданной кончины Петра Алексеевича Яан был доставлен к Ромодановскому, и тот угрозами или иными средствами заставил его согласиться играть роль погибшего царя Петра.

Возможно, это было нелегко сделать и честный голландец всячески сопротивлялся предстоящему обману. И тогда простодушному голландскому плотнику внушили мысль, что Ромодановский и есть подлинный русский государь или же является достаточно высокопоставленным лицом, которому Яан обязан подчиняться во всем.

На первое время, пока двойник еще плохо знал русский язык, русские обычаи и придворную обстановку, его решено было скрыть от посторонних глаз. Но двойник еще не умел или же не решался действовать самостоятельно, поэтому его принудили принять решение другими способами. Ромодановский своим «государевым указом» повелел двойнику строить суда на Плещеевом озере, который он и выполнил. Разве мог простой плотник ослушаться царя? Тем самым Яан получил возможность подготовиться вдали от царской семьи и кремлевского окружения к своей новой роли.

Именно этот первый отъезд Петра на Плещеево озеро и отметил генерал Гордон в своем дневнике.

В Переславле его стали спешно обучать и русскому языку, который он совершенно не знал, и русской грамоте, и русской истории, и всему тому, что знал и умел подлинный Петр. Для этих целей был вызван голландец Франц Тиммерман, присутствие которого в Переславле весной 1692 года отмечено в исторических документах.

В конце 1691 г. для Петра были затребованы церковные уставы (чины). Многие историки видят в этом начало «всешутейшего и всепьянейшего собора»: Петр якобы изучал эти чины и на основе их писал пародийные и непристойные уставы для своей «сумасброднейшей» компании. Но, скорее всего, это не так. Чины были затребованы для обучения протестанта Яана основам православной веры и церковным ритуалам. Его учили правильно креститься, молиться, класть поклоны, исповедоваться и многому другому, что знал русский православный человек того времени. И лишь впоследствии, когда двойник несколько освоился со своим новым положением, на основе этих чинов могла возникнуть грубая и грязная пародия, вполне отвечающая его вкусам. В это время все протестантские страны Европы развлекались подобными пародиями, в которых так же зло и так же непристойно высмеивались папа и ритуалы католической церкви. Иезуиты доносили из Москвы в 1698 году, что Франц Лефорт был одним из тех людей, которые с особой антипатией относились к католицизму: «Невозможно описать, каким врагом папы и иезуитов был этот Лефорт. Величайшее наслаждение доставляла ему небольшая книжечка с эпиграммами на папу и иезуитов, которую он обыкновенно читал и перечитывал».

Не выбивалась из этого ряда противников католической церкви и Голландия, где Яан и усвоил это непри-

язненное и даже глумливое отношение к ортодоксальным христианским конфессиям, которые отрицали реформацию и которые сохранили внутри себя, в отличие от протестантов, высшую иерархическую власть. Несомненно, что из этого отрицательного отношения Яана и его окружения к ортодоксальной церкви и родился «всешутейший и всепьянейший собор».

Можно предположить, что ученические тетради Петра — безграмотные и написанные непривычной к перу рукой, и которые относят к его детским годам, — на самом деле принадлежат Яану. Он осваивал в Переславле — хотя и плохо — под руководством Франца Тиммермана арифметику, геометрию, фортификацию, определение высоты солнца по секстанту, правила пользования артиллерийскими таблицами и, как кажется, латинский язык.

Этот перечень предметов наталкивает на мысль, что они составляли часть учебной программы Петра Алексеевича, рассчитанной на несколько лет. Ведь не мог же ребенок, постигая азы арифметики, одновременно с этим изучать геометрию и астрономию! Чтобы дойти до этих учебных дисциплин, он должен был проучиться, самое малое, несколько лет. Видимо, все эти науки изучал Петр Алексеевич, и теперь с ними торопливо и поверхностно знакомили Яана Муша, чтобы он хотя бы в малой степени овладел знаниями истинного царя Петра Алексеевича.

Надо сказать еще об одной, весьма характерной детали: все записи в ученических тетрадях Петра сделаны одним и тем же почерком и человеком одного уровня грамотности (весьма и весьма безграмотным!). Если бы эти записи были сделаны подлинным Петром в течение нескольких лет, то должен был меняться, по мере взросления, почерк и приобретаться определенная грамотность. Но ничего подобного в тетрадях нет.

Эта деталь, на которую до сих пор не обращено должного внимания, еще раз подтверждает версию о подмене и о том, что двойника учили крайне торопливо. Внушительный перечень изучаемых предметов говорит нам о том, что их мог изучать не ребенок, а уже вполне взрослый человек. Трудно сказать, в какой мере их усвоил Яан Муш, но, несомненно, все эти науки прошел подлинный Петр Алексеевич, обладавший и памятью, и разумом и получивший достаточно высокое образование для своего времени. Видимо, Россия потеряла из-за несчастного случая весьма одаренного и образованного царя, которого никак нельзя сравнить с безграмотным плотником, заменившим его.

Укоренившийся впоследствии и в исторической науке, и в художественной литературе миф о том, что Петр в детстве не получил необходимого образования, из-за невежества немногих его учителей, основан исключительно на том впечатлении, которое производил Яан Муш своими познаниями. Но в данном случае вряд ли уместно смешивать интеллект подлинного царя Петра и его двойника.

Младшая сестра Петра Алексеевича, Наталья Алексеевна (родилась в 1673 г.), была довольно образованной царевной: она завела в Москве, а затем и в Санкт-Петербурге театр, и не исключено, что сама писала пьесы. Вызывает недоумение тот факт, что она получила образование, а ее родной брат, царевич Петр, остался неучем.

Огромное нервное и умственное перенапряжение, постоянный страх быть разоблаченным привели к припадкам и конвульсиям у Яана, которые и остались у него на всю жизнь как расплата за необычную судьбу. Первые годы он панически боялся посещать жену, мать и других родственников погибшего царя, не зная, как себя вести с ними, о чем разговаривать, боялся их подозрений — отсюда нервные судороги лица, стремле-

ние поскорее их покинуть. Поэтому вполне объяснимо, почему он не присутствовал на похоронах царевича Александра и царицы Натальи Кирилловны (своего мнимого сына и мнимой матери), отказывался участвовать в церемониях по приему послов: ему было мучительно страшно оказаться среди чужих людей, в незнакомой обстановке, присутствовать на церковных службах и церемониях, которых он совершенно не знал и не понимал, ощущать на себе подозрительные взгляды.

Первые годы пребывания в роли царя его постоянно тянуло к иностранцам, особенно к голландцам, — с ними ему было привычней и спокойней. Во время заграничного путешествия Петра очевидцы отметили, что он наиболее охотно общался с голландскими шкиперами, запросто ходил с ними в винные погребки и щедро их поил.

Весьма показательна в этом отношении его привязанность к голландскому матросу Якову Янсену. Он был нанят на русскую службу в Архангельске и отличался природным умом и искусством в метании бомб. Петр так полюбил этого матроса, принявшего русскую веру, что во время осады Азова, как писал Устрялов, «проводил с ним дни и ночи и не скрывал от него своих намерений». Возможно, в будущем Янсен мог бы стать наиболее близким к Петру человеком и подняться так же высоко, как и безродный Александр Меншиков. Но неожиданно он сбегает к туркам. Что толкнуло его на это? Историки довольно упрощенно объясняют причину его предательства корыстью — он якобы ожидал от турок получить больше, чем от царя Петра. Но более нелепый довод вряд ли можно придумать: любимец царя ожидает от турок каких-то немислимых благ, значительно превышающих те, которые он мог получить от Петра! Вряд ли Янсен серьезно надеялся на подобное, и это заставляет искать причину его бегства не в корыстных стремлениях, в чем-то другом. Возможно, Петр в ми-

нугу слабости признался ему в том, что он не настоящий царь. Или же Янсен, как умный и наблюдательный человек, сам пришел к такому открытию и понял, что с этой тайной ему не жить: его ждут постоянные подозрения Петра и его окружения, застенков Преображенского приказа и плаха. Эти причины и заставили его бежать к врагам. Когда с турками обсуждались условия капитуляции Азова, одним из главных требований была выдача Янсена. Паша, руководивший защитой крепости, вначале воспротивился этому условию, но когда ему пригрозили общим и беспощадным штурмом, то быстро уступил. Янсен был выдан, доставлен в Москву в оковах и предан мучительной казни. Протокол его допроса не сохранился — и это вполне объяснимо. Возможно, он был один из немногих, кто знал тайну Петра, и его признание, вырванное под пыткой, немедленно уничтожили.

Около Петра остались единицы из тех сотен людей, которые окружали его в детстве и юности. Прежде всего, были заменены денщики, среди которых и появился в 1692 году Александр Меншиков. Это была необходимая в данной ситуации мера. В первой главе упоминалось о том, что в 1691 году от двора было удалено несколько стольников, наиболее близких к царю людей. Вполне вероятно, что были заменены не только эти несколько человек, но и весь штат слуг Петра Алексеевича, для избежания возможного разоблачения его двойника.

Борис Куракин по этому поводу писал: «Многие из ребят молодых, народу простого, пришли в милость к его величеству, а особливо Буженинов, сын одного служки Новодевичья монастыря, также и Лукин, сын одного подьячего, и многие другие, которые кругом его величества были денно и ночью. И от того времени простого народу во все комнатные службы вошли, а знатные персоны отдалены».

Возможно, что в это же время был расформирован и Петровский полк, состоявший из юношей знатных фамилий, которые очень долго общались с Петром, хорошо его знали и тем были опасны.

Не исключено, что царицу Наталью Кирилловну отравили, чтобы пресечь ее все усиливающиеся подозрения. Старого воспитателя Петра Алексеевича, Никиту Моисеевича Зотова, заставили участвовать во «всепьянейшем и всешутейшем соборе» и превратили в горького пьяницу и объект для грубых и непристойных шуток. Едва ли бы кто всерьез воспринял его пьяные разоблачения.

Но все же страх быть разоблаченным никогда не покидал Петра. Видимо, в силу этого он не любил находиться в Москве (в отличие от подлинного Петра Алексеевича) и беспрестанно пускался во всевозможные поездки и путешествия, и это с годами превратилось в маниакальное стремление колесить по стране и по иным государствам, иногда и без особой необходимости. Несомненно, что этот страх и нелюбовь к Москве подтолкнули Петра основать новую столицу в болотах далекого севера, вдали от тех мест, где жил подлинный царь, где его еще помнили и где говорили почти открыто о его подмене.

Петр не любил царевича Алексея, намеренно не заботился о его воспитании, чтобы не иметь рядом с собой умного и образованного соперника (точно так же он относился и к сыну Алексея, Петру). Но все же, когда царевич вырос, многие русские люди стали относиться к нему с любовью и возлагали на него определенные надежды, поскольку это был мягкий, неглупый юноша, приверженный традиционной культуре и традиционному укладу жизни народа. И тогда Петр стал просто преследовать его, всячески подчеркивая его непригодность к делам и тем более к управлению государством и постоянно унижая и даже нанося ему побои в присутствии своих сподвижников (Петр сам призна-

вался в этом). Многие историки восприняли слишком серьезно мелочные придирки Петра к сыну и в своих трудах вынесли вердикт о полной никчемности царевича. Но это не соответствует истине. У него, как и у любого человека, были свои пристрастия, свои сильные и слабые стороны. Его мягкость не способствовала тому, чтобы он был хорошим военным или твердым администратором, но он обладал ясным умом, живостью воображения и умел логически мыслить. Мне, как исследователю, доставило большое удовольствие читать письма Алексея: он умел необычайно кратко, грамотно и последовательно излагать свои мысли. Знал он немецкий и французский языки и даже писал на них. Возможно, что Алексей мог бы проявить свои способности в качестве дипломата и, без сомнения, прекрасно бы справился с подобными обязанностями, но Петр упрямо требовал от него другого. Он посылал Алексея следить за постройкой судов, за набором рекрутов или заниматься заготовкой провианта, т.е. давал ему поручения рутинные и малопривлекательные, в которых тот едва ли имел какие-либо навыки. Эти поручения не всегда исполнялись царевичем блестяще, но главное — они исполнялись, и, пожалуй, не хуже чем прочими администраторами Петра. Но Петру не нужны были явные успехи своего наследника, и он выискивал мелочные упущения и на основании их признавал всю работу негодной. Это было сознательное стремление выставить Алексея как человека вялого, апатичного, лишенного деловых способностей. В то же время Петр сознательно отстранял царевича от участия в боевых действиях и не допускал его к войскам, где тот мог быстро найти себе сторонников.

После того, как у Петра родился сын, названный также Петром, он особенно стал нетерпим к Алексею и вынудил его написать отречение от престола. Потом

Петру и этого показалось мало, и он заставил Алексея дать клятву принять монашество. Подобные преследования заставили Алексея бежать в Австрию и искать защиту у императора.

Уже находясь в Австрии, Алексей рассказывал вице-канцлеру Шенборну, что отец и Екатерина представили к нему Меншикова с целью его опоить. И хотя подобные подозрения, высказанные царевичем, воспринимаются несколько наивными, если не смешными, в них есть изрядная доля правдоподобия: случаев смерти от неумеренного пьянства в окружении Петра было слишком много. В 1710 году в Санкт-Петербурге его племянница Анна Иоанновна сочеталась браком с племянником прусского короля Фридрихом Вильгельмом, герцогом Курляндским, который умер спустя несколько дней после свадьбы от слишком обильных и непривычных для него винных возлияний. Возможно, Петр поручил Меншикову таким же способом избавиться и от ненавистного ему Алексея.

Чтобы выманить Алексея в Россию, Петр дал клятвенное обещание полностью простить его и не лишать своей милости. Он писал: «Обнадеживаю тебя и обещаю Богом и судом Его, что никакого наказания тебе не будет, но лучшую любовь покажу тебе, если ты воли моей послушаешься и возвратишься».

Но сразу же по возвращению Алексей был подвергнут строгим расспросам и пыткам. Как бы снимая с себя ответственность за судьбу сына, Петр назначил ему в судьи духовенство и сто двадцать своих ближайших сподвижников. Духовенство малодушно уклонилось от защиты царевича и предоставило Петру полную волю судить его или простить, подкрепив свое решение цитатами из Ветхого и Нового завета. Гражданские же и военные лица, назначенные в судьи, начиная с Меншикова, все как один дисциплинированно приняли угодное Петру решение.

Официально было объявлено, что Алексей умер от апоплексического удара сразу же после прочтения приговора. Но, скорее всего, это была ложь, и царевич все же принял смерть от рук палача. Современники оставили несколько версий относительно того, как он был казнен. По одним известиям, его задушили подушками, по другим — ему собственноручно отрубил голову сам Петр. Предположение мрачное, но не лишенное правдоподобия, учитывая растущую с годами неприязнь Петра к Алексею и его желание отдать престол своим детям от Екатерины.

Иностранные резиденты, ссылаясь на достоверные источники, доносили в Европу, что Петр рано утром в день оглашения приговора в сопровождении нескольких близких людей отправился в Петропавловскую крепость, где находился Алексей, и в течение двенадцати часов подвергал его жестоким пыткам и истязаниям. Царевич умер под кнутом.

Подтверждение этому находится и в записной книге гарнизонной канцелярии. Там отмечено, что Алексея в течение трех дней пытали в присутствии царя, причем пытки повторялись дважды в день и продолжались по многу часов.

Есть основания подозревать, что пытки царевича начались несколько раньше, чем это отмечено в официальных документах. Спустя месяц после смерти Алексея были казнены три крестьянина, которые стали невольными свидетелями его истязаний в Петергофе в мае того же года.

Историки, основываясь на материалах следственного дела, представили Алексея слабовольным и трусливым человеком, который ради спасения своей жалкой жизни выдал всех своих друзей и переложил на них ответственность за свои проступки. Но надо учитывать и то, что Петр, отстраняя Алексея от наследования власти, нуждался в оправдании своих действий в глазах

сподвижников и народа. Именно ему нужно было представить Алексея как ничтожного человека, совершенно не пригодного ни к военным, ни к гражданским делам и тем более к управлению государством. Поэтому можно допустить, что следственное дело было переписано с целью подчеркнуть именно эти качества царевича. Не стоит предполагать, что царевич проявил во время допросов и пыток необыкновенное мужество и самообладание, но все же, как кажется, он вел себя несколько достойней, чем это представили впоследствии его откровенные враги.

Как показали материалы следственного дела, Алексей едва ли был достоин смерти и тем более изуверских пыток. Следствие не обнаружило никаких следов заговора против Петра, и единственная вина царевича состояла в том, что он без симпатии относился к Петру, его окружению и его делам и несколько неосторожно высказывался об этом. Поэтому в казни царевича просматривается откровенное желание Петра и Екатерины оставить престол своим детям. Отчасти это предположение подтверждает и дальнейшее поведение Петра: на другой день после смерти сына, 27 июня 1718 г., Петр устраивает многодневные празднества по случаю годовщины Полтавской баталии, затем по случаю своего тезоименитства и спуска на воду очередного корабля. На последнем мероприятии, как отметил гарнизонный журнал, «его величество и прочие господа сенаторы и министры веселились довольно».

О том же писал и австрийский резидент в России Плейер: «Царь на другой день (после казни Алексея) и после был очень весел. Семейство Меншикова в тот же вечер заметно радовалось, и тогда же благодарили Бога в церкви».

Можно понять эту хищную радость Петра и его ближайшего сподвижника: одному казалось, что он

устранил последнее препятствие со своего царственного пути и закрепил российский трон за своими детьми, другому — что он избавился от неминуемой опасности, поскольку Алексей грозил ему казнь после своего воцарения за перенесенные от него издевательства.

Спустя месяц после смерти царевича Петр, находясь в Ревеле, отправил Екатерине письмо, смысл которого весьма темен и загадочен: «Что приказывала с Макаровым, что покойник нечто открыл (расскажешь), когда Бог изволит вас видеть; я здесь услышал такую диковинку про него, что чуть не пуще всего, что явно явилось».

Прежде всего, читателю стоит обратить внимание на неумение Петра свободно и вразумительно излагать свои мысли. Послание это темно не только из-за таинственных намеков, но также из-за элементарной безграмотности Преобразователя.

Следующее, что обращает на себя внимание в этом письме, так это отсутствие каких-либо переживаний по поводу смерти сына. Петра волнуют некие таинственные обстоятельства, которых Алексей не открыл даже под пыткой, но сама смерть сына оставляет его равнодушной.

Интересно это письмо и тем, что показывает царевича Алексея в более выгодном свете, чем это принято в официальной историографии. Он, видимо, проявил во время пытки немалое самообладание и не выдал своим мучителям каких-то важных обстоятельств.

Но есть среди переписки Петра и Екатерины тех дней такие письма, в которых слышится откровенная, какая-то злодейская радость по поводу смерти Алексея, которого они называют не по имени, а «зверем». Подобное поведение дает повод считать, что Петр видел в Алексее не сына, а скорее нежелательного соперника, устранения которого он тайно желал много лет. Так был ли он ему отцом?

В конце 1718 года по приказанию Петра была выпущена медаль с изображением царской короны, парящей в воздухе и освещенной лучами солнца, пробивающимися сквозь тучи. Внизу помещалась надпись «Горизонт очистился». В царствование Петра и позднее памятные медали выпускались лишь по значительным поводам, большей частью в ознаменование военных успехов. Следовательно, и эта медаль выпущена в честь очередной победы, но какой? Поскольку в этом году ни морских, ни сухопутных сражений не было, остается предположить, что Петр причислил к значительной победе казнь Алексея. В этом случае нетрудно догадаться, от чего «очистился» горизонт: царственный плотник и его коронованная разбитная служанка избавились от постоянного страха упустить власть из своих рук. Но совершенно невозможно объяснить, что же побудило Петра чеканить медаль с таким откровенным намеком? Цинизм или некая наивная уверенность в том, что подобная аллегория вряд ли будет разгадана?

Но то, что не разгадали современники и историки, разгадала судьба и жестоко наказала Петра. Его сыновья, Павел и три Петра (чтобы его третий сын Петр, которого он ласково звал Шишечка, беспрепятственно занял престол, он казнил Алексея), умерли в младенчестве. Затем судьба нанесла ему еще один удар — его «друг сердешненький Катеринушка» ему изменила, и в жизнь вечную он отошел с сокрушенным сердцем.

Хотя и существует красивая легенда о том, что Петр простудился, спасая тонущих солдат на Балтийском взморье, но она не соответствует истине, и его кончина связана не с подобными человеколюбивыми порывами, а с самым обыкновенным алкоголизмом, обострившим его почечную болезнь. Судьба и здесь не пощадила его и не окрасила его смерть благородными тонами. Не дала она ему и легкой смерти — скончался

он в страшных мучениях. За несколько дней до кончины боли стали настолько нестерпимыми, что Петр постоянно кричал, потом, ослабев, только стонал.

Во время болезни Петра стала очевидна и династическая трагедия — ему некому было отдать трон. Екатерина не оправдала его доверия, и, как утверждали некоторые близкие к императору люди, ее в скором времени ждал монастырь, и лишь смерть Петра избавила неверную жену от подобной участи. Вряд ли он мог доверить государственную власть и своим дочерям, Елизавете и Анне, поскольку никогда не воспринимал женщин слишком серьезно. Почти безвыходная ситуация с престолонаследием заставила его обратить свои помыслы к внукам, и незадолго до смерти он отдал свою старшую дочь Анну замуж за герцога Голштинского Карла Фридриха. Брачный договор имел тайную статью, согласно которой мальчик, рожденный от этого брака, передавался Петру для воспитания его наследником русского престола. Но и здесь судьба не пощадила Петра и зло посмеялась над ним. Его внук от дочери Анны, Карл Петер Ульрих, и в самом деле занял в 1761 году русский трон, но царствовал всего полгода и был убит после низвержения с престола.

Династия, основанная Петром, формально царствовала еще двести лет, хотя и не имела в себе ни капли крови своего основателя. Как полагают, сын Екатерины II, Павел, был рожден ею не от Петра III, своего законного супруга, а от любовника Салтыкова. Но все же, судьба и после этого продолжала преследовать русских императоров, носящих фамилию Романовы, переполняя их царствование какими-то роковыми стечениями обстоятельств и кровавыми драмами. Екатерина I, сомнительными путями завладевшая короной, правила слишком мало и умерла слишком быстро, что вызывает определенные подозрения в ее на-

сильственной смерти. Петр III, ее внук, был убит после своего низвержения с престола. Был убит и его сын Павел, причем к убийству, пусть и косвенно, имел отношение его сын Александр, занявший после смерти отца престол. После двадцати пяти лет царствования Александр настолько устал от бремени власти и от мук раскаяния после отцеубийства, что добровольно отказался от короны и под именем старца Федора Кузьмича ушел искать спасения своей измученной душе. Его брат Николай, если следовать одной, не слишком известной версии, принял добровольную смерть от яда, не вынеся унижительного поражения в Крымской кампании. Александр II был убит террористами, Александр III прожил слишком короткую жизнь и умер при невыясненных обстоятельствах...

Над династией, основанной плотником из Саардама, явно тяготело проклятие. Начавшееся обманом и кровью, незаконное царствование закончилось ровно через двести лет еще большим обманом и еще большей кровью. Провидение закончило драму этой семьи в подвале Ипатьевского дома, где, как бы в напоминание о первопричинах проклятия и для возмездия, был расстрелян и невинный отрок Алексей. Таков был окончательный приговор судьбы.

9

ФЕДОР ЮРЬЕВИЧ РОМОДАНОВСКИЙ

Одной из самых загадочных фигур в окружении Петра является «князь-кесарь» и глава Преображенского приказа тайных дел Федор Юрьевич Ромодановский. Как уже высказывалось предположение, он являлся ключевой фигурой в деле подмены царя.

Князь Борис Куракин не без сарказма писал о Ромодановском: «Сей князь был характеру партикулярного: собою видом как монстра; нравом злой тиран; превеликий нежелатель добра никому; пьян по все дни; но его величеству верный был, как никто другой».

Брауншвейгский резидент Вебер писал о Ромодановском следующее: «Он наказывал подсудимых, не спрашиваясь ни у кого, и на его приговор жаловаться было бесполезно».

Как уже отмечалось, Петр постоянно подчеркивал в письмах Ромодановскому свое подчиненное положение и постоянно отчитывался перед ним. Так, например, следуя в Азов в 1695 г., он писал «князь-кесарю»: «Min heer Konig! Письмо вашего пресветлейшества, государя моего милостивого, в стольном граде Прессшурхе мая в 14-й день писанное, мне в 18-й день отдано, за которую вашу государскую милость должны до последней капли крови своей пролить...» Далее Петр отчитывался о ходе следования судов и причинах задержки. Письмо заканчивается следующими словами: «Всегдашний раб пресветлейшего вашего величества бомбардир Piter». И подобный тон в письмах, пусть и несколько смягченный в дальнейшем, сохраняется до самой смерти «князя-кесаря».

Почти все историки в подобном обращении видят не более чем шутку. Но эта «шутка» продолжалась в течение двадцати пяти лет и принимала довольно странные формы. Токарь Петра Андрей Константинович Нартов рассказал следующий случай: по дороге в Преображенское Петр встретил богатую карету Ромодановского и, приветствуя его, не снял шляпу. Ромодановский пригласил царя к себе и, не вставая с кресла, отчитал его: «Что за спесь, что за гордость! Уже Петр Михайлов не снимает ныне цесарю и шляпы».

Но наиболее поразительное событие, дающее представление о странных взаимоотношениях Петра и Ромодановского, произошло в 1709 году. 21 декабря это-

го года в Москве состоялось триумфальное шествие по случаю Полтавской победы. По городу маршировали гвардейские полки, вели пленных шведов и везли боевые трофеи — знамена, пушки и даже носилки Карла XII. В процессии участвовал сам Петр, светлейший князь А.Д. Меншиков и фельдмаршал Б.П. Шереметев. Все они, к немалому удивлению москвичей и иностранцев, почтительно докладывали «князю-кесарю» об одержанных победах: царь — у Лесной, Шереметев — у Полтавы, Меншиков — у Переволочны. Обращаясь к Ромодановскому, они называли его государем.

Это уже не игра, это какой-то неуклюжий фарс или низкопробная комедия. Зачем Петру нужно было так грубо мистифицировать окружающих и так ронять свое монаршее достоинство, выставляя себя одним из подданных «князя-кесаря»?..

Убедительного ответа на этот вопрос историки до сих пор не дали. Единственное разумное объяснение этому венценосному скоморошеству может заключаться в том, что двойник Петра Алексеевича отличался все же каким-то подобием стыдливости или даже определенной честностью и длительное время так и не решался согласиться со своим новым положением. Психологически ему было легче считать себя лишь второстепенной фигурой при истинном царе, и он маниакально придерживался этой роли.

Возможна и другая версия. Ромодановский, отыскав двойника царю Петру Алексеевичу, сумел каким-то способом превратить его в послушного исполнителя своей воли. Но остается только гадать, в силу каких причин двойник более двух десятилетий подчинялся «князю-кесарю». Возможно, Ромодановский, ставя его в цари, взял с него какие-то письменные показания или обязательства, которые и держали его в постоянном страхе разоблачения. Не исключено, что это могло быть и взаимное соглашение между двойником и теми лицами, ко-

торые отдали ему царский престол. Подобное предположение находит подтверждение в одном из писем Ромодановского. В 1713 году он пишет к адмиралу Апраксину и с удивительной откровенностью и смелостью спрашивает его, что ему делать «с этим воплощенным чертом, поступающим всегда по-своему», имея в виду царя Петра. Не значит ли это, что двойник чем-то не устраивал Ромодановского и он подумывал об очередной замене? Но в этом случае он должен был обращаться только к тем лицам, которые были посвящены в тайну Петра. Видимо, Апраксин и был один из них.

После смерти князя Ромодановского в 1717 году, сын его Иван был удостоен звания «князь-кесарь», но, как кажется, уже не пользовался той властью и не имел того уважения, как его отец.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Что потеряла и что приобрела Россия со смертью Петра Алексеевича и воцарением на российском троне голландского плотника?

Во время пребывания Петра в Англии в 1698 году архиепископ Солсберийский Бёрнет, доктор богословия и весьма проницательный человек, так отозвался о русском царе: «Он имеет склонность к механическим работам, и, кажется, природа скорее предназначила его быть корабельным плотником, чем великим государем. Это было его главным занятием и упражнением, пока он был здесь».

Двадцать лет спустя в таком же духе выразится и французский кардинал и первый министр королевства, Дюбуа, полагавший, что самое большое, на что способен Петр, быть боцманом на голландском корабле (об этом писал Вольтер в одном из своих писем).

За этими уничижительными характеристиками кроется не столько неприязнь к простому физическому труду, как разочарование после общения с русским царем — и Бёрнет, и Дюбуа не увидели в нем значительно интеллекта. Сама по себе любовь к плотницким работам и матросской службе не причина для осуждения человека. Император Диоклетиан с большим увлечением выращивал капусту и другие овощи, а Менделеев в свободное время шил чемоданы — но разве раздалось по этому поводу хоть одно презрительное слово? Нет, потому что эти чудачества были всего лишь формой отдыха от напряженной государственной и умственной деятельности этих незаурядных личностей. У Петра же иных способностей, кроме ремесленных, просто не было, как бы ни расхваливали его восторженные почитатели. Именно это и было отмечено иностранцами.

Польский историк Казимир Валишевский, несмотря на всю свою симпатию к Петру, все же был вынужден заметить: «Умения быть хорошим плотником или даже посредственным корабельным инженером оказалось недостаточным, чтобы привести в органическое движение духовные силы народа».

Валишевский выразился довольно деликатно. Следовало бы сказать проще и откровенней: Петр был слишком слаб умственно и духовно, чтобы осознать те великие цели, к которым ему надлежало вести государство. Он вел его в потемках, с каким-то озлобленным и пьяным остервенением, шарахаясь из одной крайности в другую, не имея ни любви, ни уважения к тому народу, который ему вручила судьба, и видя в нем лишь средство для достижения своих тщеславных и не всегда разумных целей.

Русский историк Н.И. Костомаров в своем труде «Петр Великий», при всем своем искреннем желании найти моральное оправдание деяниям Петра, единст-

венно, на что мог сослаться, так это на некую вымышленную любовь самодержца к России и русскому народу. Якобы во имя этой любви он не щадил ни себя, ни окружающих. Потом историк поправился и уточнил, что это не совсем та Россия и не совсем тот русский народ, над которыми Петр властвовал, а некий вымышленный идеал, до которого он желал их довести. Наивное заблуждение русского идеалиста Николая Ивановича в отношении чувств Петра слишком очевидно: с помощью кнута одевая русский народ в немецкое платье и деспотическими методами прививая ему немецкий образ мыслей, Петр тем самым достаточно ясно обозначил свой национальный идеал. Все свое царствование он постоянно сокрушался о том, что ему в преобразованиях злокозненно мешают «бородачи», подразумеваемая под этим словом практически весь русский народ, за исключением своего небольшого окружения, состоящего в основном из иностранцев. О степени его презрения и недоверия к собственному народу говорит тот факт, что иностранные офицеры на русской службе получали плату в два раза большую, нежели русские. Подобную унижительную несправедливость устранил лишь датский генерал Миних, лет десять спустя после смерти Петра. О какой любви Петра к русскому народу можно говорить после знакомства с подобными фактами?

Петр слишком много пил, и это засвидетельствовано многочисленными иностранными очевидцами (русское окружение об этой пагубной страсти царя умалчивало не столько из деликатности, сколько из трусости). Так, например, в 1717 году барон Пёльниц, рассказывая о пребывании Петра в Берлине, писал: «Он не пропускает ни одного дня, чтобы не выпить». И подобных свидетельств можно привести сотни. Несомненно, что его пристрастие к вину можно без всякой натяжки считать алкоголизмом.

Этот порок пагубно сказывался не только на его здоровье, но, прежде всего, на управлении государством. Петр подбирал себе сотрудников исключительно из числа своих собутыльников. На высшие государственные должности могли претендовать только те люди, которые были приятны Петру в веселой компании. Со временем это стало укоренившейся практикой подбора кадров в его царствование. Именно по этим достоинствам были отобраны Лефорт, Меншиков и многие другие высокопоставленные чиновники государства.

Не любил Петр и умных образованных людей и опасался приближать их к себе. Знаменитый немецкий мыслитель и математик Лейбниц, открывший дифференциальное исчисление, считая себя славянином по крови, неоднократно предлагал Петру свои услуги. Но так ничего и не добился. Свои кадры Петр отыскивал сам, и не в университетах Европы. Во время своего первого заграничного путешествия Петр познакомился в Амстердамском порту с норвежским боцманом Корнелиусом Крюсом, которого привез в Россию и со временем назначил адмиралом. Там же он подобрал португальского еврея Антона Девиера, который служил матросом на борту торгового судна, и сделал его своим денщиком. В 1705 году Девиер уже числится гвардейским офицером, в 1709-м — генералом, в 1711-м он женится на одной из сестер Меншикова и занимает пост генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга. После смерти Петра Девиер был подвергнут судебному преследованию за хищения, бит кнутом и отправлен в ссылку по распоряжению Меншикова. В Амстердаме Петр купил и арапчика, который стал российским генералом Абрамом Петровичем Ганнибалом. Контрабандист из Франции, де Вильбуа, строил при Петре Ладожский канал, но мало преуспел в этом, и его работу исправлял датский инженер Миних, впоследствии ставший прославленным русским фельдмаршалом. Знаменитые пет-

ровские дипломаты, польский еврей Шафиров и недоучившийся немецкий студент Остерман, также не имели образования и были возвеличены по прихоти царя, но не по своим достоинствам. С подобными людьми из социальных низов Петр чувствовал себя более уверенно, нежели в кругу аристократов и ученых, поэтому и приближал их более охотно.

Лейбниц в эту компанию приглашен не был, видимо, из-за чрезмерной учености, которой необразованный Петр откровенно боялся.

Не будет большим преувеличением сказать, что «птенцы гнезда Петрова» — это сплошь малообразованные и случайные люди, которым в силу поспешной или бездумной своей опрометчивости Петр доверил и внутреннюю, и внешнюю политику России. Все эти люди были похожи друг на друга отсутствием совести, веры, привязанности к отечеству. Способности их, если они ими и обладали, служили не столько славе и пользе России, как собственному, почти разбойному, обогащению. Отличала их и определенная ловкость для обращения в свою пользу различных обстоятельств и умение нравиться Петру и его любимцам — но эти качества вряд ли можно причислить к достоинствам. Бесчисленные процессы по поводу злоупотреблений властью, казнокрадства, мошенничества над этими петровскими выдвиженцами начались еще при жизни царя и наиболее усилились после его смерти. Наследники Петра не рискнули продолжать сотрудничать с этими сомнительными и вороватыми личностями и отправили их или на плаху, или в вечное заточение. И это говорит о многом.

Наиболее ярко проявились грубые вкусы Петра и его особое пристрастие к людям социальных и интеллектуальных низов в истории его взаимоотношений с Екатериной. Имея почти неограниченные возможности для выбора своей второй жены, он пренебрег и собственными аристократками, и принцессами из европей-

ских королевских домов и предпочел им разбитную служанку из Мариенбурга — не слишком умную, не слишком нравственную и совершенно безграмотную, но умеющую без устали веселиться среди его неумеренных застолий. Как говорится, по Сеньке и шапка! С такими женщинами он чувствовал себя уверенно и постоянно отдавал им предпочтение. Он не только женился на ней, но и короновал ее императрицей, совершенно не думая ни о собственном достоинстве, ни о престиже высшей власти, ни о мнении своего народа. И это пренебрежение отозвалось катастрофой в личной жизни: его «друг сердешнинький Катериночка» ему изменила, и это было для него величайшим унижением и позором, который он был вынужден переживать на виду не только своего государства, но и Европы. Он мстительно и жестоко казнил ее любовника, уничтожил завещание, но которому власть передавалась Екатерине в случае его смерти, но вряд ли это способствовало восстановлению душевного равновесия. Возможно, нервное потрясение — если не яд, который дала ему неверная жена для спасения собственной жизни! — и свело его преждевременно в могилу.

Пристрастие к людям низов выразилось в Петре и в выборе им своего фаворита, Александра Меншикова. Безродный выскочка так до конца жизни не научился ни читать, ни писать и с трудом ставил свою подпись, но был угодлив, умел угадывать желания Петра и быстро их исполнять, что и помогло ему возвыситься. Происходя из низов русского общества, Меншиков еще в детстве попал к Лефарту и исполнял у него обязанности денщика, проявляя похвальную ловкость. Если он и имел привязанность к своей стране и своему народу, то за несколько лет лакейской службы у иностранца полностью их утратил. Когда он перешел на службу к Петру, то это уже был человек, полностью забывший свое происхождение и по своему невежеству презиравший

нравы своей страны. Как кажется, именно это и привлекло Петра в Меншикове: в этом неуче, величайшем казнокраде и неумомимом весельчаке он нашел самого ревностного сторонника преобразования России. Поскольку Меншиков мало что знал, то едва ли догадывался о том, что своими усилиями он способствует не смене привычек и одежды русского человека, но, прежде всего, разрушает сам дух своего народа. Внедрение западной культуры в российский быт было бы оправдано и желательно, если бы оно коснулось не только армии и флота, но и крестьянства, наиболее многочисленной и наиболее отсталой части населения. Но как раз крестьянство и не было затронуто нововведениями: оно не получило ни новых орудий труда, ни новых приемов ведения хозяйства, ни правовой защиты своего достояния и своих жизней. Петровская «культурная революция» прошла по верхам, по дворянству, разрушив самобытную русскую культуру и духовную основу этого сословия и не дав ему в то время ничего взамен, кроме смехотворного подражания Европе в одежде и поведении. Лишь после Петра началось подлинное приобщение русского дворянства к европейской культуре. Именно с петровской поры дворянство, несколько сблизившееся со своим народом после этнических потрясений времен Грозного, вновь резко отделилось от своих национальных корней и стало вновь чуждым элементом в русской среде. Достоевский, болея душой за этот трагический раскол, с горечью и презрением назвал русское дворянство «особым народцем» в своей стране. Через некоторое время трещина между сословиями разрослась в целую пропасть, что и привело к великим кровавым потрясениям...

Отрицательный вклад Петра в становление русской нации очевиден даже при поверхностном взгляде. Можно лишь с сожалением признать, что уровень преобразований, которые он произвел в России, полно-

стью соответствовал крайне узкому кругозору и скудному духовному уровню самого преобразователя.

Отличался Петр и страшной безнравственностью, и в этом отношении он не мог быть образцом для подражания своему народу. Он собственноручно писал непристойные уставы для «всешутейшего и всепьянейшего собора», награждал участников этого сборища крайне неприличными и даже гнусными кличками, которые вряд ли можно повторить в печатном издании. Во время своих выездов за границу он постоянно нанимал женщин для утех или же требовал от принимающей стороны обеспечить его таковыми. Какие нравственные черты мог развить такой человек у своего народа? И стоит ли удивляться тому повреждению нравов, которое укоренилось в России во время его царствования?

Не обладал Петр и мужеством, которое могло бы придать некоторое благородство его малопривлекательной личности. Известно его постыдное бегство из-под Нарвы, когда он, при первом известии о появлении Карла XII, бросил свою армию и поспешно бежал в глубь страны. Повторно бежал Петр от Карла в январе 1708 году, на этот раз из Гродно. Так же трусливо вел себя Петр и во время Прутского похода, когда, окруженный турками, он настолько потерял самообладание, что был готов уступить султану за мир — а точнее за спасение своей жизни — все южные земли, в том числе и Киев, навсегда отказаться от вмешательства в европейскую политику и вернуть Швеции все завоеванные территории. Единственно, на что не соглашался Петр, так это на возвращение Петербурга, но взамен он хотел предложить шведам Псков и другие города в любом месте Центральной России. К счастью всего государства турки удовлетворились лишь малым — Азовом и другими более мелкими крепостями на побережье Азовского моря. Но в этих, сравнительно легких, условиях мира нет личной заслуги Петра.

Наследник прусского престола, будущий Фридрих Великий, писал Вольтеру по поводу его книги о Петре: «Счастливые стечение обстоятельств, благоприятные события и невежество иностранцев сделали из царя призрака героя; мудрый историк, отчасти свидетель его жизни, приподнимает нескромной рукой завесу и показывает нам этого государя со всеми человеческими недостатками и небольшим запасом добродетелей. Это больше не всеобъемлющий ум, всезнающий и стремящийся все проникнуть, — это человек, руководившийся фантазиями достаточно новыми, чтобы придать известный блеск и ослепить; это больше не неустрашимый воин, презирающий и не знающий опасности, но государь малодушный и робкий, которого храбрость покидает в беде. Жестокий в мирное время, слабый во время войны...».

Как кажется, это наиболее точная характеристика Петра и его достоинств.

После того, как к концу жизни Петра на Балтийском море появился огромный русский военный флот, а под ружье было поставлено более двухсот тысяч человек, иностранцы о Петре заговорили в другом тоне и их характеристики стали более лестными. Но подобные комплименты Петру, в которых видится лишь дипломатическая учтивость, не должны вводить нас в заблуждение. Европа считалась только с сильной Россией, считалась только с ее военной мощью, поэтому и отвечивала реверансы в сторону Петра, мнение же о нем как о посредственности на троне и его губительных для нации реформах едва ли изменила.

Мне могут возразить и привести следующий довод: этой военной мощи Россия достигла благодаря усилиям и твердой политике Петра. Поэтому его и следует считать национальным гением и титаном отечественного преобразования.

Но едва ли это верно. Как показывает история, любая страна, думающая о своем суверенитете, непременно

но заботится о своих военных силах. Для осуществления подобной политики не надо быть гением, а требуются лишь деньги, человеческие ресурсы и несколько опытных генералов. Отечественные историки, тем не менее, из того простого факта, что армия в России при Петре увеличилась в несколько раз, сделали поспешные выводы об огромном уме и прозорливости Петра. Но армия и флот усилились исключительно за счет страшного разорения народа и страны. Своим «гением» Петр довел народ до всеобщего обнищания, увеличив подати почти в три раза, раздув невероятно чиновничий и полицейский аппарат. Не сумел он справиться с воровством и мздоимством своих ближайших сподвижников, и это явление в его царствование стало подлинным бичом народа. Благодаря его «гению» в стране повсеместно распространилось курение и увеличилось пьянство, в государственных органах управления наблюдалось необыкновенное засилье иностранцев, страшное мздоимство и продажность. В стране вспыхивали многочисленные бунты и происходило массовое бегство крестьян от притеснений на окраины России, а то и в иные страны (в Молдавию, в Польшу, на Кавказ, в Турцию), или уход их в разбойники, которые в царствование Петра стали страшным национальным бедствием. Свидетельствует ли подобное положение дел внутри государства о каких-либо административных талантах Петра? Конечно же, нет! Перед нами неоспоримое подтверждение его полной бездарности. Военную мощь государства он создал за счет физического и духовного обнищания своего народа.

Нельзя признать гениальной и внешнюю политику Петра. Под его руководством государственный корабль, как при сильном шторме, бросало в разные стороны, и он двигался в течение всего царствования Петра сумбурно, «без руля и без ветрил». Не доведя до логическо-

го завершения войны с Турцией и Крымом и не получив выход к Черному морю, Петр оставил гнить на рейдах воронежскую флотилию, оставил крепости по Дону и Днепру и бросился очертя голову на север, где завяз на два десятилетия в шведской войне. Неожиданно прервав войну со Швецией, он устремляется в Молдавию, где терпит постыдное поражение во время Прутского похода. После этого Петр еще десять лет продолжает войну со Швецией и наконец-то неимоверными усилиями побеждает своего северного соседа, но при заключении мира уступает большую часть завоеванного: возвращает Финляндию, часть Карелии и выплачивает в придачу два миллиона талеров (двадцать тонн серебра), как компенсацию Швеции за потерянные области и понесенные жертвы. Так, может быть, с самого начала следовало заплатить эти деньги шведскому королю за уступку нескольких десятков верст болотистого побережья Финского залива и не ввязываться в изнурительную и кровавую войну?

Петр был настолько безрассуден в своей политике, что вполне мог, по окончании шведской войны, бросить Россию в еще одну затяжную и изнурительную войну в Европе. Для этого он даже заключил союз с Францией, а впоследствии и с обескровленной, но не сломленной Швецией. Возможно, что тем самым он готовился к войне с Англией или Австрией. И только его смерть спасла Россию от новых бессмысленных жертв.

Известны и его планы военных походов в Индию¹ и морской экспедиции на Мадагаскар. Возможно, что Петра мог ждать и первоначальный успех в этих предприятиях, но удержать приобретенные территории,

---

¹ Поход Бухгольца на Сырдарью в 1714 г., поход Черкасского на Хиву в 1717, захват Дагестана и Азербайджана в 1722 г. следует рассматривать лишь как предварительную разведку и поиск наиболее удобного пути в Индию.

ввиду их отдаленности, Россия могла лишь крайним изнурением и истощением своих человеческих и материальных ресурсов. Это прекрасно понимали наследники Петра, поэтому предали подобные планы забвению.

В этих амбициозных замыслах войны в Европе, Азии и Африке многие историки видят проявление его гения. Но верней было бы назвать это политическим легкомыслием и недалекновидностью и стремлением удовлетворить лишь свое тщеславие.

В этом навязчивом желании начать новые войны есть изрядная доля пренебрежения нуждами государства и своих подданных, поскольку на южных рубежах России еще не был решен вековечный спор с кочевыми народами. Некоторые историки считают, что во время царствования Петра от набегов татар, лезгин, кумыков, ногаев и казахов Россия потеряла населения в несколько раз больше, чем за все войны того же периода. Так, только в 1717 году крымские татары захватили в плен и продали в рабство более тридцати тысяч русских людей. Все заводы на Южном Урале вынуждены были превратиться в небольшие крепости, так как постоянно подвергались нападению кочевников и теряли множество людей. Каким же надо было обладать равнодушием к собственному народу и собственной стране, чтобы при таких обстоятельствах задумывать войну с Англией, поход в Индию или готовить экспедицию на Мадагаскар! Можно ли подобное решение считать здравым и мудрым?

Совершив удачный Персидский поход, Петр присоединил к России Дагестан и часть нынешнего Азербайджана. Но эта военная удача не принесла России ничего, кроме политического поражения. Кавказ был слишком сложным регионом, в котором этническая рознь усугублялась рознью религиозной, и здесь требовалось проводить внутреннюю политику как изоощренно гибкую, так и предельно жесткую. Чтобы держать в повиновении этот регион, нужен был огромный коло-

ниальный опыт, предположим как у Англии, но которым вряд ли владела русская администрация того времени. Сложным был Кавказ и в силу того, что здесь сталкивались интересы многих государств, преимущественно мусульманских, и для уверенного присутствия России в этом регионе нужна была и уверенная внешняя политика в мусульманском мире. Но ее в то время у России не было.

Так что эти территориальные приобретения, хотя они и открывали дорогу в Индию, были для России совершенно лишними и даже обременительными: новые земли поглощали ресурсы государства и требовали постоянного присутствия русских войск, не принося абсолютно никаких материальных и политических выгод. Уже в ближайшем времени преемники Петра были вынуждены вывести войска из этих земель. Отказались они и от огромной армии, и от балтийского флота, большая часть кораблей которого сгнила на рейдах Петербурга. И это была не беспечность или небрежение его приемников, а вынужденная мера — продлись еще немного подобные темпы милитаризации, в стране вспыхнула бы гражданская война или наступил бы экономический хаос.

Не надо забывать и о тех страшных жертвах, которые понес русский народ по воле Петра. Только при строительстве Таганрога полегло более 30 000 рабочих. При строительстве Петербурга умерло несколько сот тысяч рабочих! Каждый год стонялось туда по 30 000—40 000 крестьян, которые очень быстро умирали от голода, эпидемий и изнурительного труда. Но следовали новые указы, и новые десятки тысяч своих подданных Петр безжалостно обрекал на смерть для возведения на болотах своего «парадиза» (рая). Новая столица России стоит, в буквальном смысле, на костях сотен тысяч русских людей. Такой же страшной ценой достались и военные победы на многочисленных полях сражений.

Без всякого преувеличения все эти жертвы можно сравнить с теми жертвами, которые понес русский народ за период нынешних реформ. Весьма примечательно, что мы наблюдаем в наши дни такое же распространение безнравственности, воровства, быстрое превращение человека в бесчувственное животное и полную потерю им нравственных устоев, такое же мздоимство и разбой, что и при Петре. Совпадение этих признаков говорит о том, что реформы и в том, и в другом случаях проводились не для блага народа и людьми, которые едва ли задумывались о судьбе нации.

Не сумел Петр прекратить и религиозное несогласие среди своего народа. Часто бывая за границей, посещая костелы и кирхи, слушая и лютеранские, и католические проповеди, Петр, как можно было бы ожидать, воспитал в себе определенную терпимость в делах вероисповедания. Но его терпимость распространялась лишь на собственную персону и на своих иностранных сотрудников, таких как Лефорт, Брюс, Гордон. В отношении русского народа он такой слабости не проявлял и вел себя подобно изуверу. С невероятным ожесточением — как злейших врагов, если не диких зверей! — преследовал он раскольников, даже не помышляя о мирном пути решения этого конфликта. Хотя такое примирение было крайне желательным, и его как благоденствия ждала вся Россия.

Даже Костомаров, при всей своей любви к Преобразователю, должен был заметить: «Какие же меры употреблял Петр для приведения в исполнение своих великих преобразований? пытки Преображенского приказа и тайной канцелярии, мучительные смертные казни, тюрьмы, каторги, кнуты, рвание ноздрей, шпионство, поощрение наградами за доносничество. Понятно, что Петр такими путями не мог привить в России ни гражданского мужества, ни чувства долга, ни той любви к своим ближним, которая выше всяких материальных и

умственных сил и могущественнее самого знания. Одним словом, натворивши множество учреждений, создавая новый политический строй для Руси, Петр все-таки не смог создать живой, новой Руси».

* * *

Подводя итог, можно сказать, что голландский плотник, волею случая получив российскую корону, не стал русским человеком. Да, в нем со временем обнаружились честолюбивые замыслы, появился определенный военный, административный и политический опыт, но отсутствие уважения к стране, в которой он жил, и народу, которым он правил, сказалось самым пагубным образом на результатах его усилий. Не был он подготовлен к бремени власти и в умственном и в духовном плане, поэтому большею частью все его реформы поспешны и мелочны и несут на себе откровенную печать посредственности. Новой России он не создал и не пробудил спящие силы великого народа, а лишь распылил их, погубил их на многочисленных полях сражения в Пруссии, Польше, Германии, Швеции, сгноил в болотах Петербурга, растратил по пустыкам.

Еще царь Михаил Федорович а вслед за ним и Алексей Михайлович начали преобразование армии, вводили полки иноземного строя, но делали это без излишней торопливости, учитывая материальные возможности государства. Уже при Федоре Алексеевиче Россия имела армию, на 60—70% состоящую из полков европейского образца. Петр все эти военные соединения в силу неизвестных причин распустил, оставив только три пехотных полка из бывших потешных войск. Уничтожив армию своих предшественников, он тут же начал вновь формировать полки того же европейского строя! Реорганизация бессмысленная и бестолковая, отнявшая и время, и средства государства. Но такова была

прихоть Преобразователя. Причем он решил создать новую армию и флот в несколько лет и, потратив сотни миллионов рублей, совершенно не считаясь ни с народом, ни с государственным бюджетом, поставил страну на грань экономического краха. В конце царствования Петра все иностранные резиденты доносили о возможном взрыве народного негодования — до такой степени народ ненавидел своего «отца отечества» и его губительные реформы.

Историк С.М. Соловьев, описывая состояние России при воцарении Петра, обращает внимание на то, что в русском народе к тому времени созрел великий дух и потребность в великих деяниях, которые явно ощущались во всех сторонах тогдашней жизни. Историк по этому поводу образно замечает, что «народ собрался в дорогу и только ждал вождя». Возможно, Россия могла обрести настоящего вождя в подлинном царе Петре Алексеевиче, который с рождения проявил незаурядные способности, проявил уважение к своему народу и его религиозному чувству, осознавал необходимость культурного развития. Остается только сожалеть, что судьба прервала его жизнь и не дала возможности России осуществить под его руководством свой культурный и экономический взлет. Россия в свой исторический путь двинулась под руководством пьяного и невежественного голландского плотника...

Пример того, каким путем могла пойти страна, дает нам царствование Екатерины II. Да, и при ней были народные бунты, были недовольные, имели место политические процессы, процветало мздоимство и взяточничество. Но не было национального унижения целого народа! Поэтому и появилась плеяда блестящих военных, управленцев и промышленников. Именно при ней был заложен фундамент будущего культурного расцвета, и на этом фундаменте через некоторое время было

построено величественное здание русской классической культуры. Екатерина не стремилась мелочно, подобно Петру, овладеть различными ремеслами, военными и флотскими навыками, но она поощряла это в других, и это было более важно для процветания империи. В ней не было фанатичного стремления любой ценой достичь цели, но в то же время при ней территориальные приобретения были в несколько раз больше, чем при Петре. Возможно, тем самым история продемонстрировала нам, что и малыми усилиями, усилиями слабой женщины, можно достичь многого. Главное — иметь здравый ум и, пользуясь им, разбудить энтузиазм и дремлющие силы своих соратников. И это Екатерине вполне удалось, поскольку она обладала государственным мышлением и, хотя была немка, умела считаться с национальными чувствами своих русских подданных.

Как кажется, подлинный Петр Алексеевич обладал этими же качествами. Поэтому вполне вероятно, что при нем Россия обрела бы победоносную армию, флот, блестящую культуру и развитую промышленность, но эти усилия обошлись бы нации значительно меньшими жертвами и без катастрофического истощения духовных и экономических сил страны. Поднявшись при таком царе, Россия могла бы более уверенно пойти своей исторической дорогой и прошла бы ее с большим достоинством и блеском. Возможно, что, не будь этой подмены, не произошло бы и трагического раскола между народом и властью, который болезненно ощущался всегда, но расширился неимоверно именно со времени Петра.

Часть 2

ЗАГАДОЧНАЯ ИСТОРИЯ ОДИННАДЦАТОГО САМОЗВАНЦА

ПРЕДИСЛОВИЕ

XVII век, прозванный современниками «бунташным», начался для России необычайно тяжело: смуты, гражданское несогласие, польская и шведская интервенция, страшное разорение и запустение страны. Затем тот же век принес стране ряд изнурительных войн и, уходя к закату, потряс Россию кровавым разинским бунтом. Закончилось же столетие тревожно и зловеще — Петр готовился к своим преобразовательным реформам и войнам, и Россия как бы замерла в страшном ожидании.

Это зыбкое и неустойчивое время породило на Руси массу людей — преступников, авантюристов, бродяг, изгоев общества, — искавших достижения жизненного успеха под чужими именами. Начиная с Алексея Михайловича I они буквально наводнили страну, сея рознь, смущая нестойкие и незрелые умы, маня головокружительными обещаниями. Как правило, это были выходцы из низов тогдашнего русского общества, преступные отщепенцы, не отличавшиеся ни умом, ни трезвостью мышления, ни кругозором, ни иными достоинствами. Пожалуй, их единственным стремлением было на какое-то время иметь власть, успех и деньги, чтобы неистовей предаться разгулу. В исторических документах сохра-

нились их имена. Это были: несколько Лжедмитриев, царевич Петр, царевич Илейка, царевич Фролка и т.д.

Особое место среди этих малоразвитых и, несомненно, уголовных типов занимает 11-й самозванец (по классификации русских историков XIX века). Это был человек незаурядный, щедро наделенный природой многими талантами, и судьба его не менее таинственна, чем судьба Лжедмитрия I. Недолгая жизнь его бурно прошла в бесконечных скитаниях по странам Европы. Звезда этого самозванца, таинственно и ярко сверкнув, стремительно закатилась и погасла среди бурь и потрясений XVII века.

Читая документы о нем, попадаешь в какой-то феерический, неестественно яркий мир странных происшествий, в котором, как в калейдоскопе, завораживающие исторические картины стремительно сменяют друг друга. Непостижимый вихрь событий, захватив однажды, неудержимо несет самозванца через города, страны, сталкивает его на краткий миг с монархами, вельможами, крупными историческими лицами. На пожелтевших ветхих страницах бушуют страсти, сплетаются интриги, подготавливаются драмы. В центре этих событий всегда находится 11-й самозванец...

Кто же он был? Величайший забытый авантюрист XVII века? Интриган и возмутитель спокойствия во многих странах? А может быть, талантливый, лишенный предрассудков своего времени русский человек, спешащий рассмотреть окружающий мир и жизнь с ненасытным любопытством, свойственным пробуждающейся нации?

В грамотах, рассылаемых Посольским приказом во многие города Европы, в которых появлялся самозванец, он неизменно назывался «вором и изменником». Царь Михаил Федорович, а после него Алексей Михайлович, второй Романов на российском троне, прилага-

ли немалые усилия к поимке и доставке в Москву этого самозванца.

Но, казалось, судьба с игривой снисходительностью покровительствует своему баловню. Он легко ускользал от многочисленных московских «узнавальщиков и поимщиков», остался в живых после плена, тюрьмы и гнева всемогущих вельмож... Но в какой-то миг судьба капризно отвернулась от него, и он кончил свою жизнь на плахе.

Несомненно, была в его жизни тайна, которая так и осталась нераскрытой и которую он унес в лучший мир. Может быть, эта тайна была не столь значительна, чтобы ради нее подвергать его мучительным пыткам в застенке и обрекать на позорную смерть. Но он унес ее с собой, и нам остается только гадать, кто же он был на самом деле, этот таинственный *cont Sinensis*¹, он же князь Шуйский и он же Тимошка Акундинов, XI-й самозванный претендент на российский трон.

1

МОСКОВСКИЕ АКТЫ И ПРОФЕССОР ОЛЕАРИЙ О САМОЗВАНЦЕ

Несмотря на весьма примечательную судьбу Тимошки Акундинова, о нем написано мало, крайне противоречиво и крайне недоброжелательно. Если не обращать внимания на некоторые противоречия в изложении жизни Акундинова, то бросается в глаза полное единодушие авторов в неприязненном отношении к этому самозванцу. Они видят в нем лишь мелкого авантюриста с уголовным прошлым.

---

¹ *Cont Sinensis* — граф (великий князь) Синенсис. Так самозванец называл себя в некоторых документах.

Талантливый русский историк и неутомимый исследователь европейских архивов, Е.Ф. Шмурло высказался об Акундинове энергично и с долей изрядного пренебрежения:

«Комедиант едва ли не самой низкой пробы Тимошка Акундинов, взявший на себя роль «сына» царя Василия Ивановича Шуйского: это настоящий балаганный Петрушка с короной из фольги и волосами из кудели — базарное изделие топорной работы»¹.

Но после знакомства с многочисленными документами о Тимошке, с таким мнением едва ли можно согласиться. Акундинов был явлением незаурядным в отечественной истории, обладал редкими способностями и в интеллектуальном отношении значительно превосходил всех без исключения русских самозванцев вместе взятых. Лжедмитрию I посвящены десятки книг, но он не обладал и четвертью способностей Акундинова, не говоря уж о последующих самозванцах, и в самом деле балаганных фигурах. Видимо, история распорядилась не совсем справедливо, выделяя одних и умалчивая о других.

Официальная версия о самозванце и его преступлениях, которой в течение нескольких лет придерживался Посольский приказ, отличалась сухостью и расплывчатостью формулировок. В качестве примера приведу грамоту, направленную от царского имени в ноябре 1652 года шведской королеве Христине:

«Писали мы Великий Государь Наше Царское Величество с нашим царского Величества гонцом с Яковым Козловым к Вашему Королевиному Величеству о изменниках и ворах, о подьячих о Тимошке Анкидинове, да о Костке Конюхове, что они, покрадчи Нашу, Царско-

---

¹ Шмурло Е.Ф. Римская курия на русском православном востоке в 1609—1654 годах. Прага, 1926. С. 174.

го Величества многую казну и учиня многое воровство, збежали с Москвы от смертныя казни. И, убегая, меж государств всякую ссору чинили и имена себе переключивали, и назывался он Тимошка Шуйским.

И были они в Цареграде, у Турского Салтана, и там он, Тимошка, бусурманился, заворовав, ушел от смерти в Польшу и в Литву. И были в войске запорожском, у гетмана у Богдана Хмельницкого. И из Литвы тех воров, по указу Брата Нашего наияснейшего Великого Государя, Яна Казимира, Короля Полского и Великого Князя Литовского и иных, его Королевского Величества, велено, сыскав, прислати к нам, Великому Государю.

...и те воры ушли в Рим к папе и приняли в Риме папешскую веру, а из Риму бегали по иным Государствам и делали ссоры многие и объявились в Вашей Королевине Величества стороне»¹.

Адам Олеарий (Эльшлегер), серьезный ученый (математик, физик, историк, знаток восточных языков, поэт и философ), профессор Лейпцигского университета и посол Голштинского герцога в Москве, был единственный иностранец, который весьма подробно рассказал историю Акундинова. Версия, с которой познакомил своих западноевропейских читателей Олеарий, мало отличалась от официальной, но полна интересных подробностей из жизни самозванца.

«О лже-Шуйском, иначе говоря Тимошке Акундинове, его происхождении, действиях и гибели.

Был некий русский, который желал именоваться *Iohannes Sinensis* — что, по его словам, по-сарматски² переводится «Иван Шуйский». Бежав из-за некото-

¹ Журнал «Финский вестник», №1 (XIII). СПб., 1847.

² Акундинов несколько лет провел в Польше при королевском дворе. Он выучил польский язык и латынь и, как человек незаурядный, проявлял интерес ко многим вещам, в том числе и к интеллектуальным проблемам. В это время в Польше была весьма популярна

рых преступлений из Москвы, он выдавал себя в чужих странах за сына бывшего великого князя Василия Ивановича Шуйского. Нынешний великий князь Алексей Михайлович с большими затратами разыскал его; он был схвачен, и в минувшем году в Москве его казнили.

Так как он в различных странах, частью лично, частью по слухам, был известен, и весьма многие, в том числе и высокие государи, не знали истинных обстоятельств о нем и даже были о нем весьма различных и неправильных мнений, я хочу вкратце рассказать всю истину о нем, как я ее достоверно узнал не только от русских, но и от немцев, живущих в Москве и хорошо с ним знакомых.

Истинное имя его — Тимошка Акундинов. Родился он в городе Вологде, лежащем в области того же наименования, от простых, незнатных родителей. Отец его назывался Демкою или Дементием Акундиновым и торговал холстом. Так как отец заметил в нем добрые способности и выдающийся ум, то он дал ему возможность прилежно посещать школу, так что Тимошка скоро научился читать и красиво писать, и достиг, стало быть, высшей степени русской образованности, дальше которой они до сих пор не заходили. Помимо того у него оказался еще хороший голос для пения — он умел красиво исполнять церковные песнопения — и поэтому тогдашний архиепископ Вологодский и Ве-

---

«сарматическая теория», согласно которой польское шляхетское сословие произошло от древних, упоминавшихся еще у Геродота, племен причерноморских кочевников — сарматов. Теория эта была ничем не хуже многих подобных этнических теорий, предположим, происхождения русских князей от варягов. Акундинов латинизировал фамилию *Шуйский* (стала звучать как *Sinensis*) и, подражая польским аристократам, вывел свое происхождение от смелых наездников-сарматов.

ликопермский, именем Нектарий¹, полюбил его, принял ко двору своему и поместил на церковную службу. Здесь он вел себя так хорошо, что архиепископ выдал за него замуж дочь своего сына, рожденного до принятия архиепископом духовного сана. Тут Тимошка загордился и иногда в письмах своих стал именовать себя внуком наместника Вологодского и Великопермского.

Промотав в беспорядочной жизни, после смерти архиепископа, имущество жены своей, он с женою и ребенком перешел в Москву, где его принял бывший друг его по архиепископскому двору Иван Патрикеев, дьяк приказа «Новой четверти», и устроил писцом в том же приказе. И здесь он вел себя так хорошо, что ему поручили сбор и расходование денег; а заведовал приказ этими деньгами, получавшимися с великокняжеских кабаков и трактиров. Некоторое время он добросовестно исполнял свои обязанности, но, наконец, подружился со скверными товарищами, стал пьянствовать и играть, и при этом прибрал к рукам великокняжеские деньги.

---

¹ Здесь явная ошибка Олеария. Нектарий был по происхождению грек и, скорее всего, пребывал в иноческом чину. Поэтому детей не имел. До приезда в Россию был архидиаконом Святейшего Патриарха Константинопольского, затем архимандритом Царьградского Патриарха, а позднее архиепископом Охридским. По прибытии в Россию по указу царя Михаила Федоровича 25 июня 1613 года был назначен архиепископом Вологодским и Великопермским. В 1616 году по доносу «без сыску и неповинно» был осужден и сослан в заточение в Новгородский Кирилло-Белозерский монастырь простым чернецом. В 1625 году был оправдан и вновь назначен управлять Вологодской епархией. Скончался 3 июня 1626 года. На его место был назначен Варлаам.

В это время Тимошке было около 9 лет, поэтому он не мог быть женатым. Скорее всего, его женой была внучка архиепископа Варлаама, на которой он женился лет десять спустя.

Когда он увидел, что при предстоящем отчете (а отчет этот при Московском дворе требуют всегда наистрожайшим образом и всех подлежащих отчету держат в страхе) ему недостает ста рублей, он пустился во всякие хитрости и выдумки, чтобы пополнить украденные деньги. Между прочим, он отправился к писцу того же приказа Василию Григорьевичу Шпилькину, который был его кумом (что в Москве имеет большое значение) и неоднократно оказывал ему благодеяния, и говорит: «Прибыл в Москву из Вологды знатный купец, добрый друг его; его он на завтрашний день пригласил к себе в гости: чтобы теперь нарядить свою жену более обыкновенного и вывести, как это принято, с чаркою водки, он просит своего кума и надежного друга одолжить ему своей жены жемчужный ворот и украшения, которые вскоре в полной сохранности будут возвращены ему на дом».

Шпилькин, не подозревая ничего дурного, охотно, без залога, исполнил его просьбу, хотя украшения и стоили дороже 1000 талеров. Тимошка, однако, не только забыл вернуть эти вещи, но даже, когда Шпилькин ему о возврате напомнил, стал отрицать получение с него чего-либо и требовал доказательств. Шпилькин призвал Тимошку к суду, и когда тот, тем не менее, стал отрицать, он настоял на заключении его в тюрьму. Но так как обвиненного нельзя было уличить, его отпустили на поруки.

Тем временем он все-таки не мог вернуть похищенных денег. В это время и собственная жена Тимошки, с которою он жил не в ладах, стала сильно упрекать его как за это преступление, так и за мужеложество с мальчиками, в котором его часто заставляли, и Тимошка стал опасаться, как бы его жена, в конце концов, не совершила полной исповеди, после чего истина и все его злодеяния вышли бы наружу. Чтобы затушить это дело,

он решился на еще большее преступление: он взял сына своего и привел его к доброму своему другу Ивану Пескову в Разбойном приказе, а сам ночью вернулся в свой дом, находившийся на Тверской, недалеко от двора шведского резидента, запер жену свою в комнате, поджег огонь и сжег свой дом, а в нем и жену. Затем он бежал в Польшу, так что долгое время не знали, жив ли он еще или сторел вместе с домом. Это случилось осенью 1643 года.

Когда два года спустя московские послы прибыли в Польшу и стало известно, что там находится такого рода русский, а Тимошка стал опасаться, как бы о нем не стали спрашивать, то он в 1646 г. бежал оттуда к казачьему полководцу Хмельницкому, у которого жаловался, будто его преследуют за происхождение его из рода великих князей. Лъстивыми речами он добился того, что стал Хмельницкому мил и любезен, и обращались с ним здесь хорошо.

Двумя годами позже царский посланник по имени Яков Козлов по другому делу был прислан к Хмельницкому; он увидел здесь Тимошку, узнал его и стал в добрых словах уговаривать, чтобы он бросил беганье и вернулся опять в Москву: «Ошибка с великокняжескими деньгами легко может быть прощена ему по заступничеству добрых друзей». В то время еще не знали, что он выдавал себя за сына великого князя Шуйского. Тимошка, однако, не захотел поверить другу, и так как нечистая совесть гнала его дальше, то он опять исчез и в 1648 г. бежал в Турцию, дал себя обрезать и принял магометанскую веру. Так как здесь из-за блудного дела, им совершенного, угрожала опасность его голове, он тайно бежал, отправился в Италию, в Рим, и здесь принял римско-католическую веру. Отсюда он направился в Австрию, в Вену, а затем в 1650 г. в Трансильванию или Семиградье к князю Ракоци. Этот последний его

принял, поверил хитрым его уверениям, сильно пожалел его и, по убедительной его просьбе, отпустил с рекомендациею к другим государям. Отсюда направился он в Швецию, где правившая в то время королева Христина, ради рекомендательного письма князя Ракоци, оказала ему всяческую милость и отпустила от себя с хорошими подарками.

Тем временем русские купцы, находившиеся в Стокгольме, сообщили в Москву о прибытии в Стокгольм такого человека. Его царское величество велел немедленно же послать к ее королевскому величеству в Швецию писца Козлова с письмом такого содержания: «Дошло до сведения его царского величества, что некий русский, к большому ущербу для его царского величества, именующий себя родным сыном царя Василия Ивановича Шуйского (не оставившего, однако, никакого мужского потомства) и называющий себя *Iohannes Sinensis*, явился в Стокгольм; поэтому желательно, чтобы, ради соседственной дружбы, означенный лже-Шуйский был выдан этому их посланному».

Названный Шуйский, однако, еще до прибытия гонца, уже успел собраться в путь и уйти в Лифляндию. Оставшийся слуга его Костька, т.е. Константин, был здесь пойман, закован во многие цепи и отправлен в Москву. Тимошка, правда, был заключен под стражу в Ревеле по розыскному письму ее величества королевы Шведской, но вырвался на волю и бежал.

Тем временем мать Тимошки и все, кто были в доброй дружбе с беглецом, из простого подозрения в существовании заговора, были заключены в тюрьму, подверглись пытке, а иные и померли при этом.

Уйдя из Лифляндии, Тимошка отправился в Брабант и был, как он сам пишет, у эрцгерцога Леопольда. Отсюда направился он в Лейпциг и Виттенберг с поляком по имени Стефан Липковский, принял здесь аугс-

бургское исповедание и причастился, как это видно из собственной его исповеди, писанной по-латыни, снабженной его собственноручною подписью и печатью и по сию пору находящейся в означенном университете. Наконец он прибыл в Голштинию и явился в Нейштадт, где его поймал и заключил под стражу русский купец по имени Петр Микляев из Новгорода, также высланный с царскими розыскными грамотами к немецким князьям и монархам. Отсюда его, по приличествующей случаю просьбе, полученной от того же русского и также и со стороны знатного купца в Любеке, доставили в княжескую резиденцию Готторп и держали здесь до тех пор, пока от его царского величества не были отправлены специальные грамоты и гонцы к его княжеской светлости в Шлезвиг-Голштинию.

Его царское величество ради этого Тимошки рассылал время от времени к европейским королям, князьям и государям послов и гонцов и выхлопатывал розыскные грамоты, чтобы беглец нигде не мог чувствовать себя в безопасности, но везде, где бы его ни встретили, мог быть схвачен. Поэтому, как только его царское величество узнал от посланника, по этому делу отправленного в Швецию, что Тимошка захвачен в Нейштадте в Голштинии, как он тотчас же отправил к его княжеской светлости двух гонцов, одного за другим, с грамотою одинакового содержания.

Письмо его величества царя Московского к его светлости князю Шлезвиг-Голштинскому:

«Бога всемогущего, во всем все творящего и добрыми утешениями все народы охраняющего, в Светлой Троице возвеличенного и в единстве славимого Господа Бога нашего милостью, промыслом, мощью, силою и волею избранные соблюдать и содержать великую российскую державу, держа в руках скипетр истинной христианской веры и охраняя другие увеличенные и

вновь приобретенные государства, с помощью Божиею, в мире и без смятения, до века. — Мы, великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович и пр. (с обычным полным титулом), державнейшему Фредерику, наследнику Норвежскому, герцогу Шлезвингскому, Голштинскому, Стормарнскому и Дитмарсенскому, графу Ольденбургскому и Дельменгорскому (объявляем) наш любезный привет.

В минувшем 1644 году — по московскому календарю 7152-м — обокрали нашу царского величества казну Тимошка Акундинов да Костька Конюхов, которые от наказания смертной казнью бежали из земель нашего царского величества в Константинополь и там приняли мусульманство. Так как и там они совершили злые поступки, то они вновь бежали от наказания смертной казнью и прибыли в Польшу и Литву, вызвали смуту у государей и находились в войске запорожских казаков у генерала Федота Хмельницкого, который обоих вышеназванных наших воров и изменников, по приказанию великого государя Иоанна Казимира, нашего брата, короля польского, должен был схватить и передать посланным к нему короля польского дворянину Ермоличу и нашему дворянину Петру Протасьеву; по этому делу означенный Хмельницкий особо писал к нашему царскому величеству. Однако воры и изменники наши бежали в Рим, затеяв у них смуту и переменяв имена свои. Один из них, Тимошка, назвал себя Шуйским, а в иных местах *Sinensis*'ом, Костька же выдавал себя за его слугу. Оба появились и в Шведском королевстве, где их узнали наши купцы из Новгорода и иных городов. После этого их схватили, именно Тимошку арестовал генерал в Ревеле, а Костьку генерал в Нарве, но оба генерала не хотели без указа великой королевы Шведской выдать нам обоих изменников. После этого

мы писали к великой королеве чрез нашего дворянина NN, чтоб она приказала обоим вышеназванных изменников передать нам, на это великая королева Шведская согласилась и генералу в Ревеле письмом своим указала, чтоб оба наши изменники были переданы дворянину нашему, когда он из Стокгольма прибудет в Ревель. Когда, однако, дворянин наш из Стокгольма прибыл в Ревель, то ему был передан только изменник Костыка. Что же касается Тимошки, то он бежал из-под ареста и, пока наш дворянин находился в Ревеле, нигде не мог быть найден. Однако позже он в Голштинии, в Нейштадте, был схвачен и брошен в темницу.

Поэтому мы и послали к вашей любви с нашего царского величества письмом посланника Василия Шпилькина с несколькими из наших подданных, чтобы вы указали передать ему означенного нашего изменника и переслать его нам.

(До сих пор первое письмо от 31 октября 1652 г. и второе от 5 января 1653 г. были слово в слово схожи одно с другим. В последнем далее прибавлено:) Но в минувшем году в декабре месяце прибыл к нам Петр Микляев из Новгорода и доставил нашему царскому величеству от ваших советников доказательство, что он с Иоганном фон Гореном из Любека схватил означенного нашему величеству изменника в вашем городе Нейштадте, что ими принесена вам жалоба и сообщено о его воровстве и что в силу этого вы приказали его доставить из вашего княжеского города Нейштадта в Готторп и содержать под сильной стражей. Поэтому мы и посылаем с настоящим нашего царского величества письмом означенного Петра Микляева, чтобы вы, согласно с первым и настоящим нашим письмом, приказали передать выше означенного арестанта и нашего изменника нашим посланникам Шпилькину и Пет-

ру Микляеву и другим нашим подданным и соизволили через них переслать его к нам, дабы изменник не бежал и не вызвал дальнейших беспокойств и смуты. За то и наше царское величество, в свою очередь, окажем вашей любви всякую услугу, когда в этом будет необходимость.

Вор и изменник нашего царского величества по имени Тимошка — весьма низкого звания. Он сын простого торговца холстами, отца его зовут Демкою Акундиновым из предместья Вологды, его мать — Соломонидкою, а сына, который еще жив, Сережкой. Означенный Тимошка служил в Москве в Новой четверти и обворовал нашу казну, убил свою жену и сжег ее в своем доме, вследствие чего сгорели одновременно и дома многих других людей и многим нашим подданным нанесен был убыток. Поэтому он приговорен к смерти, бежал и находится в бегах до настоящего времени, вызвав во многих странах беспокойство.

Дано в нашей царского величества столице Москве 5 января в год от сотворения мира 7161-й (от Р.Х. 1653-й)»

Третье и последнее письмо к его княжеской светлости по тому же поводу было отослано 17 октября того же года, после чего пленник был передан русским.

Один из посланников, доставивших эти письма и отвезших пленника, был, как видно из этого письма и как уже сказано, (Василий) Григор(ьевич) Шпилькин, писец, бывший сотоварищ Тимошки в канцелярии «четверти», у которого Тимошка обманным образом выманил драгоценности его жены. Когда ему однажды было разрешено видеть пленника и разговаривать с ним в присутствии нескольких знатных придворных чинов, Тимошка важною походкою выступил к нему навстречу, представился, будто он его никогда не видал, не хотел даже говорить с ним по-русски, но тре-

бывал, чтобы тот говорил с ним на сарматском языке¹, которого Шпилькин не знал. Когда Шпилькин спросил: «Не он ли Тимошка Акундинов, обокравший великокняжескую казну и совершивший другие злодеяния?», он ответил: «Весьма возможно, что негодяй, по имени Тимошка Акундинов, и обокрал казну великого князя (здесь говорят «обокрасть казну великого князя» не про кражу со взломом в самой казне, но про утайку денег, которые должны были идти в казну или принадлежали казне), но его лично это не касается, так как его имя *Iohannes Szuensis*, по-сарматски — Шуйский. В это время он не хотел сказать, что он сын великого князя Василия Ивановича Шуйского. Когда, однако, Шпилькин еще дольше с ним стал говорить и начал напоминать ему про прежнюю его жизнь, он начал смеяться над ним и ругать его: он говорил, что не может признать его посланником, что он, как видно из его фамилии, очевидно, торговец шпильками.

Некоторое время спустя, по выраженному им же желанию, через придворного канцлера и советника, стали спрашивать Тимошку о некоторых пунктах, а именно: «Какого он происхождения и рода? Родственник ли он великому князю? Почему его великий князь преследует? Чем он мог бы вредить ему?», и Тимошка отвечал частью устно, частью в особой записке. Его собственные слова таковы: «Ведь уже слышали, что я *Iohannes Szuensis*, или по-сарматски Ян Шуйский, наречен в святом крещении Тимофеем. Я — сын Василия Доменициана Шуйского, который имеет свое фамильное имя от лежащего в Московии города Шуи и происходит из фамилии московской нации. Родился я и воспитывал-

---

¹ Трудно понять, что имеет в виду Олеарий под сарматским языком. Возможно, Акундинов пытался говорить со Шпилькиным по-татарски, чтобы скрыть от присутствующих некоторые нежелательные для разглашения сведения.

ся в некой части королевства Польского, в провинции Новгород-Северской, вотчинник я в Украине Северной, где у меня собственные имения «Великое Болото» близ московитской границы. Нынешний великий князь мне вовсе не родственник, так как отец его только из дворян, мой же отец был из княжеского рода. Так как великий князь знает это, то он и преследует меня. Хан татарский, ныне воюющий с короною польскою, подстрекал меня враждебно напасть на московскую землю, но я, помня, что мои древние предки называли эту страну своим отечеством, из любви к ней, не сделал подобной попытки, то есть не пытался на насилие ответить насилием. Я бы мог послать в землю великого князя 100 000 сабель, но Бог да хранит меня от подобного поступка и т.д.»

То же самое изложил он и в письме на имя патриарха. Первый московитский посланник, прибывший из Швеции, явившись к нему, стал с ним дружелюбно говорить и посоветовал ему обратиться с прошением на имя патриарха, имеющего большое влияние на великого князя и легко могущего своим заступничеством вновь вернуть ему милость; и сам посланник также обещал похлопотать. Шуйский, положившись было на слова этого русского, передал ему закрытое письмо на имя патриарха, в котором, между прочим, говорилось: «Он родился русским и в крещении наречен Тимофеем (отсюда уменьшительное — Тимошка), его прельщали, чтобы он послал в страну 300 000 сабель, но ночью явился ему ангел, увещевавший его не предпринимать ничего подобного против собственного отечества и религии; он принял это к сердцу и хотел вновь в мире идти домой; недавно в Нейштадте ему снова можно было освободиться, но он не захотел этого сделать, чтобы иметь возможность представиться и с посланниками вновь вернуться в Москву».

Когда, однако, посланник вскрыл это письмо и прочел его в моем присутствии, Тимошка стал отрицать свою руку и сказал: «Он ничего об этом не знает»; он показал другого рода почерк и ругал и поносил посланника так, что тот, не будучи в состоянии стерпеть, плюнул на письмо и бросил его ему в лицо. Тимошка тотчас же разорвал письмо на мелкие кусочки.

Своими непостоянными и переменчивыми речами и записками Тимошка достаточно ясно выказал, что он стоит на лживой основе. Иногда он говорил: «Он — русский и сын великого князя Василия Ивановича», а в переданной записке он называл своего отца Василием Доменицианом. Между тем известно, что из трех братьев Шуйских — а других Шуйских тогда и не было в России — никто не назывался так. То опять он отрицал свое русское происхождение и писал в вышеупомянутой записке: «Я могу доказать с очевидностью, что — хотя тело мое нестерпимыми муками и ослаблено — тем не менее ни из языка, ни из привычек, ни из состояния моего нельзя вывести, что я московит». Он не отпустил бороды, как другие русские. Во время долгих своих путешествий он изучил довольно сносно несколько языков, как-то латинский, итальянский, турецкий и немецкий, так что на каждом из них мог излагать свои мысли. Он умел также писать по-русски разными почерками, меняя руку, смотря по тому, как это ему было выгодно. Грамоты, приходившие, ради него, от его царского величества к его княжеской светлости он старался представить подозрительными и старался в переданной им записке убедить нас, что эти грамоты вымышлены и фальшивы, так как они не подписаны ни его царским величеством, ни кем-либо из вельмож. «Богу и людям известно, — говорил он, — что каждое запечатанное письмо, подобно настоящим, лишенное подписи, не может иметь значения». Однако Тимош-

ка ошибался, воображая, что мы не знаем канцелярских обыкновений русских. Ни одна из царских миссий или грамот к другим государям, даже никакие договоры не подписываются самим царем; считается достаточным, что они снабжены большой печатью. Бояре же и государственные советники, которые вели переговоры по данному делу, подписывают особую грамоту, относительно договоров, и подкрепляют ее своими печатями, которые имеют то же значение, как если бы подпись была дана самим его царским величеством.

Когда Тимошка увидел, что хитрость и обман его разгаданы и что ему не удастся выговорить себе свободу, но что он будет, в конце концов, выдан русским, он из отчаяния думал сам себя лишиться жизни. Когда он на пути в Травемюнде, где его должны были посадить на судно, проезжал мимо Нейштадта, он нарочно выбросился из повозки, упал на голову и подвалился под колесо, надеясь так покончить с собою, но так как ехали по песку и телега сейчас же остановилась, то его невредимого снова посадили в телегу и стали еще старательнее сторожить. Позже на пути в Москву он придумывал разные средства, чтобы лишиться себя жизни; но так как это заметили, то эти средства были у него отняты прилежною охраною. В общем, он был все время довольно весел, вплоть до приезда в Новгород; здесь он начал печалиться и уже от Новгорода до Москвы не желал ни есть, ни пить.

Как только прибыли с ним в Москву, его немедленно же отправили на пытку. Однако во время пытки и перед смертью своею он вел себя крайне упрямо: можно было предположить, что он поступает так или желая, чтобы его сочли за сумасшедшего, или же знал, что все равно он будет казнен, сознается ли в правде или нет; из отчаяния он хотел скорее, чем сознаться, продолжать упорствовать в начатом и продолжавшемся им

обмане и злодействе, чтобы иностранные государи его постоянством в речах были подкуплены в мыслях, которые он им хитроумно внушал. На совесть свою он обращал здесь столь же мало внимания, как раньше при принятии столь многих религий; вероятно, он думал: «Лучше бегом попасть в ад, чем идти туда шагом».

Когда ему на пытке, в присутствии отряженных для этой цели знатнейших государственных советников, были заданы вопросы о некоторых пунктах и он был допрошен, он сказал: «Он не почитает никого, за исключением вельможи и боярина Никиты Ивановича Романова, достойным вести переговоры с ним» (а боярин тот был давно известен ему своей храбростью и добрым нравом). Пришлось, вследствие этого, двум из бояр отправиться к Никите и просить его зайти к нему. Тем временем Тимошка попросил пить, и когда ему принесли деревянную чашку с квасом или слабым пивом, он отказался от кваса и не хотел пить из деревянной чашки, требуя, чтобы ему дали испить меду из серебряного сосуда. Когда исполнили эту его просьбу, он поднес сосуд ко рту, но отпил лишь немного. Когда теперь боярин Никита с двумя другими боярами вошел к нему, он смиренно поклонился ему, но еще упорнее стал утверждать, что он сын царя Василия Ивановича Шуйского. Ему, однако, было сказано и доказано, что он сын Дементия Акундинова, простого торговца холстом в Вологде, а вовсе не из великокняжеского рода Шуйских. Покойный великий князь Василий Иванович Шуйский вовсе не имел детей, а лишь двух братьев: князя Дмитрия Ивановича и Ивана Ивановича Шуйских, которые также не оставили мужского потомства. Эти три брата вместе с тогдашним патриархом Филаретом Никитичем были отправлены в Польшу в плен, как это указано выше. Старшие два брата умерли в Польше, третий же, по имени Иван Иванович, вместе

с патриархом был отпущен на волю, прибыл в Москву и скончался лишь в правление нынешнего великого князя, немного лет тому назад. Было из этого рода еще одно лицо — именно брат их отца Василий Федорович, имеющий лишь одного сына, а именно князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского, который в то время, когда шведский полководец занял Великий Новгород, умер, также не оставив наследников. Таким образом, Тимошка не мог быть из рода Шуйских.

Во время пытки ему была представлена родная его мать — ныне монахиня; она, горько плача, жаловалась на его несчастье и увещевала его отказаться от своего безумия, признать истину и умолять царя о милости. Тимошка печально смотрел на нее, но представился, будто не узнает ее. Ему дали очную ставку и с писцом Иваном Песковым, которому он накануне бегства доверил своего сына; одновременно с писцом показали ему и сына. Песков сурово напустился на Тимошку: «Достаточно уже он пробалялся ложью и обманом, вызвав и на него, Пескова, высокую его царского величества немилость и причинив ему сердечную скорбь; вспомнил бы он о Боге и признал правду; не его ли это сын, которого он, Песков, теперь к нему сажает?»

Следует, однако, знать, что сына этого Тимошка произвел на свет не с законной своею женою, а со служанкою. Тимошка посмотрел на обоих, поздоровался с Песковым, но больше не хотел говорить с ним ни слова. Хотя и приводили к нему для очной ставки многих прежних его добрых знакомых и друзей, бывших одновременно с ним писцами, хотя все они увещевали его признать правду, все-таки он на все их речи, так как достаточно был уличен, отвечал молчанием. Его осмотрели и нашли, что он был обрезан. Его увели с места пытки и на другое утро опять привели сюда и допрашивали о некоторых пунктах. Он, однако, ни на один не пожелал отвечать. Тогда его с пытки перевели на большую площадь

перед Кремлем, прочли о его преступлениях и объявили приговор о нем: его велено было изрубить на куски. Его сейчас же раздели, разложили на земле, отрубили топором сначала правую руку ниже локтя, затем левую ногу ниже колена, потом левую руку и правую ногу и мгновенно затем голову; казнь он перенес не выражая страданий. Отрубленные куски тела были насажены на пять поставленных стоймя кольев, и стояли так до следующего дня; туловище осталось на земле между кольями и ночью было съедено собаками. На следующее утро оставшиеся кости туловища слугами палача были собраны, отрубленные куски вместе с кольями сложены в сани и все это за городом брошено в яму для падали.

Его бывший слуга Костька должен был смотреть на казнь своего господина. Так как он во всем добровольно сознался, то ему была подарена жизнь, но за нарушение присяги его царскому величеству ему объявлен был такой приговор: ему надлежало отрубить три первых пальца на правой руке. Так как, однако, вера их, прежде всего, требует, чтобы они крестились и благословлялись правой рукой, то, по заступничеству патриарха, его помиловали: наказание было совершено над левой рукой. После этого он был сослан в дальний город в Сибири, где ему доставлены все средства для пропитания в течение всей его жизни.

В тот же день и тот же час, когда происходила казнь, польского посла или посланника, только что прибывшего в Москву, вели на аудиенцию и нарочно провели через место казни, чтобы он видел ее и мог сообщить, что лже-Шуйский, одно время находившийся в Польше, казнен.

Вот каков был на самом деле лже-Шуйский и какой он получил конец»¹.

---

¹ *Адам Олеарий*. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906, с. 242—253.

ЧТО СКРЫТО В ПРОТОКОЛАХ?

Олеарий написал огромный труд о России середины XVII века, в котором собрал и систематизировал сведения почти о всех сторонах жизни Московского государства: истории, географии, народонаселении, религии, быте, этнографии, экономике, политике... Тимошка, как некое незаурядное явление тогдашней русской жизни, дающее представление о национальных чертах характера, вызвал его неподдельный интерес. И Олеарий включил в свою книгу рассказ о его удивительных похождениях. Многочисленные неточности, присутствующие в этом рассказе, вполне объяснимы: он описывал Тимошкину одиссею с чужих слов, но вряд ли кто был знаком с ней в полной мере. Даже попытка едва ли вырвала у самозванца полное признание о подлинных подробностях его бурной жизни.

Видимо, этим, а также не критическим отношением Олеария к собранному материалу объясняются странные крайности в характере самозванца. С одной стороны, он гуляка, гнусный обманщик, содомит, стремящийся только к удовлетворению своих порочных прихотей. С другой стороны — талантливый юноша, имеющий немалые способности и сумевший реализовать их через усердную учебу и изучение иностранных языков. Но для этого нужна усидчивость, целеустремленность, постоянные занятия и трезвая голова. Совместимы ли в одном человеке столь противоположные качества?

Вызывает серьезные вопросы и то, что московское правительство, в течение нескольких лет упорно и методично добываясь от различных государств выда-

чи Акундинова, так и не смогло предъявить ему достаточно серьезных обвинений. Во многих официальных грамотах его обвиняли в том, что он «покрал многую царскую казну», но при допросе в Москве следствие об этом как будто забыло и интересовалось лишь происхождением Акундинова и тем, как опровергнуть его родство с Шуйскими.

Если он был всего лишь мелким мошенником, то наказание, учиненное ему, не соответствует тяжести его преступления. По русским уголовным нормам того времени, воры и должники осуждались на виселицу или же подвергались правезу, т.е. битью кнутом. Четвертовались исключительно государственные преступники за умыслы против властей и монархов.

Единственная его явная вина заключалась в том, что он называл себя князем Шуйским. Но было ли это большим преступлением, учитывая то, что он не поднимал мятежа и у него не было многочисленных сторонников, готовых с оружием в руках отстаивать его права? Примерно в эти же годы другой самозванец, Иван Луба, польский подданный, выдавал себя за царевича Ивана, сына Лжедмитрия I и Марины Мнишек. По требованию царя Михаила Федоровича Польша выдала самозванца Москве, но он был отпущен с миром на родину после того, как признался в своем обмане¹.

---

¹ В отношении происхождения Ивана Дмитриевича Лубы до сих пор много неясностей. В 1614 году атаман Иван Заруцкий, деятельный сторонник самозванцев, был выдан казаками царским войскам вместе с Мариной Мнишек, коронованной русской царицей, и ее малолетним сыном Иваном. В Москве Заруцкий был посажен на кол. Находившийся в это время в Москве поляк Белинский предпринял попытку спасти если не Марину, то хотя бы ее сына. Он намеревался подменить сына Марины другим мальчиком, сыном убитого прежде в Москве поляка Лубы. Как считается, этот план не удался и сын Марины был повешен.

Весьма странно воспринимается и то обстоятельство, что еще в 1650 году русское правительство, доби-

---

Но, тем не менее, Белинский выехал в Польшу с ребенком, которого он называл царевичем Иваном Дмитриевичем. По его рассказам, Марина, находясь еще в Калуге, поручила ему увезти ее сына в Польшу. По совету шляхты Белинский донес о ребенке королю Сигизмунду III, который приказал отдать его на воспитание литовскому канцлеру Льву Сапеге, назначив на содержание мнимого царевича шесть тысяч злотых в год. Сапега поручил обучение ребенка игумену Брестского Симеоновского монастыря Афанасию. Здесь ребенок прожил семь лет, а потом находился при дворе Сапеги, где назывался царевичем, и сам был уверен в том, что он подлинный царевич.

При короле Владиславе, когда после очередной войны с Московским государством был заключен вечный мир с Россией, Ивану Дмитриевичу было запрещено называться царевичем. Он обратился к Белинскому с вопросом, кто он на самом деле и кто его родители? Белинский признался, что настоящий его отец Луба.

Лев Сапега тем временем скончался, и бывший царевич остался без средств к существованию. Он определился на службу к пану Осовскому, потом перешел писарем к пану Осинскому и жил у него в Бресте.

В 1644 году, когда русские послы проезжали через Брест, направляясь в Польшу, игумен Афанасий рассказал им о русском царевиче. Московские послы при встрече с сенаторами стали укорять их за то, что они держат при себе человека, который замышляет зло против России. Подобные настойчивые обвинения заставили короля выдать Лубу московскому правительству, но при этом король все же просил простить его, как невинного человека.

В то время, как Луба находился под следствием в Москве, умер царь Михаил Федорович. Дело осложнилось и тем, что архимандрит Амфилохий прислал из Стамбула копию письма к султану, написанного на украинском наречии человеком, который называл себя царевичем Иваном Дмитриевичем. Чиновники, занимающиеся делом Лубы, заподозрили, что именно он послал это письмо, и только заступничество польского посла спасло мнимого царевича от казни. Новый царь Алексей Михайлович все же приказал отпустить Лубу с тем, что король и сенаторы поручатся за него, что он не будет иметь никаких притязаний на Московское государство и не станет называться царским именем.

Как кажется, после этих злоключений Луба ушел в священники, и имя его никогда больше не появлялось в исторических документах.

ваясь от Богдана Хмельницкого выдачи Акундинова, не считало его опасным государственным преступником. В царской грамоте, посланной гетману, по поводу самозванства говорилось следующее:

«И будет он, Тимошка, от того своего воровства отстанет и к нам, великому государю, вину свою принесет, только мы, великий государь, несмотря на его непристойные враки, для его гетманова челобитья пожаловали, велели его принять, и он бы на нашу государскую милость был надежен и ехал в Путивль без всякого сомнения»¹.

Но уже через год-полтора отношение к Акундинову резко изменилось. Русское правительство заняло непримиримую и враждебную позицию, и о прощении уже не могло идти и речи.

Стоит заметить, что одновременно с Акундиновым в Польше, в Крыму и Турции появлялись многие подозрительные личности, выдававшие себя за потомков русских царей. Но ни одного из них не преследовали с такой неумолимой настойчивостью, как Тимошку.

Можно ли все это объяснить некой непоследовательностью и противоречиями в действиях русского правительства?

Скорее всего, дело заключается в другом. Действия русского правительства были последовательными и целенаправленными, но «расспросные речи» Тимошки и протоколы его допросов вряд ли дошли до нас в полном виде. Олеарий упомянул о том, что Акундинова дополнительно допрашивали относительно «некоторых пунктов». Видимо, в этих пунктах и была заключена главная тайна и главное политическое преступление самозванца. Но он не пожелал их раскрывать, унеся с

---

¹ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, акт № 308, с. 425. СПб., 1861.

собой в могилу и тайну своего происхождения, и тайну своих подлинных походов. Некоторые подробности их совместных походов мог раскрыть на следствии Константин Конюховский, товарищ Акундинова. Но протоколы его допроса исчезли из архивов.

Возможно ли теперь, хотя бы в малой степени, восстановить истинные детали жизни и деятельности этого загадочного самозванца? Я полагаю, что не на все, но на некоторые вопросы все же можно ответить.

3

САМОЗВАНЕЦ, ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ПОКРОВИТЕЛИ

Соглашаясь с правительственной версией о том, что Тимошка был сыном незнатных родителей, невозможно не обратить внимания на одну примечательную деталь. Женой Акундинова была внучка архиепископа Вологодского Варлаама. Сведений об этом человеке сохранилось весьма мало, и мы не можем с уверенностью сказать, из какого сословия он происходил. Но можно предположить, что архиепископ Вологодский и Великопермский был знатного дворянского (если не боярского) рода, чем и объясняется его высокий сан и быстрое продвижение по церковной иерархической лестнице. Примеров тому, что подобных высот в то время на Руси достигали люди незнатные, практически нет. Один патриарх Никон сделал быструю карьеру, но здесь сказало расположение к нему царя Алексея Михайловича.

Если Варлаам происходил из аристократов, то мог ли он породниться с человеком из «подлого звания»? Учитывая кастовую замкнутость тогдашнего высшего русского общества, учитывая сословные представ-

ления о чести, следует полностью отвергнуть возможность подобного брака.

В том случае, если Варлаам был все же более скромного происхождения, то все равно его поступок вызывает определенное недоумение в силу следующих причин. После смерти патриарха Филарета (1633) Варлаам был одним из трех кандидатов на патриаршество. Следует знать, что патриарх Филарет Никитич, отец царя Михаила Федоровича, практически правил Россией. Притом правил твердо и энергично. И кандидатов в его преемники, видимо, выбирали из людей, обладавших знаниями, благочестием, государственным умом, видя в них будущего соправителя и помощника в политических делах Михаила Федоровича. Пусть Варлаам и не был избран пастырем российской паствы, но от этого он не утратил своих высоких качеств, своего большого авторитета. Такой человек с легкостью мог найти для своей внучки мужа из знатной семьи. Но он предпочел пусть и многообещающего, но скромного юношу из бедного сословия. За этим внешне странным шагом архиепископа Варлаама скрывается, как мне кажется, нечто значительное, косвенное подтверждение некой тайны рождения Тимошки. Возможно, что Варлаам знал об этом юноше гораздо больше, чем прочие. Не исключено, что он мог быть в числе тех, кому, по словам Тимошки, «отец приказал беречь его тем людям, которые ему впрямь служили, и они его вскормили».

В 1645 году Варлаам покинул архиепископство и ушел на покой в Великоустюжский Михаило-Архангельский монастырь, архимандритом которого он был до занятия архиепископской кафедры. Не исключено, что это удаление связано с розыском по делу Тимошки. Видимо, архиепископ Вологодский и Великопермский в свое время утаил от царских дьяков настолько важные сведения о своем воспитаннике, что это укрывательст-

во сочли тяжким преступлением. Скончался Варлаам, как считают некоторые историки, в 1652 году, немного не дожив до ста лет.

Есть и другое подтверждение того, что в происхождении Тимошки есть некая тайна. Олеарий упомянул, что в Москве Акундинова принял Иван Патрикеев, дьяк приказа «Новой четверти». Слово «дьяк» уже в XVIII века утратило свой изначальный смысл и стало обозначать мелкого служащего, занимающего должность писца или канцелярского работника в различных судебных и прочих департаментах. Примерно в таком же смысле оно понимается и в наше время. Но в XV—XVII веках это понятие распространялось на более высокие должности: дьяки подчинялись лишь судьям, и вместе с ними стояли во главе государственных учреждений — приказов, которых в стране насчитывалось в то время только тридцать три. В некоторых случаях дьяки сами руководили приказами, и именно к таким относился приказ Новой чети. Если учитывать, что приказ — это современное министерство по своим функциональным обязанностям и полномочиям, то Иван Патрикеев был весьма высокопоставленным чиновником государственного аппарата: министром по контролю деятельности питейных заведений всей России и сбору с них налогов. Возможно, в обязанности приказа входил и контроль за винокурением. Следовательно, Патрикеев был министром одной из самых доходных отраслей государственной деятельности и весьма влиятельным человеком в государстве.

Для нас важен вопрос и о сословной принадлежности Ивана Патрикеева.

Он происходил из хорошо известного в XVII веке дьяческого (т.е. крупных государственных чиновников) рода, основателем которого был дьяк Большого Дворца Патрикеев Насонов. Род этот дал стране несколько

поколений управленцев, которые числились среди московских дворян. Хотя и считалось в то время, что приказная служба умаляет достоинство дворянина (в отличие от военной или дворцовой), но представители этого рода дослуживались и до думных дьяков, или ближайших советников царя, что ставило их в один ряд с боярами. Были случаи, когда дьяки получали и окольниковство, и боярство, т.е. поднимались до аристократических верхов. В 1642 году Иван Патрикеев направляется в Данию в составе посольства, и это говорит о том, что он стал значительной фигурой среди государственной администрации.

Но нельзя полностью исключать и другую версию происхождения Патрикеевых. Они могли происходить и от знатного рода князей Патрикеевых, ведущих свое начало от великого князя Литовского Гедимина. Принято считать, что этот боярский род угас в начале XVI века, но существуют списки бояр 1706 года, где упоминаются носители этих фамилий. Мужские потомки этого же рода, имевшие индивидуальные прозвища, положили начало и другим княжеским фамилиям: Хованским, Щенятевым, Голицыным, Куракиным.

Таким образом, прямая мужская линия в этой фамилии вовсе не угасала. Поэтому не исключено, что покровитель Тимошки являлся представителем этого знатного княжеского рода, но обедневшего и утратившего свое бывшее значение из-за многочисленных опал и преследований во времена царствования Василия III и Ивана Грозного.

Но даже если и не принадлежал Иван Патрикеев к княжеской фамилии, а был всего лишь московским дворянином, занятие им важного государственного поста достаточно упрочило его положение. Едва ли такой человек обратил бы внимание на Акундинова и оказывал ему покровительство, если бы не особые качества или происхождение последнего.

ВОЗМОЖНЫЕ РОДИТЕЛИ АКУНДИНОВА

По многим письмам и высказываниям самозванца чувствуется, что он и сам не был до конца осведомлен о своих родителях. Иногда он называет себя сыном царя Василия Шуйского, иногда внуком и даже сыном дочери Шуйского. Но царь Василий не оставил после себя детей. Может быть, его отец или мать были внебрачные дети царя?

Царь Борис Годунов запретил жениться Василию Шуйскому и его братьям, опасаясь их как возможных претендентов на престол и желая таким способом пресечь ненавистный ему род. Женился Василий Иванович уже после того, как был избран царем, в 1608 году. Было ему уже под шестьдесят лет, и от этого позднего брака он имел двух дочерей, судьба которых неизвестна. Но значит ли это, что до своей женитьбы он жил в монашеском воздержании? Видимо, нет. Можно предположить, что его внебрачная дочь и была матерью Акундинова.

Сам Тимошка обходит этот вопрос молчанием в силу нескольких причин. Незаконнорожденные дети на Руси никогда не признавались родителями и не могли претендовать на родство с ними. Не могли они претендовать и на фамилию и сословное положение. Поэтому, признай Тимошка незаконное происхождение своей матери или отца, он потерял бы и саму возможность серьезно заявлять о себе как о князе Шуйском. Поэтому он всячески уклонялся от конкретного ответа на этот вопрос.

Умному и сообразительному Тимошке не составляло особого труда сочинить и твердо отстаивать одну

определенную версию своего происхождения. И то, что он эту версию не сочинил, а высказывался несколько противоречиво, свидетельствует не столько о самозванстве, но и некоторой внутренней неуверенности. Возможно, что Тимошка и сам не знал всю правду о своих родителях. Родился он в годы смуты, когда в стране свирепствовали поляки, казаки, многочисленные самозванцы, уничтожавшие своих врагов и конкурентов. Поэтому дети Василия Ивановича Шуйского, ради сохранения своей жизни, должны были хранить строжайшее молчание. Опасно было открывать им свое имя и после воцарения царя Михаила — их сочли бы новыми соискателями престола и немедленно казнили бы. Мать Тимошки, по его словам, умерла рано, возможно, так и не открыв ему тайну своего происхождения, и он впоследствии сам искал следы своего родства с Василием Ивановичем Шуйским.

Относительно сословного происхождения Акундинова можно высказать следующее соображение. В декабре 1640 года последовал царский указ о порядке приема в приказные служащие:

«Лета 7149 декабря в 7 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича указу память дьяком Ивану Гавреневу да Григорью Ларионову. Государь царь и великий князь Михайло Федорович всея Руси указал во все приказы послать памяти, чтобы поповых и дьяконовых детей и гостиныя и суконныя сотни торговых и черных посадских всяких и пашенных людей и их детей в подьячие не принимали»¹.

После этого указа началось отчисление разночинцев из государственных учреждений и замена их исключительно дворянами. Следовательно, если бы Акун-

---

¹ Исторические записки. Академия наук СССР. Том 1, с. 221. М., 1937.

динов был из семьи мелких торговцев, как это значилось в официальных грамотах о нем, то он неминуемо должен был уйти со службы. Но, поскольку он остался в подьячих, это значит, что он подтвердил свое если и не аристократическое, то, по крайней мере, дворянское звание.

Находившийся в середине XVII века в Москве Иоганн де Родес, сын выходца из Брабанта, поверенный по торговым делам при шведском посольстве, пристально следил за политическими событиями в России. Проявил он интерес и к деятельности и похождениям Акундинова. В одном из своих донесений королеве Христине (от 11 декабря 1651 г.) он приводит слухи, которые ходили в Москве относительно происхождения самозванца:

«...о роде Шуйских я осведомился в очень достаточной степени, но, сколько ни трудился, — не мог открыть, чтобы из этого рода кто-либо еще остался, а менее всего — чтобы кто-нибудь из них проживал в чужих краях. Я, напротив, узнал, что он (Тимошка) незаконный сын одного дьяка по имени Ивана Исааковича Патрикеева и одной простой женщины, и что он, несомненно, 8 лет тому назад был писцом в Новой Четверти, с каковой должности он должен был бежать из-за воровства и других мошенничеств...»¹

Обратим внимание и на то, что Акундинов называл себя сыном наместника Великопермского. Действительно, в то время такое наместничество существовало и наместниками некоторое время назначались князья Великопермские.

Относительно этой княжеской фамилии сведений сохранилось мало. Одно время считалось, что эти

---

¹ Сборник Новгородского общества любителей древности. Выпуск VII. Арсеньевские бумаги, документ LXII. Новгород, 1915.

князя происходили из аристократической верхушки («князьков», «сотников») местного населения, коми-пермяков. После присоединения Перми Великой к Московскому княжеству местные племенные вожди крестились и впоследствии ставились наместниками этих территорий.

В 1927 году писатель и краевед П.Г. Доронин обнаружил в Усть-Выми рукописную книгу, которая содержала небольшую, но весьма ценную провинциальную летопись, созданную на рубеже XVI—XVII веков. Она получила название Вычегодско-Вымской и была опубликована в 1958 году. В этой летописи содержалась следующая запись за 1451 год:

«Лета 6959 прислал князь великий Василий Васильевич на Пермскую землю наместника от роду верейских князей Ермолая да за ним Ермолаем да за сыном ево Василием правити Пермской землей Вычегоцкою. А старшего сына тово Ермолая, Михаила Ермолича, отпустил на Великая Пермь на Чердыню. А ведати им волости вычегоцкие по грамоте наказной по уставной».

Эта запись дала повод отнести князей Великопермских к русским князьям, ведущим свое происхождение от Рюрика.

Но, в любом случае, пребывание князей Великопермских в звании наместников было относительно недолгим. Ермолай с Василием, получив назначение в отдаленный край, стали именоваться князьями Вымскими, а Михаил — князем Великопермским. Василий погиб в 1480 году, а его брат, князь Михаил, — в 1481-м при нападении вогулов на Пермь Великую.

Следующим правителем Прикамья стал Матвей Михайлович Великопермский. Во время его правления пермские ратники участвовали в походе московских полков на Пелым и Югру (1483), на Вятку (1489), на Печору (1499) и вновь на Пелым (1500).

Весной 1505 князь Матвей попал в немилость, и Иван III «свел с Великие Перми вотчича своево князя Матфея и родню и братию ево». Причина опалы не известна. Вместо Матвея в Пермь Великую был прислан наместник князь В.А. Ковров, «первый от русских князей».

Сведенный князь Матвей и его родичи были поселены в центральных уездах Московского княжества. На этом связь князей Великопермских с Пермской землей прерывается, и впоследствии они никогда не назначались наместниками в эти края. В дальнейшем представители этого рода превратились в мелких помещиков, особыми способностями не блистали и весьма редко упоминались в исторических документах.

После 1505 года наместники Перми Великой назначались из Москвы и проживали в главном городе края, Чердыни. Менялись они довольно часто — через год или два, но имена их большей частью не сохранились. В документах упоминаются лишь некоторые из них. Так, например, за период с 1600 по 1630 год наместниками были: Григорий Иевлев, Андрей Васильевич Безобразов, князь Семен Юрьевич Вяземский, Федор Петрович Акинфов, Иван Иванович Чемоданов, Гаврила Васильевич Лодыгин, Василий Бутурлин, князь Петр Клубков-Мосальский.

Трудно сказать, на родство с которыми из этих людей намекал Акундинов. Поэтому вряд ли бы их стоило вспоминать, если бы не одна любопытная деталь. В первых грамотах, которые царь Михаил Федорович посылал в Польшу с просьбой о выдаче беглого подьячего, тот был назван Тимошкой Окишевым. Вот на эту фамилию — скорее родовое прозвище — и стоит обратить внимание. В коми-пермяцком языке есть синоним русскому слову «князь» — «окс». В русской ономастике известна фамилия, которая является производной

от слова «окс» — Оксенов, или Аксенов, т.е. Князев. Как кажется, и в фамилии *Окишев* присутствует тот же корень «окс», несколько искаженный в силу особенностей местного пермского произношения. В дальнейшем фамилия *Окишев* очень быстро исчезает из царских грамот, и Тимошку начинают величать только Акундиновым.

Но если Тимошка носил родовое прозвище *Окишев*, не значит ли это, что он и в самом деле принадлежал к потомкам князей Великопермских? Пусть эти князья и утратили свое было значение и обеднели, но их потомки могли с определенной гордостью указывать на свое знатное происхождение. Именно это и делал Тимошка. Возможно, чтобы не подчеркивать лишний раз его княжеское происхождение, московское правительство приняло решение именовать его не *Окишевым*, а по имени приемного отца — *Акундиновым*.

В том же году, когда архиепископ Варлаам подвергся опале, следует еще одно царское распоряжение. 21 декабря 1645 года воевода Верхотурья М.Ф. Стрешнев получил из Москвы грамоту, в которой указывалось ему отпустить в столицу проживавшего в городе опального князя Матвея Великопермского. Получив одну «подводку», князь Матвей незамедлительно двинулся в путь, а 18 февраля 1646 года уже явился в Сибирский приказ.

Известно, что князь Матвей на Верхотурье был сослан в 1641-м с указом следить за ним, дабы он не убежал к калмыкам, и содержать его на три копейки в день. Видимо, заподозрен был Матвей Федорович в отсутствии преданности новой царствующей династии, поскольку верхотурский воевода князь Н.Ф. Мещерский обозвал его как-то «вором и изменником». Впрочем, потомок князей Великопермских счел это страшным оскорблением и не побоялся подать на Мещерского челобитную.

Как встретили князя Великопермского в Москве и какова была его дальнейшая судьба, сказать с уверенностью невозможно. В архивах не сохранилось каких-либо сведений на этот счет. Также неизвестна и подлинная причина его опалы. Можно лишь сделать предположение, что он подвергся в Москве допросу в связи с делом Тимошки, который неоднократно утверждал, что его подлинным отцом являлся наместник Великопермский. Если допустить, что в словах Акундинова есть некоторая доля правды, то именно князь Матвей и мог быть его подлинным отцом.

Но что заставило его скрывать своего сына и даже отдать на воспитание чужим людям? Может быть, то, что Тимофей был его незаконным сыном? Или все же причины были серьезней и глубже? Предположим, князь Матвей был женат на одной из дочерей царя Василия Шуйского от его первого брака...

Но к этой версии мы вернемся позднее.

5

ПЫТКА

Олеария поразило, что во время пытки Тимошка «вел себя крайне упрямо» и ни в чем не сознался. Но это упорство в какой-то мере говорит в пользу Акундинова — он до конца отстаивал свое право называться Шуйским.

Но в то же время в официальных документах мы не находим следов этого упрямства — Тимошка признал свое самозванство. Так кому же верить?

В наших исторических архивах сохранились «точные» и «расспросные» речи Тимошки Акундинова. Попробуем еще раз вчитаться в них:

«... государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси сказал вора Тимошку Анкидинова спрашивать и пытаться. А у пытки быти боярам всем.

И того же дни бояре все у земского приказа в застенке вора Тимошку спрашивали какова человека он сын и для чего он государевым сыном именем с Москвы сбежал в Литву, и про ту его измену кто ведал, с кем он о том советовался, и кто его отпускал и детей он своих оставил? И будучи в чужих государствах для чего таким непристойным имянован — Шуйским князем назывался? И какие он блаженные памяти великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси и царя Василия Ивановича всея Руси грамоты за печатями у себя сказывал и где ныне те грамоты?

И вор Тимошка сперва молчал долго. И учал говорить: вину, де, он свою к государю приносит и объявляет, что он человек убогой, а отец его и мать же... потому, что остался мал.

(В этом месте пропуск текста объясняется повреждением и утратой нижней части листа №7. Обращаясь к историку С.М. Соловьеву, находим, что утраченное место он прочитал как «а отец мой и мать какие люди, того не упомяну, потому что остался мал».)

И как де с молодых лет жил у архиепископа Вологодского Варлаама, и архиепископ де видя его ум называл его княжеским рождением и царевую палатую. И от этого де прозвания в мысль его вложилось, будто он впрямь честного человека сын.

А после де того учал он проживать у дьяка Ивана Патрикеева и сидел в новой чети в подьячих. И был ему Иван Патрикеев друг большой и оберегатель, и с ним, Тимошкою, о всем советовал, и беды ему, Тимошке, сказывал. И ево Тимошкино умышление все ведал. И как над Иваном Патрикеевым беда учинилась и он де Тимошка от ево Ивановы беды учал тужить, и от стра-

ху с Москвы сбежал в Литву. И в Литве де он будучи назывался Иваном Каразейским. А про побег ево дьяк Иван Патрикеев ведал.

И как де некоторые государевы людем учили ево, Тимошку, уличать и называть дьяка Ивана Патрекеева холопом и убийцем, будто он брата своего убил, и ведал де про то архиепископ Вологодский Варлаам и дьяк Иван Патрекеев, прислали об нем в Литву свидетельственное письмо, что он Тимошка не холоп Ивана, но и лутче ево, Ивана, и брата своего он, Тимошка, не убивал.

И Тимошка допрашиван: с кем к нему такое письмо в Литву прислано?

И вор Тимошка сказал: прислано де к нему с киевлянином с Романом Краво.

И Тимошка роспрашиван, хто ево Шуйским князем называться научил?

И Тимошка сказал: научил де его называться Шуйским князем отец его Демка.

(В первом неполном списке эта строка читается несколько иначе: «научил де ево называца Шуйским князем мнимой отец ево Демко».)

И туто ж привожена вора Тимошкина мать, старица Стефанида. И, смотря на Тимошку, говорила, что он ее сын.

И Тимошка против того не говорил ничего долго, тое старицу спросил, как ее зовут.

И старица сказала: звали де ее в мире Соломонидкою, а ныне, во иночех, Стефанида.

И вор Тимошка говорил: та де старица ему не мать, матери ево сестра родная, а была де до него добра, вместо матери.

И старица спрашивается, хто у ней муж был. А в роспросе сказала, что у ней муж был Демко, а его Тимошки отец. Торговал же сперва холстами, а после жил у

архиепископа у Варлаама. А он де вор Тимошка родился у ней на Вологде в королевичев приход по Москву¹, и ему ныне 36 лет.

Да с Тимошкою на очную ставку ставлен был Иван Песков. И Тимошку уличал, что он вор Тимошка Демкинов сын, холщевника, а та де старица ево Тимошкина мать.

И вор Тимошка сказал, что он Ивана Пескова знает. Сперва он Иван был ему Тимошке друг большой, а после учинился недругом.

Да он же вор Тимошка говорил: про того де он Ивана Пескова и про дьяка Ивана Байбакова расскажет подробну. И больше того про то не говорил ничего.

Да с ним вором Тимошкою ставлен с очи на очи Костка Конюхов, которого он вор называл человеком своим. И чтены ему Костке первые речи ево роспросные и пыточные речи. И Костка говорил про нево Тимошку во всем против первых своих роспросных речей.

И вор Тимошка молвил, что он детей своих у Ивана Пескова не оставливал, а оставил у швеи. И болше того не говорил ничего.

Тимошка ж роспрашиван: сказывал он у себя грамоты блаженные памяти великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси и царя Василия Ивановича всея Руси за печатями, и нынче у него где те грамоты?

И вор Тимошка про те грамоты, где они, не сказал ничего. А говорил, что он то даст на письме иным временем.

---

¹ Польский королевич Владислав подошел к стенам Москвы в конце 1618 года. После неудачного приступа снял осаду и заключил в деревне Деулино мир на 14,5 лет. Несколько ниже приведены слова старицы Стефаниды, которая сказала, что Тимошке 36 лет. Следовательно, он родился в 1617 году.

И вор Тимошка у пытки роспрашиван про все вышписанные статьи накрепко. А говорил, что у него иных никаких речей кроме того нет.

И Тимошка пытан, было ему 4 удара. А с пытки говорил, чтоб ему дали чернила да бумагу и он подробно все напишет своею рукою. И чернила и бумагу ему давали, и он вор отговорился, что он вор после пытки писать не сможет и ничаво не писал»¹.

Надо полагать, что этот документ не является подлинными «расспросными речами» Акундинова, а есть их краткое изложение, подготовленное для ознакомления с ними официальных лиц (не исключено, что и иностранных посольств). Не потому ли в них опущены весьма интересные подробности пребывания Тимошки в различных странах? Но даже в таком виде в этом документе сохранилось много любопытной информации.

После бегства Акундинова в Польшу, по его словам, «московские люди» пытались обвинить его в убийстве родного брата и выдать его за беглого холопа Патрикеева. Стоит обратить внимание на то, что в это время Тимошку еще не обвиняли в похищении двухсот рублей из государственной казны. И даже не приписывали преднамеренного сожжения своего дома с женой и детьми. Эти обвинения появились позднее, как вторая версия преступлений Акундинова, после того, как неизменно доброжелательные к нему архиепископ Варлаам и дьяк Патрикеев своим письмом в Польшу развеяли нелепые первые обвинения.

Поэтому весьма сомнительно выглядит и вторая версия о преступлениях Тимошки. Похоже, что его настойчиво пытались представить уголовным преступником, чтобы верней скрыть многие политические тайны,

---

¹ ЦГАДА, ф. 141, оп.1, ед. хран. 105 (1653 год) «Пыточные и расспросные речи вора и изменника Тимошки Акундинова, который назывался Шуйским князем», лист 1—13.

к которым Тимошка был причастен. Олеарий упомянул о том, что царь Алексей Михайлович повелел на пытке Тимошки быть всем боярам. И эта деталь заставляет несколько иначе взглянуть на преступления Тимошки: неужели обыкновенный уголовник был достоин того, чтобы на его пытке присутствовала вся московская высшая администрация? Конечно же, нет!

Следует обратить внимание еще на одну важную деталь. В отличие от предположения Олеария, архиепископ Варлаам был еще жив после бегства Тимошки в Польшу и занимал все тот же церковный пост. Нелепо предполагать, что архиепископ стал бы защищать и переписываться с человеком, подозреваемым в том, что он сжег свою жену и детей. А бедная женщина, сгоревшая в огне, к тому же приходилась внучкой архиепископу!

Видимо, Патрикеев и Варлаам были уверены в невиновности Тимошки, поэтому и написали в Польшу оправдательное письмо. Но это послание подтверждает и другую версию — о знатном происхождении как Патрикеева, так и Варлаама. В противном случае это письмо едва ли оказало какую-либо ощутимую помощь в ограждении Акундинова от уголовных подозрений и судебных преследований.

В 1645 году архиепископ Варлаам был отстранен от своей должности. Это похоже на опалу. Уж не письмо ли в Польшу тому причина? Значит, содержалась в нем какая-то нежелательная для разглашения информация. Из «распросных речей» следует, что Варлаам подтвердил некое высокородное происхождение Тимошки. Но какое?..

Олеарий, не сомневаясь в самозванстве Тимошки, тем не менее, приводит в своей книге любопытные подробности его допроса. Во-первых, это отказ разговаривать с кем-либо из бояр, кроме Никиты Ивановича Романова.

И вторая его дерзость — желание пить из серебряного сосуда. И все эти желания Тимошки были беспрекословно выполнены! Странно выглядит подобное почтительное отношение к человеку, которого в официальных грамотах постоянно называли «самого простовачину и худыя природы воришко».

Можно, конечно же, сослаться на почти библейскую и наивную простоту нравов тогдашней России и этим объяснить подобное отношение к злодею. Но трудно понять, почему весь государственный совет обширнейшей державы присутствует на дознании мелкого уголовного типа и почему все родовитейшие мужи России молча сносят глумливые прихоти этого преступника. Когда Тимошка с непонятной самоуверенностью заявляет первым лицам государства, что он не почитает никого из них и требует себе в судьи других, то можно увидеть в этом всего лишь дерзкий кураж обреченного человека. Но как объяснить поведение бояр, которые вместо того, чтобы кнутом унять эту дерзость, торопливо исполняют наглое требование преступника?

Вывод из подобного поведения московских бояр может быть только один — не был Тимошка ни «самой худой природы воришко», ни наглым обманщиком, ни уголовным преступником. И московской знати, присутствующей на дознании, это было известно. Не исключено, что они даже не сомневались в его родстве с Шуйским. Во всяком случае, они видели в нем равного себе по происхождению человека. Но тогда за что же его преследовали?

Происходя из рода Шуйских, пусть и по матери, Тимошка мог быть весьма серьезным претендентом на российский трон. Страна еще не полностью успокоилась после кровавых событий Смутного времени, еще живы были в памяти бояр быстрые смещения и смерти царей, и это вносило в их мысли определенное анархи-

ческое буйство и поддерживало уверенность в том, что вместо Романовых можно с такой же легкостью поставить на царство и других людей. Пресекая эти попытки вновь поколебать государственное устройство, первые Романовы иногда с неоправданной жестокостью расправлялись со своими возможными соперниками. Так, при Михаиле Федоровиче умерла в заточении при невыясненных обстоятельствах Марина Мнишек, коронованная русская царица, а ее малолетний сын, «воренок» Иван, был казнен.

Обвинения против Акундинова и его смерть, видимо, имеют ту же причину — очернить и убрать еще одного соискателя русского престола. В отличие от поляка Ивана Лубы, Акундинов мог быть более серьезным претендентом из-за своего исконно русского и высокородного происхождения. Поэтому он и был казнен в назидание шатким в мыслях и поступках московским боярам и тем заграничным государям, которые имели намерения затеять интриги с новым претендентом на российский трон.

Согласившись с подобным предположением, мы можем легко объяснить все доселе необъяснимые эпизоды жизни Тимошки: и внезапное его бегство из Москвы, и упорное преследование его московским правительством, и покровительство высокопоставленных людей, и присутствие на его пытке всех бояр (дабы видели его страдания и впредь страшились поддерживать подобных людей!).

Это предположение объясняет и то, что на очной ставке он не узнал свою родную мать. Многие историки видят в этом эпизоде подтверждение того, что Тимошка был всего лишь гнусным негодяем, настолько погрязшем во лжи, что уже не имел в душе ничего человеческого. Поэтому он с легкостью отказался от матери.

Но это не так. Скорее всего, семья Дементия Акудинова лишь некоторое время скрывала таинственного ребенка, едва ли догадываясь о его подлинном происхождении. Потом он был доверен на воспитание другим людям, и единственное, что его связывало с семьей бедных торговцев, так это фамилия и смутные воспоминания детства. Свою приемную мать он не видел более десяти лет (по крайней мере, с 1642 по 1653 г.), поэтому нет ничего удивительного в том, что он не сразу узнал ее. Тем более что она не только постарела, но и была в монашеском платье. Эта встреча, впоследствии неправильно истолкованная историками, и дала им повод с пафосом и негодованием осуждать «вора Тимошку» за его поразительный цинизм в поступках.

6

ИСТОРИЯ РОДА ШУЙСКИХ

Чтобы в дальнейшем были более понятны некоторые высказывания Тимошки относительно своего происхождения, следует кратко познакомиться с историей рода князей Шуйских.

Великие московские князья род свой вели от легендарного Рюрика. Но подлинным основателем династии все же считался один из знаменитейших Рюриковичей, князь Александр Невский.

Князья Шуйские также были потомственными Рюриковичами, но их род продолжался от младшего брата Невского, Андрея, и тем самым их родовитость по сравнению с московскими князьями считалась несколько меньшей.

Следует сказать, что до сих пор не выяснено окончательно, кто же был старшим — Александр или Анд-

рей? Карамзин считал старшим братом Андрея, к тому же Андрей раньше Александра стал великим Владимирским князем, что давало его потомкам значительные преимущества перед московскими князьями в династических спорах.

После того, как московские князья собрали русские княжества в единое государство и стали практически монархами (пока еще не меняя своего великокняжеского титула), изменился и статус удельных князей Шуйских. Теперь они, употребляя европейские термины, стали принцами крови, т.е. персонами, имеющими права на великокняжеский престол в случае пресечения правящей династии. И это право Шуйских никогда не оспаривалось на Руси.

Во время татарского владычества князь Михаил, сын князя Андрея, женился в Орде, взяв в жены монголку (1305 г.), и тем самым породнился с чингизидами. Спустя двести лет Шуйские вновь родятся с татарами. Василий Васильевич Шуйский женился на Анастасии, дочери крещеного татарского царевича Петра (Кудайкула) Ибреимовича. Матерью невесты была Евдокия, дочь Ивана III (деда Ивана Грозного).

Еще один Шуйский, Александр, был женат на дочери великого князя Василия Дмитриевича (сына Дмитрия Донского). Таким образом, Шуйские дважды породнились с московскими великими князьями и тем самым основательно упрочили свое династическое положение. Но именно это обстоятельство стало для рода Шуйских роковым и заставило их испытать многие превратности судьбы.

К концу XVI века старшая ветвь рода князей Шуйских была представлена тремя семьями, состоявшими в близком родстве друг с другом. Наиболее видными представителями этих семей были: Иван Петрович, Иван Андреевич и Василий Федорович. Еще несколь-

ко семей пресекалось во время опричных зверств, когда Иван Грозный безжалостно истреблял целые боярские и княжеские фамилии.

Иван Андреевич, знаменитый воевода, погиб в 1572 году в бою при нашествии крымского хана Девлет-Гирея, оставив после себя пятерых сыновей: Андрея, Василия, Дмитрия, Александра и Ивана. Братья служили при Грозном и его сыне Федоре.

Борис Годунов, ближайший родственник царя Федора (царица Ирина приходилась сестрой Годунову), предвидя скорую смерть слабого здоровьем и умом монарха, стал оттеснять и преследовать возможных претендентов на престол, рассчитывая занять его сам. Прежде всего, погиб при загадочных обстоятельствах последний сын Грозного, Дмитрий. Умерли, или были отравлены два сына царя Симеона Бекбулатовича. Хотя и представляют этого царя бутафорской фигурой при Грозном, но все же он считался государем всея Руси, и его сыновья, в силу династических законов, имели вполне серьезные права на российский трон.

Обрушились репрессии и на Шуйских. Воевода Иван Петрович, спасший Псков от захвата его поляками, был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь, пострижен в монахи, а затем и удушен дымом 16 ноября 1588 года.

В это же время были разосланы по своим деревням и все пять сыновей Ивана Андреевича. Но этим Годунов не ограничился и заточил их в тюрьмы. Андрей был сослан в Буйгород, где его и убили, как наиболее опасного врага Годунова и наиболее реального претендента на престол. Василия и Александра отправили в Галич, Дмитрия и Ивана в Шую.

В 1591 г. опала прекратилась, и Шуйские были возвращены в Москву. Василий и Дмитрий вновь заняли свои места в Боярской думе. Годунов, видимо, посчи-

тал, что напуганные жестокой расправой над родственниками оставшиеся в живых Шуйские будут послушны его воле. К тому же хотелось ему представителям самых знатных родов на Руси обратить из врагов в друзей. Что и удалось, по крайней мере внешне. Когда Борис Годунов после смерти Федора занял престол, Шуйские не посмели протестовать, хотя к тому времени все четыре брата состояли в Боярской Думе. И все семь лет царствования Годунова они верно служили ему.

В этот период опала не коснулась лишь третьей семьи, Василия Федоровича Скопина-Шуйского.

Но, возвысив внешне четырех братьев Шуйских, Годунов с прежней подозрительностью относился к ним. Во время опалы у Василия Ивановича умерла жена Елена Михайловна Репнина-Оболенская (некоторые историки считают, что он развелся с ней или был насильно разведен), и Годунов запретил ему вновь жениться, стремясь полностью пресечь опасный для него род. Василий прожил вдовцом до 1608 года.

Проявили Шуйские строптивость лишь при воцарении самозванца, отказываясь признать в нем подлинного сына Ивана Грозного. За это Василий Иванович был осужден на казнь, и уже лежал головой на плахе, но был помилован в последний миг.

Но пережитый ужас смерти не остановил Василия Ивановича, и в скором времени он организовал боярский заговор, в результате которого Лжедмитрий был убит, а он сам был провозглашен царем.

Впоследствии историки обвинят Василия Ивановича в том, что он стал царем в результате обмана. Обман этот заключался в следующем: в первые дни после убийства Лжедмитрия, когда все москвичи находились в великом смятении, подкупленные якобы Шуйским люди появились на Красной площади и стали «выкрикивать» его в цари. Толпа, не успевшая разобрать-

ся в происходящем, к тому же состоящая большей частью из холопов и слуг Василия Ивановича и его братьев, поддержала их. Так, минуя Земский Собор, Василий Иванович провозгласил себя царем.

Но не будем забывать, что в те дни не было лучшей кандидатуры на престол. Василий Иванович проявил себя как патриот и ревнитель старины, стремившийся уберечь русский народ от принятия чужого (хотя бы по духу) царя, чужой веры и культуры. А все это нес с собой Ажедмитрий, и это не видел разве что слепой. К тому же обладал Василий Иванович немалым мужеством и присутствием духа: в то время, как все москвичи с единодушным восторгом приняли самозванца, он не побоялся обличать его и не признавать сыном Грозного. Что касается Земского Собора, на котором должны были признать избрание Шуйского в цари, то в созыве его видится пустая, хотя и торжественная, формальность. Боярская дума признала Василия Ивановича своим вождем в борьбе с самозванцем и, вне всякого сомнения, поддержала бы его и на Земском Соборе. Знатность рода, личное мужество, первенство в Боярской думе — все это выдвигало его в первые фигуры при династических спорах. Бояре Романовы — а они даже не были княжеского рода — безусловно, проигрывали в этом Шуйскому. Единственное их достоинство заключалось в том, что шестьдесят лет назад (в 1547 г.) Иван Грозный женился на девице из их рода. Вся страна признавала превосходство Шуйского, поэтому и не было и не могло быть никаких волнений при его «обманном» воцарении.

Недовольство началось несколько позднее, когда новый царь не сумел обуздать анархию внутри государства, не смирил толпы разгульных казаков и инородцев и не сумел остановить польскую интервенцию. Но уместно ли это ставить ему в вину? Россия была настолько взбудоражена сменой царей, внешними и внутренни-

ми интригами, увлечена миражом каких-то небывалых вольностей, что просто не могла удержаться в равновесии. Выше человеческих сил было остановить надвигающийся на Россию разрушительный хаос.

Царствование Василия Ивановича было неудачным и несчастливым не в силу его личных качеств или отсутствия силы воли и трезвого ума. Обстоятельства оказались сильнее его.

В начале 1608 года, после взятия мятежной Тулы и относительного успокоения страны, Василий Иванович женился на княжне Марии Петровне Буйносовой-Ростовской. От этого брака родились две дочери, Анна и Анастасия, судьба которых не известна¹.

---

¹ О дочерях Шуйского упоминает в своих записках архиепископ Элассонский Арсений, служивший архиепископом в Кремлевском Архангельском соборе. Журнал «Историческая библиотека», № 8, 9, 1879.

Гробница Анастасии Шуйской сохранилась в Покровском девичьем монастыре в Суздале, в котором царевна находилась с матерью, царицей Марией, после низвержения царя Василия с престола. Там она, как считали до этого, и умерла. В 1934 году гробница была обследована, но в каменном гробике детских останков не оказалось: там была найдена всего лишь тряпичная кукла в истлевшей одежде из шелковых тканей, завернутая в дорогую материю, перетянутую пояском с кистями. Значит ли это, что смерть царевны Анастасии была инсценирована? Но с какой целью?

Несколько позднее реставраторы определили, что рубашечка из захоронения была пошита на мальчика. Это дало повод некоторым историкам предположить, что могила связана с Соломонией Сабуровой, первой женой царя Василия III. В то время по стране ходили слухи, что постриженная в монахини царица родила в монастыре сына Георгия, законного наследника престола. Когда началось следствие, Соломония и ее окружение для сокрытия обмана имитировали смерть и захоронение царевича.

Единственная деталь, дающая повод к подобной версии, — мальчишеская рубашечка в ложном захоронении. Если предположить, что реставраторы ошиблись и одежда все же сшита на девочку, то тем самым мы вновь возвращаемся к Василию Шуйскому и его дочерям. Похоже, что принцесс все же вывезли из монастыря и где-то скрыли.

В 1610 году, после того как поляки подошли к Москве, Шуйский был свергнут с престола и заточен в монастырь. Вскоре Василий, Дмитрий и Иван были выданы польскому гетману Жолкевскому, и увезены им в Польшу, как свидетельство полной победы над Московским государством. Вместе с Дмитрием была отправлена в Польшу и его жена Мария Григорьевна, дочь Малюты Скуратова, печально известного опричника, кровавого приспешника царя Ивана Грозного. Возможно, она сама согласилась следовать за мужем в польский плен и разделить с ним печальную участь. Царь Василий и его брат Иван были отправлены без жен.

Выдача царской семьи врагам — одна из самых малопривлекательных и постыдных страниц Смутного времени. Царь был символом страны, и символом не только государственным, но и религиозным — он был помазанником Божьим. И хотя этот символ был осуждаем всеми и не пользовался всеобщим уважением, выдача его является безнравственной и подлой. В этом поступке московских людей — а именно они одобрили подобное решение! — много тупого животного равнодушия и к человеческим судьбам, и к государственной чести и достоинству.

Весьма примечательно, что через триста лет народ с таким же равнодушием отвернется и от семьи Романовых, чья династия унаследовала трон после Василия Шуйского.

Шуйские вначале были увезены под Смоленск, где находился в это время король Сигизмунд III, осаждавший город. Воля Василия Ивановича не была сломлена предательством собственного народа, и он вел себя при встрече с королем гордо, отказался поклониться ему и продолжал считать себя царем.

Через год Смоленск сдался полякам, и король Сигизмунд вернулся в Польшу, увозя в качестве военного

трофея и семью Шуйских. Пленников показали народу, представили сейму, подтверждая этим необыкновенную славу польского оружия. После того, как торжества по случаю победы над Россией закончились, пленников увезли в Гостынский замок, назначенный местом их заключения.

В следующем, 1612 году Сигизмунд с незначительными силами вновь двинулся к Москве, имея намерение оказать помощь осажденным полякам. В августе он появился под стенами столицы, но успеха не имел и был вынужден бесславно вернуться в Польшу.

После этого похода Шуйские неожиданно умирают. Василий Иванович умер 22 сентября, его брат Дмитрий — 27-го числа того же месяца, жена Дмитрия — 15 ноября 1612 года. В живых остался лишь младший брат — Иван.

Поляки утверждали, что Шуйские отравились с тоски, но в это трудно поверить, зная непреклонный и твердый характер Василия Ивановича. Не исключено, что это было убийство, предпринятое государственным советом Польши из политических соображений. Обвинять в их смерти короля Сигизмунда не приходится, поскольку всемогущие польские магнаты полностью ограничили его самостоятельную государственную деятельность.

Государственный совет Польши на это убийство могли подтолкнуть следующие соображения. Сформированное в конце 1611 года народное ополчение, которым руководили Пожарский и Минин, уже к лету 1612 года очистило большую часть Московского государства от поляков и мятежных казаков, восстанавливая относительный порядок и государственное устройство. Ополчение уже подошло к Москве, и был близок день окончательной победы, после которой неизбежно бы встал вопрос о восстановлении царской власти.

На Земском Соборе, созванном еще в Ярославле в самом начале формирования ополчения, нашлось немало сторонников возвращения на царствование царя Василия Ивановича. Для Польши, если бы она отказалась вернуть Шуйских, это грозило бы новой изнурительной войной. Но даже возвращение пленного царя не становилось гарантией мира: вряд ли бы простил Василий Иванович полякам свой плен и унижения. Неудача короля под Москвой показала, как опасно было вступать в новую войну с Россией.

Поэтому и было принято решение умертвить и Василия Ивановича, и его брата Дмитрия, как следующего реального кандидата на российский трон. Младший брат Иван, видимо, не представлял собой значительной политической фигуры и был оставлен в живых. Впоследствии он был освобожден из заточения и определен в свиту королевича Владислава, которому и служил до 1619 года.

В 1617 и 1618 годах королевич Владислав предпринял очередной большой поход на Москву. Осенью 1618 года он подступил к столице, но встретил мужественное сопротивление. К тому же, поляки нуждались в провианте, что и заставило их после неудачного приступа отойти к Троице-Сергиеву монастырю. Там в деревеньке Деулино и было заключено перемирие на 14 с половиной лет.

По условиям договора произошел и обмен пленными. Не известно, участвовал ли Иван Иванович Шуйский в этом походе, но после него вместе с Филаретом Романовичем, отцом царя Михаила Федоровича, он был отпущен в Россию.

В Москве Иван Иванович, имевший прозвище Пуговка, руководил Судным приказом (как и его брат Василий при Борисе Годунове). Умер он в 1638 году, не ос-

тавив, как официально утверждается, после себя потомства.

Как это ни странно, но и остальные братья Шуйские также не оставили после себя детей. Пресекались и остальные две линии этого рода.

Царица Мария Петровна, в инокинях Елена, супруга царя Василия Ивановича, приняла иноческий постриг в Московском Вознесенском девичьем монастыре и пребывала в Московском Ивановском монастыре, затем была переведена в Суздальский Покровский девичий монастырь, где и скончалась в июне 1626 года. Тело ее было перенесено в Москву и погребено в Вознесенском девичьем монастыре.

Умерла бывшая царица, не прожив и сорока лет (предположительно, ей было не более 35—36). Нельзя исключать и того, что Тимошка мог быть ее внебрачным ребенком, зачатым в иноческом звании. В этом случае вполне понятно его стремление вовсе не упоминать о своей матери и приписывать себе родство только с царем Василием Шуйским.

Тимошка мог быть и внуком Василия Шуйского, если согласиться с теми историками, которые считают, что первым браком Василий был женат на княжне Елене Михайловне Репниной-Оболенской. От этого брака он также имел двух дочерей, судьба которых не известна. Родились они, предположительно, в 80-е годы XVI века, и к 1618 году (рождение Тимошки) им было не более 30—35 лет. Одна из этих дочерей, выйдя замуж за князя Матвея Федоровича Великопермского, и могла стать матерью нашего героя. Впоследствии, из-за страха появления нового претендента на престол, царь Михаил Федорович начал преследование этих потомков царя Василия Шуйского и князя Великопермского.

Но вернемся к Василию Шуйскому.

После настойчивых просьб царя Михаила прах царя Василия был в 1635 году возвращен из Польши и торжественно погребен в Архангельском соборе Кремля, усыпальнице московских великих князей.

В этом шаге можно видеть не только заботу о государственной чести, но и желание помириться с многочисленными сановитыми родственниками угасшего княжеского рода. Тогда же прежнее отрицательное отношение к царю Василию Ивановичу и его государственной деятельности неожиданно пересматривается и появляются новые историко-литературные произведения — «Рукопись Филарета» и «Новый летописец», в которых давалась хвалебная и вполне заслуженная оценка деяний этого несчастного монарха.

В 1637 году московское посольство, прибывшее в Варшаву на свадьбу короля Владислава, заказывает «мастеру лицо царя Василия Ивановича». Портрет этот был выполнен неизвестным художником и увезен послами в Москву. Возможно, основой для написания этого портрета послужили портреты и зарисовки итальянского живописца Долабелло, который находился в Польше во время появления там Шуйских. Именно Долабелло запечатлел на большой картине представление братьев Шуйских польскому сейму. Как утверждали, картина эта написана с натуры. Но портреты русских пленников, если и рисовал их итальянский живописец, до нас не дошли.

Не совсем ясно, для чего нужно было иметь царю Михаилу «лицо царя Василия». Возможно, это было желание еще более восстановить доброе имя и память о своем предшественнике на троне и оставить потомкам его образ. Но можно сделать и другое предположение...

В 1639 году в Молдавии по тайному распоряжению господаря Василия был убит некто Семен Шуйский, а

голова его в мешке с солью была отправлена в Москву. Документы по этому делу до нас не дошли, и в письменных источниках сохранилось всего лишь несколько скупых упоминаний. Семена Шуйского называли самозванцем и предполагали, что он был убит по просьбе царя Михаила. Возможно, что вести об этом самозванце в течение нескольких лет доходили в Москву, и чтобы изобличить его обман, и потребовался портрет Василия Шуйского. Впоследствии Тимошка Акундинов назовет Семена своим братом.

7

**ОПАЛА ДЬЯКА ПАТРИКЕЕВА.
САМОЗВАНЕЦ В ПОЛЬШЕ И ТУРЦИИ.
ПИСЬМА, ДЕКЛАРАЦИИ, СТИХИ**

Не известно, что заставило Тимошку бежать в Польшу. Сам он весьма туманно объяснил на пытке свое решение тем, что какая-то беда постигла его московского покровителя дьяка Ивана Патрикеева, которая грозила и ему, что и заставило его бежать за границу.

Действительно, Ивана Патрикеева в 1642 году постигла опала за то, что он не справился с деликатным поручением. Царь Михаил Федорович сватал свою дочь Ирину за шлезвиг-голштинского принца Волмера-Христиана, но неудачно — принц предложение не принял. Послы и дьяки, выступавшие в роли неловких сватов, были отстранены от дел. Но сомнительно, чтобы опала Патрикеева вынудила Тимошку искать убежище в другом государстве.

Другой причиной бегства могли быть розыски по делу Семена Шуйского. Должно быть, со временем открылась какая-то связь между этим самозванцем и

Тимошкой, что и заставило последнего спасти свою жизнь в иных землях. Может быть, они и в самом деле были братья? Когда Тимошка находился уже в Польше, московское правительство пыталось обвинить его в убийстве родного брата (не Семена ли?), что и вынудило Ивана Патрикеева и архиепископа Варлаама послать королю «свидетельственное письмо», в котором отметились все лживые наветы на Акундинова.

Уместно здесь вспомнить и опалу князя Матвея Федоровича Великопермского, которой тот подвергся в 1641 году. Возможно, его опала была связана с тем, что выявилось его родство с царем Василием Шуйским, о котором ранее не было известно. Не исключено, что князь Матвей сам неосторожно говорил о том, что его дети имеют все права на царский трон. Начавшееся следствие и заставило Тимошку бежать из России.

В Польше Тимошка называл себя Иваном Каразейским, изучил польский язык и латынь, которую знали все образованные поляки, и занимался популярной в то время астрологией. Пожалуй, это все, что нам известно об этом периоде его жизни.

Из Польши Тимошка выезжает в Валахию, затем в Крым и Турцию. О подробностях этого путешествия, кроме скурых отрывочных замечаний, ничего не известно. Похоже, что Тимошкой мало кто интересовался. Но в Турции неожиданно все меняется, и он привлекает к себе самое пристальное внимание.

Из Стамбула первым о Тимошке сообщил Фессалийский архиепископ. В своем письме в Москву он подробно описал двух самозванцев, что появились в Турции:

«Извещаю Ваше Величество, что когда Хан прислал к Султану известия о военных движениях России, то в то же время прислал к нему с письмом одного российского князя, прося, чтобы Султан дал ему в помощь пятьдесят тысяч войска для соединения с ним, Ханом,

и донося, что бояре российские и войско желают возвести его на российский престол. Сие писал Хан и сам оный (князь) говорил, надеясь, что ему немедленно дастся помощь, дабы он шел вместе с ним войною против Вашего Величества; но Султан, будучи занят войною с Венецианами и услышавши о нападении на Азов, не согласился на их предложение: однакож оный князь принят с честью и поставлен в Сулиман-Салтановом сарае Русламеци и производят ему таим (содержание. — В.К.); Константинополь от того в волнении, что прибыл туда царевич русский. Сей последний обещал туркам, что если он получит российский престол, то отдаст им во владение Астрахань и Казань; обещал еще и кроме того многое, и турки приняли его с радостию.

Услышав сие, посол Вашего Величества весьма опечалился, занемог от того и едва не умер, и через два дни, третьяго августа, освящался елеем и приобщался святых таин. А я, нижайший ваш богомolec, употребил свои старания и виделся с князем в один день, когда он сам-третей шел прогуливаться с янычаром, который приставлен к нему для охранения; мы постарались напоить янычара, подошли к князю и спрашивали его; он откровенно нам признался, что прибыл к Порте для отыскания российского престола, сын князя и прибыл из Астрахани, имя ему князь Андрей Тухорук (Долгорук), а турки называют его князем Алпутом. Если угодно знать о его возрасте, то ему около тридцати лет, усы у него русые, высок и тонок...

Другой какой-то князь прибыл из России в Польшу, оттуда в Валахию, потом в Венгрию, оттуда в Темесвар; из сего города писал он к Путми-паше, который послал за ним людей своих, принял его и прислал сюда к султану. Его называют князем Иваном, сыном князя Василия Шуйского, содержат здесь и дают ему таим.

Донеся о сем Вашему Величеству, мы постараемся вскоре известить вас о намерении Турков»¹.

Это письмо было отправлено в Москву 14 августа 1646 года. Не вызывает сомнений, что второй самозванец и является Тимошкой Акундиновым. Но он впоследствии не раз упоминал о том, что в Стамбул попал из Крыма.

И вот здесь начинается какая-то странная путаница. Конюховский, преданнейший товарищ Тимошки, на пытке в Москве показал, что Тимошка в Стамбуле просил войско у султана, чтобы идти под Астрахань и Казань! Похоже, что князь Алпут и Тимошка — одно и то же лицо. Но кто тогда тот, кто выдавал себя в Стамбуле за князя Шуйского?

Спустя два месяца известительный лист о самозванце послал в Москву и другой тайный осведомитель — цареградский архимандрит Амфилохий. Письмо это, написанное Амфилохием по-русски, настолько трудночитаемо, что приведу его в изложении:

...июля 1646 года приехал в Царьград один русский, именем князь Иван, называется царевичем Московским и сыном князя Василия Ивановича Шуйского. Ушел из Литовской земли, прибыл в Валахию, после недолгого пребывания в ней уехал в Молдавию к воеводе Матеи, оттуда в турецкую землю в Темирфар, откуда его послали в Царьград к визирю. При себе тот человек имел челобитную к визирю, переводить которую и поручили Амфилохию. Кроме того, князь Иван имел родословную, написанную по-русски, и грамоту польского короля Владислава с печатями, написанную на латыни. Была еще третья грамота от государя молдавского Матея-воеводы.

---

¹ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 3. М., 1822. № 125, с. 424—426.

После объяснений перед визирем князь Иван сам попросился представить его московским послам. К визирю были приглашены толмачи Дементий и Леонтий, которые объявили князя Ивана самозванцем: «Был на Москве подьячим в приказе Государевом, имя ему Тимошка, и украл государевы деньги двести рублей... ушел из Москвы до Польской земли, и свою жену и детей своих сжег... да и с Москвы ушел на Литву. И лаяли его пред визирем и позорили его Дементие переводчик гораздо да Левонтий толмач»¹.

Здесь я прерву пересказ письма Амфилохия, чтобы высказать некоторые сомнения.

Перед прибытием в Стамбул русские послы задержались на некоторое время в Крыму (в Кафе), где получили известия о самозваном московском царевиче, который до этого несколько лет находился в плену у крымского хана. По собранным сведениям, им оказался казацкий сын из города Лубны Ивашка Вергуненок.

В Стамбуле послы опознали в князе Алпуге Вергуненка (которого прежде они даже в глаза не видели!). Но полученными сведениями они не воспользовались и не стали разоблачать Вергуненка перед визирем и султаном. Но с Тимошкой они поступили иначе.

Но кто был опасней для Московского государства в тот момент? Тимошка, который не высказывал желания воевать за трон, или же князь Алпут, с восторгом принятый в Стамбуле и готовый немедленно двинуться с войсками на Русь?

Может быть, произошла путаница с самозванцами? Такое предположение не покажется странным, если принять во внимание болезнь посла Телепнева, нервную растерянность в посольстве, грозные требования Москвы устранить неожиданных соискателей трона.

---

¹ Собрание государственных грамот и договоров... Ч. 3, №127.

К тому же толмачи были не московские люди, а стамбульские греки, которые никогда этих людей не видели и обвиняли их со слов московских посольских людей. К этому времени в Стамбуле появился и третий самозванец — как же здесь не запутаться и точно определить, кто из них есть кто?

Спустя несколько лет, в 1650 году, Акундинов провел длительное время в Лубнах, родном городе Ивашки Вергуненка. Случайное совпадение? Самое безобидное предположение, которое можно сделать по этому поводу, то, что Акундинов принес весточку казаку Вергуну от его непутевого сына.

В том же 1646 году Вергуненок за то, что «пил и с бусурманами дрался»¹, был посажен турками в темницу и окончательно исчезает в дальнейшем из исторических документов. Почти вслед за ним попадает в тюрьму и Акундинов за неоднократные побеги и желание тайно покинуть Турцию.

Находясь в Швеции, он рассказывал королеве Христине, что томился в Стамбуле «в железах» три года. Прослеживая по документам хронологию его походов, с этим нельзя согласиться. Уже в феврале 1648 года он появляется в Сербии. Так что в турецкой неволе он мог находиться не более полутора лет.

Можно предположить, что Тимошка несколько преувеличил свое пребывание в турецкой тюрьме, с целью окружить свое имя еще большим ореолом мученичества и страданий. Но не исключено, что произошла путаница самозванцев и их судеб.

Вернемся вновь к письму Амфилохия:

...В ответ на брань толмача и переводчика Тимошка спокойно отвечает визирю, что «послы государево справили, им и велели про меня солгать; а сами меня

---

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен, т. V, с. 466.

знают добро, что я царевич и отец мой был блаженной памяти князь Иван Васильевич Шуйский»¹.

Приема у султана Тимошка так и не добился, и в августе его переводят на менее почетное место. Тимошка из Стамбула собирался ехать на Афон к патриарху и обратился к Амфилохию с просьбой передать греческому первосвященнику письмо. Письмо архимандрит взял, но по назначению не передал, а отослал в Москву.

В том же месяце июле приехал в Царьград другой русский человек по имени Иван, присланный крымским ханом. Называет себя сыном князя Дмитрия Ивановича (расстриги). Была у него печать царская на плечах. Этому Ивану также было предоставлено место визирем в «покои, в сараю свою, и подарил ему платье и велел его кормить». Этот самозванец ударился в бражничество и был посажен визирем в тюрьму.

Похоже, что здесь речь идет о князе Алпуге. Но почему другое имя?

Тимошка заболел и чуть не умер. Поправившись, он еще четыре раза бил челом визирю и челобитную отдал на имя султана. Челобитная была написана Тимошкой по-турецки. Визирь после прочтения разорвал ее.

Амфилохий продолжал навещать Тимошку и по долгу с ним беседовал, много раз предлагал ему помощь, от которой тот осмотрительно отказался.

Вот, собственно, и все, что сообщил Амфилохий о Тимошке. Но благодаря этому пронырливому московскому осведомителю в Москву попали и были сохранены замечательные документы, написанные самим Тимошкой. Амфилохий, скорее всего, выкрал их во время болезни Акундинова.

Первый документ — это нечто вроде полемического ответа недругам и гонителям, в котором доказыва-

---

¹ Собр. гос. грамот и договоров... Ч. 3, №127.

ется высокородное происхождение Тимошки. Документ этот хранится в ЦГАДА, весьма труден для прочтения из-за неразборчивого почерка и, видимо, в силу этого не был до сих пор опубликован. Начало его утрачено. Приведу небольшой отрывок из этого послания: «... сказали — не знаете, хотя я при них слугою царевым назывался тому послу вельможного визиря Качая.

А коли после того вельможному визирю от молдавского санжака муслиа лайбега татарским скрытым арзугалом, хто я есть, ведомо стало явно, что у меня было тайно, в ту пору вы, тая явную и знаемую правду, которая сама собою и неизвестная ж позналась, хотячи лжей появить, а измену втроия лихоимного царя покойного Михаила утаили, почали же меня вместо царевича слугою царевым называть. А причину отъезду моего утаили, то, что я отъезжал из-за иличаня... с причины брата моево князя Симона Шуйского, который по научению злодейского царя Михаила убит в Молдавской земле от воеводы Василия за то, што было он поехал к турецкому с тайными грамотами. А сказали то ложно, будто збежал с Москвы от двухсот рублей долгу. И та ваша ложь явна стала тем, что порознились те речи свои надвое. В первые сказались те: не знаете, хотя в ту пору так же называли, как вы меня сами называете. А ныне другое сказываете — знаем. Сотрите же прах лжи с очей ваших, а отверши и познаете своево Новой чети подьячего. Пправе есть не я, но подлинно слуги моего сын, а ваш подьячий Костька Конюховский, который для достовернова свидетельства на обличение ваше сам перед вами стоит с очи на очи.

А затем прошу вас с ласкою: смотрите тово сами, что правду лжей победить не можете, потому сколько у вас лжи и клеветы на меня к оболганию, а меня больше тово есть правды и разных свидетельств к оправданию.

Первое свидетельство, которое меня само царевичем имянует — вышепомянутый арзугал татарский, который татарским абызом писаный по их татарскому закону. А объявился ни от меня, ни от моих людей, но от мулдавского санжака муслеа лайбега.

Другое свидетельство от польскова короля Владислава: лист за ево рукою и за печатью великою корунною. К тому ж иные многие списки и выписки с книг.

Третье свидетельство: лист Матвея воеводы мулянтянского за ево рукою и за печатью земскою. А в тех обу двух листах пишет явственно, хто я есмь.

К тому ж свидетель московска и польска земля и христианские летописцы о отце нашем, блаженные памяти царя Василя Ивановича, как он от изменников своих помянутых, от Михаила митрополитова с товарищи, отдан в полон польскому королю Жигимонту, тому нынче тридесят шестой год.

А сверх тово, я показал доверенное свидетельство блаженные памяти отца моего, царя Василя Ивановича: истинное знамение с написания царского образа и моего вида и подписью и с печатью царства московского, которое оставил мне отец мой по нашему закону вместо духовные¹.

Да к тому ж имею у себя на теле, на правой руке белеги, которые есть не умышленные, ни руками чинены, но поистине природные и царским детям свойственные по некоторым судьбам Божиим, для чево тои белеги в планетных книгах знаменуются в лицах. Да иные многие свидетельства у меня есть»².

---

¹ Как видно из этой фразы, Тимошка имел портрет царя Василя Ивановича Шуйского. Можно предположить, что этот портрет (скорее, копию с портрета работы Доллабелло) он заказал во время своего пребывания в Польше.

² ЦГАДА, Ф. 149, оп.1, ед. хр. 73, 1646 г.

Как можно предположить, послание это Тимошка адресовал московским послам в Стамбуле, в ответ на их обвинения в самозванстве.

Для лучшего понимания смысла этого письма следует объяснить некоторые татарские и турецкие слова, встречающиеся в тексте.

Говоря о Молдавии, Тимошка называет ее «*Мулдавским санжаком*» (более правильно — санджак). Санджак — крупная территориальная единица в Турецкой империи. Называя Молдавию санджаком, турки тем самым подчеркивали ее принадлежность к Османской империи.

«*Муслиа лайбег*» — правоверный Лай-бег, Муслиа Лай-бег. Я понял это слово как имя турецкого высокопоставленного представителя при молдавском государе. Возможно, это лицо имело духовное звание и потому имело приставку *муслиа* (правоверный) к своему имени. Но не исключено, что это название административной должности в молдавском санджаке. Обращение Тимошки не к господарю, а к представителю турецкой администрации вполне объяснимо — именно господарь, по просьбе царя Михаила, велел казнить самозванца Семена Шуйского. Опасаясь такой же участи, Тимошка обращается к турецким властям, так как они с большим вниманием относились к подобным людям.

«*Татарским скрытым арзугалом*». Арзухал — турецки прошение, челобитная. Видимо, Тимошка здесь напоминает о некоем тайном письме, посланном из Крыма в Стамбул с известием о нем.

«Я отъезжал из-за *иличаня*». Елчи — посол, посланник. Возможно, Тимошка уехал из Крыма из-за русского посла Телепнева, который настойчиво просил хана выдать самозванца Москве.

«Татарским абызом писанный». Аби — почтительное обращение к старшим. Возможно, здесь указание на некое важное должностное лицо в Крыму.

«Имею... на правой руке *белеги*». Белги — знак, признак. Тимошка имел на правой руке, как можно предполагать, родимые пятна необычной формы, что должно было служить, как он считал, еще одним свидетельством его знатного происхождения.

Второй документ, который благодаря архимандриту Амфилохию попал в Москву, — написанные Тимошкой вирши, так называемая «декларация Московскому посольству». Стихи эти помещены почти во всех сборниках русской виршевой поэзии, поэтому приведу лишь небольшой отрывок из них:

Хвала милостивому святому Богу!
От неприятеля бежав через осьм земель,
Не приткнули мы о камен свою ногу
И не нарушили здоровья и чести и сана,
А ныне мы под крылом милости
Турсково Ибрагим султана...

Хотя эти произведения и не являются шедевром отечественной поэзии и прозы того времени, но они однозначно свидетельствуют об образованности Акундинова и его умении обращаться со словом. В этом отношении весьма показательны приведенные стихи — они более энергичны, более ритмичны и более приближены к знакомым нам стихотворным формам, нежели вирши всех остальных русских поэтов XVII века, таких как Симеон Полоцкий и Карион Истомина. Несомненно, Тимошка обладал незаурядными способностями.

Кроме написания стихов и прозаических посланий, он усиленно изучает турецкий язык. Спустя несколько месяцев после прибытия в Стамбул Тимошка подаст визирю написанное на турецком языке письмо. Амфилохий в своих донесениях не поясняет, в какой степени Тимошка освоил язык и грамоту, но, судя по его

замечанию, можно считать, что письмо было вполне понятным. Он пишет: «... и он, визирь, прочитал ту челобитную, что написана по-турецки, и очень ему досадно стало от слов тех... ту челобитную сам визирь разорвал, осердившись»¹.

Не вдаваясь в содержание этой челобитной, надо отметить, что освоение Тимошкой чужого языка и чужой письменности за несколько месяцев свидетельствует о его просто феноменальных лингвистических способностях. Он умел каким-то непостижимым образом вживаться в чужую речь и культуру.

Обращаю внимание читателей на начальную строку его поэтической декларации — «Хвала милостивому святому Богу!». Перед нами не что иное, как перевод на русский язык первой строки первой суры Корана (эта строка носит арабское название *зикр*), которая в письменной культуре исламских народов занимает одно из важнейших мест. Зикр помещается мусульманскими авторами в начале текста и в поэтических произведениях, и в официальных, и в частной переписке.

Следовательно, во время пребывания в Стамбуле Тимошка не ограничивался изучением турецкого разговорного языка, но и читал некоторые литературные произведения, из которых усвоил представление об особенностях восточной литературной традиции и затем использовал их в своих виршах.

Был ли Тимошка опасен для России? Готов ли он был вести турецкие войска на Россию?

Ответить на эти вопросы необходимо, чтобы иметь полное представление о нравственных качествах Акундинова. Единственный, кто обвиняет его в подобных намерениях, — это Амфилохий. Но порой создается впе-

---

¹ Собр. гос. грамот и договоров... Ч. 3, №127.

чатление, что делает он это умышленно, чтобы придать больший вес своим сообщениям из Стамбула. И получить за это соответствующее вознаграждение. Москва постоянно поощряла своих осведомителей немалыми суммами и подарками.

Несомненно, те же корыстные интересы заставили Амфилохия и переводчика Зелфукар-агу посетить московское посольство и вести длинные речи о самозванце, советуя подкупить визиря «большой казной», для того чтобы он повелел казнить Тимошку.

Тимошка четыре раза подавал челобитные визирю и не на одну из них не получил ответа. Возможно потому, что не высказывал в них особого стремления вести войска и поднимать мятеж на родине. Да и дальнейшее его поведение в Турции дает повод к таким предположениям.

Он делает несколько попыток бежать из Стамбула. Первый раз Тимошка бежал в Молдавию, но по дороге его схватили, привезли обратно и хотели учинить жестокое наказание, но он обещал принять ислам и перед визирем проговорил фатиху, первую суру Корана, что свидетельствовало о его принятии магометанского исповедания. Обрезание же он просил отложить. Его освободили и надели ему чалму.

Второй побег, переодевшись в греческую одежду, Тимошка совершил с русским пленником на Афонскую гору. Его вновь поймали, хотели казнить, но он избежал казни, позволив себя обрезать. После этой унижительной процедуры его заключили под стражу.

В это время в Стамбуле вспыхнула эпидемия холеры и свирепствовала два года. Только в 1647 году, по турецким данным, погибло от нее 160 тысяч человек. Как уцелел Акундинов в таких условиях и как провел он эти годы заключения — остается загадкой.

В 1648 году, в результате мятежа янычар, к власти пришел новый султан — Мехмед IV. Акундинов был освобожден и уехал (или вновь бежал?) из Стамбула.

8

СЕРБИЯ. СОДЕЙСТВИЕ УНИИ

Такова официальная версия о нем, возникающая со слов Конюховского, его верного друга и слуги, который на пытке показал, что Тимошка пробыл «в железах» три года и получил свободу только после переворота, когда турки убили султана и визиря.

Но, видимо, Конюховский даже под кнутом палача утаил некоторые подробности походов своего господина. Султан Ибрагим I и его визирь Ахмед-паша были убиты 10 августа 1648 года. Следовательно, Акундинов мог выехать из Стамбула лишь после этого события. Но на самом деле он появился в Сербии на полгода раньше, в конце января или в начале февраля месяца 1648 года. Обстоятельства его освобождения из турецкой неволи так и остались неизвестными. Уже в Риме, в июне этого года, священник Феодосий и константинопольец Стомаки (очевидно, грек), сопровождавшие Акундинова в качестве «слуг московского князя», в прошении на имя конгрегации Пропанды писали:

«Мы с помощью Божией освободили его из рук турецких и с ним вместе прибыли сюда, к достославной римской церкви, из отдаленнейших стран»¹.

Но при каких обстоятельствах они освободили Акундинова — это осталось неизвестным. Не исключено, что они могли и выкупить его.

---

¹ Международные связи России до XVII в. Сборник статей под редакцией А.А. Зиминой, В.Т. Пашуто. М., 1961, с. 499.

Сознательно или случайно перепутал Конюховский время освобождения Тимошки?

Можно сделать предположение, что Конюховский умышленно искажил события, чтобы уберечь своего господина от обвинений в измене православию и пособничеству католицизму. Если бы этот факт подтвердился на следствии, Тимошку могла ожидать, по тогдашнему судебному законодательству, самая страшная казнь — сожжение на костре. Так в чем же на этот раз заключалось его преступление?

Появившись в начале 1648 года в Сербии, Тимошка был принят там необычайно тепло и быстро нашел высоких покровителей. Из монастыря Морац, резиденции митрополита Будимльского и Албанского, он был направлен в Рим с важной миссией к папе.

Е. Шмурло по этому поводу сделал следующее предположение: «Акундинов попал в Морац в ту пору, когда там, по-видимому, наблюдалось два течения: одно за сближение с Римом, другое враждебное тому; со смертью старого патриарха первое восторжествовало, и если у Акундинова действительно было намерение пробраться в Рим, то ему был расчет примкнуть к партии, получившей перевес»¹.

Пославший его с поручением митрополит Паисий совершенно не сомневался в его высоком происхождении и в своем письме писал:

«Господь чудесным образом дал нам прекрасный случай довести до вашего сведения наше пожелание, освободив из рук оттоманских светлейшего господина, Московского царевича Иоанна Васильевича Шуйского, великого князя Великопермского. Возвращаясь в свои владения, он пожелал побывать в Риме, поклониться там святым мощам»².

---

¹ Шмурло Е. Указ. соч., с. 177.

² Труды отдела древнерусской литературы. XXIV. Л., 1969, с. 312.

Надо помнить, что дело шло об унии сербской православной церкви и католической и что письмо адресовалось самому папе римскому. Мог ли митрополит доверить это дело случайному и сомнительному человеку? Так каким же способом и как расположил Тимошка митрополита к себе за ничтожно короткий срок? Представил ли он какие-то серьезные подтверждения своего великокняжеского происхождения, документы или же он внушил доверие к себе иным способом? Но каким?

Подобные быстрые симпатии и необычайное доверие посторонних людей к его персоне будут постоянно сопровождать Акундинова в его похождениях. Похоже, что он, ко всему прочему, обладал и неотразимым обаянием, перед которым едва ли кто мог устоять. Если он и был обманщиком и авантюристом, то его очарование было воистину царским...

9

ИТАЛИЯ. ПОИСК ПОКРОВИТЕЛЕЙ

Акундинов прибыл в Италию в марте. Не умея разговаривать по-итальянски, он имел при себе переводчика, отца Луку Андрейчича (видимо, серба). Отец Лука известил письмом секретаря папской Пропаганды Франческо Инголи о том, что он морским путем едет из Венеции в Анкону и вместе с ним светлейший князь Московский, который направляется в Рим для поклонения папе и по своим личным делам и, не владея итальянским языком, пользуется услугами его, Андрейчича, в качестве переводчика.

27 апреля состоялся доклад об Акундинове в конгрегации Пропаганды. Члены конгрегации были заин-

тересованы таинственным человеком из далекой России, поэтому решили навести о нем дополнительные справки в Инквизиции, куда стекались дела об иноверцах. Через два дня, 29 апреля, последовало и другое решение: было определено составить записку об Акундинове и направить ее кардиналу Спада. Записка, скорее всего, была в пользу его, потому что через некоторое время Акундинов удостоился аудиенции у папы Иннокентия X.

В прошении на имя папы, которое Акундинов, как можно предположить, и произносил вслух перед понтификом, говорится следующее:

«Всеблаженнейший отец!

Захваченный в плен в сражении с татарами, я был отведен в Константинополь и, будучи передан под надзор Асалах-паши, жил у него; но через год моего стража лишили жизни, удавив, и я воспользовался этим, чтобы вырваться из варварских рук, и спасся в землях христианских. Хотя я родился и воспитан в слепоте схизматической греческой веры, тем не менее я всегда горячо желал быть принятым в лоно святой матери католической апостольской Римской церкви, жить и умереть в ней, и теперь, когда Господу угодно было освободить меня из плена, исполнить свое желание и прийти в Рим и пасть ко священным стопам вашим, Святой отец! Молю принять меня, дать отпущение в прежних грехах и пожаловать Своим благословением, обещая приложить все старания к тому, чтобы вывести народ свой ко свету истинной веры»¹.

Прошение это написано собственноручно Акундиновым, и на итальянском языке. Следовательно, он за два-три месяца в совершенстве овладел не только уст-

---

¹ *Шмурло Е.* Римская курия на русском православном востоке в 1609—1654 годах. Прага, 1928, с.179.

ной, но и письменной речью. Такие способности достойны восхищения!

Да, конечно, в этом прошении чувствуется изрядный религиозный цинизм Акундинова: он с легкостью меняет одно вероисповедание на другое, раздает папе едва ли выполнимые обещания обратить свой народ в другую веру, хулит веру предков. Все это так, но не надо забывать и о том, что он был одинок, гоним, не имел каких-либо, даже самых скромных средств к существованию. Возможно, все это пусть и не оправдывает его, но хотя бы несколько объяснит его поступки.

Римский период жизни Тимошки отмечен большим количеством сохранившихся его писем, которые свидетельствуют о его активных поисках новых друзей и влиятельных покровителей. Каким-то образом он и здесь оказывается в центре политической жизни и добивается того, что с ним считаются.

«За это время ему удалось приобрести влиятельные связи. Тимошка имел возможность посылать Костке письма через испанского посланника, которого называет своим покровителем. Он ходатайствовал за важного доминиканца перед генералом его ордена; переписывался с поверенным курии и дубровицким консулом в Анконе, Сторани, каким-то видным лицом Перони и дубровицким дипломатом Бобали; он состоял в сношениях с польским князем, с которым ранее встречался в Венеции»¹.

За этот период известно, кроме писем на русском и итальянском, семь писем на сербском языке, которые Акундинов адресовал в Сербию своим новым друзьям. Этот язык он выучил проездом, во время пребывания в монастыре Морач.

---

¹ Международные связи России до XVII в. / Под ред. А.А.Зимина, В.Т. Пашуто, с. 508.

ГЕРБ И СТРАННЫЕ ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ

Ко времени пребывания Акундинова в Италии относится благодарственное письмо, адресованное некоему Анастасию Милярду, жителю Венеции. В витиеватых выражениях благодарил его Тимошка за то, что тот «добро творя нам путешественникам».

На этом письме сохранился отпечаток печати Акундинова, которая весьма и весьма примечательна. Она представляет собой геральдический щит с императорской короной и королевской лилией. Особенно интересен щит, на котором изображен мусульманский полумесяц со звездой, мальтийский или тамплиерский крест и подсвечник. Внизу щита помещен всадник с саблей, сражающийся со львом (см. приложения 1, 2).

К сожалению, на печати нет легенды, т.е. письменного сопровождения, которое могло бы несколько прояснить значение всех этих странных символов. Но в целом, как можно предположить, печать соответствует личному гербу Акундинова, которым его удостоили (или же он сам его придумал) в Польше.

Гербы были обязательным элементом польской дворянской культуры, имели подробно разработанную и ясную символику. У нескольких аристократических родов Польши на гербах имелся полумесяц со звездой, и это должно было говорить о том, что основатели этих родов происходили из мусульман. Но что хотел сказать Акундинов, помещая этот символ в центре своего герба? Что обстоятельства на некоторое время заставили его быть мусульманином? Вряд ли этим стоило гордиться в христианских государствах. Может быть, это

был намек на то, что его предки происходили из исламских стран?

Нельзя исключать и того, что полумесяц — это заимствование из личного знака коми-пермяцких князей (оксов). Пермь Великая длительное время подчинялась ханам Золотой Орды, и оксы, скорее всего, приняли ислам, и полумесяц стал их личным знаком. Когда в конце XVIII века по указу Екатерины II города Российской империи стали наделяться гербами, некоторые пермские города получили гербы, в которых присутствовал и полумесяц, и крест.

Других вариантов прочтения и объяснения полумесяца и звезды, не связанных с исламом, в геральдике не существует. Поэтому этот символ, помещенный на гербе Акундинова, довольно определенно указывает на то, что его предки были мусульманами.

Труднообъяснимо присутствие на гербе и мальтийского (тамплиерского) креста. Не значит ли это, что Тимошка посетил Мальту, оплот мальтийских рыцарей, и стал кавалером этого ордена? Нам ничего не известно о его путешествиях почти в течение года — со времени смерти Асалах-паши (у которого он был под надзором) и до появления в Сербии. Поэтому не стоит исключать возможность того, что Тимошка побывал на этом острове и удостоился чести стать рыцарем прославленного ордена, героически сопротивлявшегося в течение нескольких веков исламской экспансии.

Подсвечник со свечой, помещенные на гербе Тимошки, можно понимать как символ неустанных научных бдений, как символ учености. Как кажется, это самый простой и понятный геральдический знак на его гербе.

В самой нижней части герба помещен всадник на коне с обнаженной саблей и поднявшийся на задние лапы лев.

Всадник с мечом — герб великих литовских князей, ведущих свой род от Гедимины.

Лев — герб большого числа княжеских родов, в том числе и князя Курбского, который он принял после своего бегства в Польшу. Имел льва на своем гербе и князь Пожарский, герой освобождения Московского государства от поляков и казаков.

Если же считать, что на гербе изображен не лев, а барс, то в этом случае здесь скрыт намек на Казанское царство, графическим символом которого и был барс. Следовательно, среди предков Акундинова были и казанские цари? Как уже упоминалось, Василий Иванович Шуйский имел родство с казанскими царями, прямыми чингизидами. Но эта незначительная примесь татарской крови не могла служить для Акундинова достаточно серьезным основанием отказываться от своего пращура Рюрика (от которого вели свой род Шуйские), отдавая предпочтение Чингисхану.

Не зная подлинных обстоятельств происхождения Акундинова, едва ли можно с уверенностью определить, на родство с какими известными аристократическими фамилиями он намекал своим гербом.

11

У БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО. ТАЙНАЯ МИССИЯ

Надо полагать, что не без участия римской курии начался еще один этап в бурной жизни Акундинова.

В поисках союзников против Турции не только папа римский, но и многие республики и королевства Италии обратили свое внимание на Богдана Хмельницкого, добившегося к тому времени значительных успе-

хов в борьбе с Польшей. Военственных казаков стремились вовлечь в антитурецкий союз. Желательно было для стран антитурецкой коалиции и примирение Украины и королевства, поскольку их взаимная война только усиливала позиции их общего врага — мусульманского мира.

С целью заключения союза у гетмана побывало несколько посольств. Венецианская республика посылала своих эмиссаров дважды. Были у Хмельницкого и представители папы.

Для переговоров с Хмельницким папский нунций в Варшаве Торес рекомендовал венецианского священника Альберта Вимины. В апреле 1649 г. Вимина получил инструкции от венецианского посла в Вене Николая Саградо, после чего выехал на Украину и появился в ставке Хмельницкого в начале 1650 года. В это же время там появился и Акундинов. Подобное совпадение дает повод считать, что Акундинов приехал на Украину в составе посольства Вимины и был им представлен и рекомендован гетману.

Эта дипломатическая активность Рима вызвала беспокойство в Турции, и турецкие послы были так же направлены к Хмельницкому, с целью предотвратить нежелательный для них союз.

Старец Арсений Суханов, сопровождавший Иерусалимского патриарха Паисия, возвращавшегося в Палестину, в своем письме в Москву от 9 мая 1649 г. подробно излагает многочисленные слухи, ходившие среди казаков относительно этих посольств:

«У турецкого царя был посол от гетмана Хмельницкого, и строитель Арсений¹ спрашивал у многих людей, для какого дела посол гетмана в Царегороде? И оне ска-

---

¹ Так называет в письме Арсений Суханов себя, поскольку он был келарем в Троице-Сергиевом монастыре и отвечал за монастырское строительство.

зывают: наперед де прислал к гетману венецкой принцып, чтоб ему гетман дал людей своих в помощь на турецкого царя и чтоб им идти Черным морем, а они на Белом море готовы, давно стоят и подарки де к гетману присылали и казну де объявлял великую тем людям, коих ему гетман даст, и гетман венецкого посла отпустил ни с чем, а в людях отказал, что люди надобны ему себе. И про то де сведав визирь великий турецкого царя послал к гетману посла без царева ведома, благодаря ево, что он венецкому людей в помощь на них не дал. И гетман де того посла турецко отправя и с ним послал до царя турецкого своего посла, и царь де турецкой почитал вельми гетманова посла и жаловал, что никоим де послом такой не бывало, что им, и как де царь гетманова посла отпустил, да с ним ж и своево посла послал до гетмана от своего лица и подарки, а даров к гетману турецкой посол вел 2 коня турецких, да нес саблю оправную да топор, а зачем турецкой царь посла прислал к гетману, того впрямь неведомо»¹.

Продолжая путешествие с патриархом Паисием, старец Арсений 7 сентября прибывает в Яссы. Отсюда он вновь пишет в Москву, извещая на этот раз о Тимофее Акундинове:

«В Ясах же был торговый человек из Рыльска с товарами, Григорьем зовут, и, пришед, старцу Арсению говорил: есть ли де хто на Москве Шуйских князей?

И старец Арсений сказал ему, что Шуйских никоиво на Москве нет. И Григорей говорил: октября де в 24 день сошелся с ним в Ясах человек, говорил по-сербски, Костентином зовут, и показывал ему, Григорью, письмо по-русски, а в нем писано: принял я, Иван Васильев сын Москвитин, в слуги Костянтина и взял у него на

---

¹ Собр. гос. грамот и договоров... Ч. 3. М., 1822.

харч себе 1000 тарелей, а повинен есмь те тарели отдать ему в Московском государстве, а печать де у того письма воск красной, а другая такова ж печать чернилами на бумаге напечатана, а около клейма вырезано письмо вкруг: Иван Васильевич Шуйский.

Он де, Григорей, у него спросил: где ныне тот Иван Шуйский? И он де ему сказал: живет де в скиту под Венгерскими горами, а был де он в Цареграде и в Риме и в Венгрии, а он де, Костентин, пошел от него из скиту до Дмитрова дни недели за 2, а тот де что называется Шуйским, как обможется, хотел идти до Киева»¹.

Но, видимо, старец Арсений не все доверил бумаге. Сведения, полученные об Иване Шуйском, показали ему настолько важными, что он покидает патриарха Паисия и спешно уезжает в Москву. Не известно, какие приказы он там посещал и что нового поведал о самозванце, но с этого времени старец Арсений в своих письмах именует Акундинова не иначе как «вором Тимошкою».

После посещения старца царь Алексей Михайлович начал слать к Хмельницкому многочисленные грамоты и посольства с просьбой о выдаче Тимошки.

Через полгода Арсений возвращается к патриарху, и они вновь продолжают путешествие и в середине 1650 г. прибывают в Фукшаны к «мутьянскому воеводе Матвею». И здесь Арсений получает новые сведения о самозванце:

«Августа в 1 день приезжал из Киева бывший киевский протопоп к старцу Арсению сказывал: в великий де пост был у них в Киеве человек, называет себя князь Иван Шуйский, а ныне де он живет при гетмане Богдане Хмельницком и просил де у гетмана людей, чтоб ему

---

¹ Воссоединение Украины с Россией. Документы. М., 1953, с. 181.

ити на Московское государство войною, а на чем де у их меж собою договор положен, того он не ведает»¹.

Находясь в Фукшанах, старец Арсений получает в сентябре другие сведения о самозванце:

«159-го году сентября в 23 день у мунтьянского у Матвея воеводы от гетмана Богдана Хмельницкого послан Иван да ясаул Григорей и сказывал Григорей старцу Арсению: при гетмане де при Богдане ныне живет князь Иван Васильевич Шуйский, и гетман де указал ему давать корм. Да он же де было начал прибирать войско, чтоб ему ити на Московское государство, и то де сведали их начальныя казаки и в том ему запретили, чтоб он такой замысел отставил и смуты б не чинил меж православных христиан, а живет де в Лубах в монастыре»².

После этих известий Арсений едет в Чигирин к Хмельницкому с царской грамотой о выдаче Акундинова, но и ему отказывают.

По этим источникам можно судить, что Акундинов появился в Малороссии у гетмана Хмельницкого в начале 1650 года. В скором времени он завоевал его дружбу и искреннее расположение. Несомненно, что Хмельницкий имел в отношении Акундинова какие-то свои планы, поэтому и держал его при себе.

Трудно сказать, собирался ли Тимошка «ити на Московское государство войною», как о том писал Арсений, но то, что Хмельницкий доверил ему командование крупным отрядом, подтверждено надежными источниками.

4 августа 1650 года белгородские воеводы Борис Репнин и Дмитрий Карпов послали в Москву отписку, в которой среди прочих дел описывается бурная дея-

---

¹ Воссоединение Украины с Россией. Документы. М., 1953, с. 183.

² Там же.

тельность Акундинова среди казацкой вольницы, как о том им доносил их посол Василий Струков:

«После тово пришел старый войта Иванец, учал речь говорить: гетман де съехал из Чигирина в Суботино, потом учал говорить: такой де у вас человек есть ли в ведоме, Иваном зовут Васильевич Шуйский? Был де он у гетмана с масленицы и говорил де он гетману и бил челом, а сказывал де у себя в Москве маетности и господоы великие, и называет де он себя государичем; и гетман де ево почитал, и ныне де ево отпустил с охочими Литовскими людьми до Крыму; а итить де ему на Дон к Донским козакам, и козаков де приводить к себе, чтоб де ему послушны были; а будет де козаки ево не послушают, и ему де с Крымскими и Литовскими людьми над Донскими козаками промышлять; а будет де ево промысел не возмет, и ему де поднимать Колмыков, итить к Астрахани.

...гетман-де из Полтавы сам ево отпускал, и войска с ним казачья пошло шесть тысяч да семнадцать громат; а итить де с Крымскими со многими людьми войною на Дон и в Роские недели с две спустя»¹.

Стоит обратить особое внимание на численность войск, командование которыми было поручено Тимошке. В отписке воевод сказано, что Хмельницкий отпустил с ним «шесть тысяч» казаков и «семнадцать громат». Надо пояснить, что по понятиям того времени казаками считались только конные воины, которые делились на полки. Вооруженные пешие крестьяне, которых было подавляющее большинство в войске Хмельницкого, делились не на полки, а на «громады» (нерегулярные войска), которые по своему составу могли превосходить и полки. Таким образом, под командова-

---

¹ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., 1861. Т. 3, №308, с. 427.

ние Акундинова вверялось от 20 до 30 тысяч бойцов, и это было необычайно почетное назначение. Трудно понять, чем руководствовался Хмельницкий в своем выборе. Поскольку Тимошка не имел военного опыта и опыта военачальника и вряд ли скрывал это, то следует признать, что причина его назначения кроется только в умении внушать доверие к себе.

Стяжал ли Акундинов славу и лавры на военном поприще? К сожалению, это остается неизвестным. Посол Василий Струков единственный, кто упомянул о том, что самозванец был назначен Хмельницким военачальником над казаками. Возможно, что планы гетмана вскоре изменились и он отменил задуманный поход, не желая ссоры с Россией, которая покровительствовала донским казакам.

«С Дону в Москву дали знать, что летом 1650 года приходил на Дон сын Богдана Хмельницкого да наказной атаман Демка, а с ними запорожцев тысяч с 5 или 6, стояли они две недели на Микосе, от Черкасского городка за днище, дожидались крымских татар, чтоб вместе идти на донских казаков. Донцы послали им сказать: «Мы с вами люди одной православной веры, и вам, сложась с бусурманами, на нас православных христиан, войною приходиться не годится; прежде вы с нами всегда бывали в дружбе и в ссылке и зипуны добывали сообща, и когда у государя с польским королем была ссора и война, то вы и тогда были с нами в мире». Запорожские черкасы отвечали: «Пришли мы на Дон по письму крымского царя, идти нам сообща на горских черкас, а не на вас; а если бы крымский царь велел нам идти не только на вас, но и на государевы города, то мы пойдем, потому что у нас с ним договор — друг другу помогать, и когда у нас была с поляками война, то крымский царь со всею ордою нам помогал». Но пришла грамота от хана, в которой он приказывал казакам

возвратиться назад, потому что степь вся выгорела, и ему, за конскою бескормицею, идти нельзя»¹.

Таким образом, основная масса казацкого войска, 20—25 тысяч, так и не появилась на Дону. Видимо, здравый смысл все же возобладал над эмоциями Богдана Хмельницкого, и он удержался от неразумного шага.

Надо полагать, что Акундинов должен был выступить на Дон с основным отрядом. Но поскольку поход не состоялся, то и пребывание его в атаманах не было длительным. Ни один из московских агентов в дальнейшем не подтверждает нового назначения Акундинова. Но сам факт возможного выдвижения его в казачьи атаманы видится не столь уж и фантастичным. Ему тридцать два года, он грамотен, умен, видел мир и побывал в жесточайших жизненных ситуациях, которые закалили его характер. Судьба не обделила его ни мужеством, ни здоровьем — только физически и нравственно сильный человек мог вынести то, что вынес к этому времени Тимошка. И самое главное — прирожденные таланты и жизненные коллизии способствовали появлению в нем удивительной способности необыкновенно быстро учиться, поразительно быстро усваивать до тонкостей все новое и неизвестное: будь то чужая речь, привычки, поведение... Порой даже напрашивается невольное сравнение с каким-то феерическим лицедейством — настолько удивительны его перевоплощения. Но нет, он, конечно же, не лицедей. Он талантлив, и этот талант придает особый блеск всем его деяниям.

Московское правительство настораживали и даже, тревожили таинственные замыслы Хмельницкого и его

---

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1961. Т. V, с. 571—572.

непонятное внимание и благосклонность к Акундинову. По заданию белгородских воевод Репнина и Карпова сотник Петр Прохоров ездил на Украину, чтобы выведать подробнее о замыслах гетмана и самозванца. Воеводы с его слов доносили 16 ноября в Москву:

«Гетман Богдан Хмельницкий ныне в Чигирине, а с ним тотар с 1000 человек. А русский вор с ним же, гетманом, а ездят с ним для бережения человек с 15. И к тому русскому вору литовские люди прибираютца ли (подбираются ли. — В.К.) и много ль их собралось, про то он ни от кого не слышал»¹.

Олеарий часто повторяет, что Тимошка добивается симпатий окружающих людей только льстивыми речами и обманом. Но в это трудно поверить, так как слишком много людей верят ему, притом искренне, слишком много людей симпатизируют ему. Можно ли так часто и так долго обманывать человеческую проницательность?

В июле 1650 года от гетмана Хмельницкого вернулись в Путивль торговые люди, встречавшиеся и с Акундиновым. Один из них, Антонов, уже в Москве, показал следующее:

«А на Москве путивлец Марко Антонов сказал: тот де человек, который называется Шуйским, жил у гетмана у Богдана Хмельницкого в Чигирине 3 месяца; а гетман де и все Запорожские Черкасы почитают его за честного человека, и кормы ему давали не скудные. И как де гетман Богдан Хмельницкий поехал из Чигирина в Плотаву, и того де, что называется Шуйским, взял с собою и ехал с ним до Миргородка; а из Миргородка гетман поехал в Плотаву, а тому де человеку велел ехать в город Лубны, в Мгарский монастырь, для того что он хотел ехать к государю к Москве и ему б из того города

---

¹ Воссоединение Украины с Россией. Документы. М., 1953, с. 466.

из Лубны ехать ближе; а пока де места он в том монастыре побудет, и его велено покоить монастырскою пищею. И того де монастыря старцы почитают его за честного человека и надеются от него вперед себе от государя заступления и всякого добра.

А как де они, Марко и Бориско, у того человека в Мгарском монастыре были, и тот де человек казал им грамоту блаженныя памяти царя и великого князя Василия Ивановича всея Руси, писаны на листу, а написано сначала две парсуны, одна царя Василия Ивановича всея Руси, а другая сына его, а кого именем сына, того он Марко не ведает; а печать де у той грамоты вислая на чорном воску, с одной стороны орел, а с другой стороны человек на коне, а снурок де у той грамоты шолковый чорный; да он же казал им грамоту за глухую печатью блаженныя памяти великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси, писана в Пермь Великую к воеводе и наместнику Велико-Пермскому князю Ивану Васильевичу Шуйскому, и та де грамота писана к нему князю Ивану, а писана во 150-м году (т.е. в 1641-м. — В.К.). Да он же сказывал им, что он ныне ни царем, ни царевичем, как наперед сего в смутное время многие назывались цариками, не называется; только де он внук блаженныя памяти царя и великого князя Василья Ивановича всея Руси. А взят де он на бою в Перми Великой, как был бой с таттары, и сведен был во Царьград. А платье на том человеке немецкое доброе»¹.

Во время пребывания в Мгарском монастыре Акундинов рассылает многочисленные письма путивльским воеводам, патриарху Иосифу, царю Алексею Михайловичу, у которых просит разрешения вернуться в Москву.

---

¹ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., 1861, т. 3, №307, с. 423.

Переписка эта продолжалась долго, и по ее характеру чувствуется, что московскому правительству хочется заполучить самозванца. Но Акундинов был весьма осторожен и просил дать определенные гарантии того, что он в Москве не будет подвергнут наказанию. Московское правительство разрешает дать такие гарантии только в устной форме.

Многие люди в это время ходатайствуют перед Алексеем Михайловичем за Акундинова — среди них Богдан Хмельницкий и коринфский митрополит Иосаф. За очень короткое время Акундинов сумел приобрести влиятельных друзей и немалое уважение. Даже всеильный генеральный писарь казацкого войска, Иван Выговский, был ему друг большой, как о том показал впоследствии на пытке Конюховский.

Акундинов не совершил ничего примечательного за время своего пребывания в Малороссии, чтобы рассчитывать на подобное отношение: не было у него шумной воинской славы, не было у него денег, на которые он мог покупать покровительство влиятельных людей... Но, тем не менее, он пользовался всеобщим уважением! Должно быть, этот человек, кроме ума и талантов, обладал еще и притягательным обаянием, которое и привлекало многих к нему.

Немало способствовал ему в покорении человеческих сердец и особый дар красноречия. Акундинов был прекрасный ритор, мастерски владевший разговорным и литературным языком своего времени. И хотя за три с половиной века русский язык значительно изменился и изменились многие его нормы, в письмах Акундинова до сих пор чувствуется естественная простота и легкость в изложении мыслей и даже немалое изящество в их выражении.

Пересылаясь письмами с Акундиновым, московское правительство в то же время обратилось к поль-

скому королю Яну Казимиру с просьбой содействовать в поимке злодея. Польский дворянин Юрий Ермолич, после официального согласия короля помочь в этом деле, совместно с русским представителем Петром Протасьевым выезжают к Богдану Хмельницкому.

Гетман некоторое время уклонялся от прямых ответов в отношении того, где находится Акундинов, а затем, когда местопребывание его стало известно, отказался выдать самозванца Москве, ссылаясь на то, что не вправе выдавать вольных людей без согласия войска. Возможно, это было намеренное затягивание времени, чтобы дать возможность Акундинову мирно уехать. Но, скорее всего, Хмельницкий не выдавал его Москве по той причине, что хотел ему доверить тайную и деликатную дипломатическую миссию.

К 1650 году Хмельницкий оказался в весьма затруднительном положении. Хотя он и нанес полякам сокрушительное поражение, но заключенный в 1649 г. Зборовский мирный договор не устраивал ни Польшу, ни Украину, и против него раздавались резкие голоса с обеих сторон. Не окрепшая после Смутного времени Россия боялась ввязываться в новую большую войну с Польшей, поэтому не спешила слать свои войска на помощь восставшей Малороссии. Крымский хан, с которым гетман заключил военный союз, оказался шатким и ненадежным союзником. Даже донские казаки, чувствуя свою обособленность от Малороссии, не столь активно помогали восставшим, как того хотелось Хмельницкому. Польша оправилась после нескольких ощутимых поражений и стала наращивать свои военные силы, что грозило длительной и изнурительной войной для обеих сторон.

Гетману, чтобы отстоять казацкую свободу, срочно нужны были надежные и сильные союзники, и невольно взоры его с надеждой обратились на Запад. Там

были Венгрия, Австрия, Швеция — исконные враги Польши. Удастся ли их вовлечь в антипольский союз и кто это сможет сделать?

Видимо, Хмельницкий не мог послать в эти страны официальные посольства, поскольку стремился как можно дольше сохранить в тайне свои обширные планы. Разглашение их грозило осложнениями отношений со многими государствами, и в первую очередь с Россией. Поэтому оставался единственный вариант: доверить выполнение этого поручения в частном порядке очень надежному, ловкому и умному человеку, имевшему опыт дипломатических переговоров с высокопоставленными государственными лицами.

Неизвестно, колебался ли Хмельницкий в своем выборе, но неофициальное посольство в Европу было отправлено. Возможно, что ради этого он и отказывался выдавать Акундинова Москве, приберегая его для осуществления своих политических замыслов. В конце 1650 года Тимошка тайно выехал в Трансильванию. Перевернулась еще одна страница бурной жизни 11-го самозванца.

12

ТРАНСИЛЬВАНИЯ И ШВЕЦИЯ

Спешу предупредить читателя, что в документах об Акундинове и в трудах историков нет ни строчки о его тайной дипломатической миссии. Но кое-какие намеки в его письмах, сам характер его поездки и дальнейшее развитие внешнеполитических событий дают основания предполагать, что эта миссия была осуществлена и результаты ее весьма значительны.

Документальных подтверждений этому нет, но можно смело утверждать, что Акундинов в Трансильвании успешно справился с поручением. В начале 1651 года, в ответ на посещение Акундинова, к Хмельницкому прибывают официальные послы от князя Ракоци¹ и ведут переговоры о том, как совместными усилиями окончательно уничтожить Польшу, разделив ее между Украиной и Трансильванией. На польский трон решено было посадить младшего брата Георгия Ракоци.

О подобных замыслах Хмельницкого и Ракоци московскому правительству стало известно со слов грека Мануйлова и серба Данилова, которые прибыли в Москву в середине 1651 года и в расспросе показали:

«Да в великий же де пост посылал гетман Хмельницкой ис Корсина, а тот Корсин от Чигирина 18 миль, послов своих к венгерскому королю к Ракоцу, с тем, что он, король, на своем слове, что ему, гетману, обещал, стоять учнет ли? А слово де меж ими за клятвою было то, что ему, венгерскому королю, чинить на ляхов войски своими помочь, а гетману де учинити промыслом своим королем на Коруне Польской брата ево роднова меньшово. А договореность де на том, что тому королевскому брату наперед креститца в православную христианскую веру греческого закону и ляхов и жидов вывести ис Польши и Литвы всех, чтоб учинить в Польше и в Литве православная христианская вера греческого закону одна. И венгерского де короля пришли к гетману перед их поездом за неделю 2 посла, а сказывают, что люди честные. А прислал де венгерский король к гетману с тем, что он, король, на своем слове стоит и брата своего в христианскую веру дает. А он бы, гетман, также на своем слове стоял и брата ево на

---

¹ Герцог Дьердь (Георгий) II Ракоци владел землями Венгрии и Трансильвании, вассал Турции.

Коруне Польской королем учинил. А у него де, короля, ему, гетману, венгерсково войска на помощь готово с тем братом его 60 000, и пришло де то войско блиско границы польской меж Кракова и Львова»¹.

Хмельницкий вскоре заключил с Ракоци тайный договор, согласно которому «седмиградский князь должен напасть на Краков в то время, когда козаки будут громить Польшу с востока»².

Но союзники понимали, что даже их соединенных сил будет недостаточно для сокрушения такого могучего противника, как Польша, поэтому решили вовлечь в союз и Швецию, выделив ей северную часть королевства и Лифляндию.

После недолгого пребывания в Трансильвании Акундинов, снабженный рекомендательными письмами Ракоци, выезжает через немецкие княжества и Ревель в Стокгольм, столицу Швеции.

Здесь он необычайно быстро завоевывает доверие и покровительство государственного канцлера Оксенштирна и секретаря иностранных дел Розенлинда, а также благосклонность и других влиятельных лиц. При их содействии он вскоре получил аудиенцию у королевы Христины, предоставил ей верительную грамоту, удачно объяснил поручение Хмельницкого и обратился с просьбой о покровительстве. Которое и было ему обещано.

Акундинов привез в Стокгольм заманчивое политическое предложение, поэтому и встретил со стороны королевы благосклонное отношение. Но надо учитывать и романтическую судьбу москвитя, и его красноречие, и внешнюю привлекательность — видимо в силу всего этого молодая капризная королева проявила

---

¹ Воссоединение Украины с Россией. Т. III, № 34.

² *Костомаров Н.И.* Богдан Хмельницкий. Репринтное воспроизведение издания СПб., 1884. М., 1994, с. 443.

к Акундинову нечто большее, чем просто королевскую учтивость. До конца его дней она оказывала Тимошке посильную помощь и монаршую милость.

Королеве Христине в то время было двадцать пять лет. Ее успехи в науках и в изучении иностранных языков поражали современников: она знала немецкий, датский, голландский, итальянский, испанский, греческий и латинский. С увлечением читала Эзопа, Ливия, Цезаря, Вергилия, цитировала греческих историков. Латинским языком она владела настолько, что в двенадцать лет произнесла на нем длинную речь. Увлекалась астрономией и собиранием монет...

Акундинов перед аудиенцией общался с Оксенштирном на латинском языке. Видимо, на этом же языке он разговаривал и с королевой Христиной. Но уже спустя не более двух месяцев он пишет длинные письма на немецком. Способности этого человека просто поражают! Не исключено, что он мог общаться с королевой и на итальянском, так как знал и этот язык. Во время своего пребывания в Польше Акундинов увлеченно занимался астрологией. Разумеется, все эти увлечения и познания привлекали внимание королевы к посланнику Хмельницкого, что способствовало успеху его миссии.

Пребывание Акундинова в Стокгольме продолжалось около трех месяцев. После того, как из Москвы пришла грамота с просьбой о его выдаче, он был тайно отправлен из страны. В Москву же было послано письмо, в котором королева писала, что ей не известен Тимошка. Но если это лицо является послом князя Ракоци, то он пребывал в Стокгольме под именем Sinensis и ныне отбыл в Трансильванию.

Но слуга Акундинова, Конюховский, был все-таки пойман и выдан московскому гонцу Яныклычу Челищеву. 28 мая 1652 года он был доставлен в Москву.

ДРУЖБА ДВУХ ПОДЪЯЧИХ. ПОКАЗАНИЯ КОНЮХОВСКОГО

Стоит остановиться немного на личности Константина Конюховского.

Трудно сказать, что связывало его с Акундиновым. И Олеарий, и официальная версия московского правительства утверждают, что причина их союза — воровство и разгульный образ жизни, к которому оба стремились в одинаковой степени. Но, читая письма Конюховского, которых также сохранилось немало в архивах, не чувствуешь, что их писал отпетый злодей и мошенник. В письмах Конюховского к Акундинову нет панибратства, что вроде бы следовало ожидать, но есть почтительное уважение, даже некоторое преклонение перед Акундиновым. Не страх, не раболепство, но верная и бескорыстная преданность.

Если трезво взглянуть на их похождения, то следует спросить: был ли Конюховский счастлив, скитаясь с Тимошкой по странам, городам и весям? Терпя постоянные лишения, голод, холод, преследования, пребывая в тревогах и непрестанных заботах? Видимо, нет...

Были, конечно, у них и времена относительно благополучия и материальной обеспеченности. Но только не это связывало Конюховского с самозванцем. Скорее всего, это была бескорыстная и верная мужская дружба, еще столь поэтично воспетая в античном мире. Не будь этого мужского начала в их взаимоотношениях, смог бы Конюховский долго терпеть подобную жизнь? А что жизнь у него была далеко не легкой, это очевидно.

«Несказаны мои беды и терпение от голоду и холоду. А того всего было на море десять недель. А потом с великою нужею заехали в сторону, в Березовы острова. Благодарю Господа Бога моего, што хотя уж к сухому берегу прибился. Я, вышетчи из шкуты, што был шкиперу за провоз и за харч должен, оставил Петра Белоусова приказной ковер и испод русачей, а сам с великою нужею, наг и бос и голоден и языка и дороги незнаючи, пешо до Канец, двадцать четыре мили (более 100 км. — В.К.) шол, а в Канцы пришол, у Петра Номерса выпросил полталяра. Ох, ох! Не радостны вести доходят: гонители и ратники сурово наступают. В Нарве и Ревеле их полно.

...От жалости и от кручины чуть жив. Отовсюду страх, а заступника и помощника нет и бедной голове подклонить негде. В Нарве зраицов полно: не жалел бы голову свою с славою положить за своего государя, помнячи ево государскую к себе милость. Жаль того, што нельзя сгинуть»¹.

Такие лишения претерпел Конюховский, отыскивая Тимошку в Лифляндии. А до этого было несколько лет скитаний в Турции, в Сербии, Италии, на Украине...

Соловьев Сергей Васильевич (не путайте с историком С.М. Соловьевым), профессор русского языка в гельсингфорском университете (1830—1843), известный археографическими изысканиями в архивах Швеции, автор небольшого исследования о жизни Акундинова, был восхищен взаимной дружбой этих людей. Хотя он по-своему объясняет их взаимоотношения, но строки его столь выразительны, что трудно удержаться от цитирования:

«В Польше, Турции, Запорожье, в Трансильвании, Эстляндии и Швеции, в счастье и несчастье, в горе и

---

¹ Журнал «Финский вестник», №1, 1847, с.15.

радости, в изобилии и крайней нищете, нигде и никогда не переменялся Конюховский в своих раболепных отношениях к Анкидинову и удивлял не только приверженцев и друзей, но и самих врагов самозванца своею к нему любовью и привязанностью. Такие странные отношения между двумя злоумышленниками, равными по происхождению и званию, но жертвовавшими равенством, один для лжепринятия высокого сана боярина и ближайшего родственника царствовавшего незадолго пред тем государя, другой для унижительного звания слуги, по справедливости изумительны. Жертвы были неравные, но в злодейских замыслах равно необходимые! Конюховский, как мы увидим впоследствии, ни в тяжелых оковах тюремного заключения, ни в мучительных пытках допроса, ни на плахе торговой казни, не изменил своему характеру и своей искренней и как бы закоренелой преданности к Анкидинову»¹.

Иоганн де Родес, сын выходца из Брабанта, поверенный по торговым делам при шведском посольстве в Москве, так описывал в своем донесении королеве Христине подробности доставки Конюховского в Москву:

«27-го числа этого месяца прибыли сюда посланники, бывшие в Швеции, и привезли с собой Костку Конюхова, но так, как уже было несколько поздно и близко к вечеру, то они должны были провести ночь в Тверском предместье. 28-го он с внушительной процессией проведен через город, сопровождаемый по обоим сторонам, спереди и сзади 50 стрельцами с их заряженными мушкетами, на шее у него было толстое железное кольцо с большой железной цепью, которая шла по спине, была закована вокруг пояса и была прикована к колоде, обе руки были связаны за спиной и (его

---

¹ Журнал «Финский вестник», №1, 1847, с.17.

вели на) 4-х веревках, (привязанных) одна спереди к шее, по одной за каждую руку и одна сзади к спине; все были длиной 3 аршина, чтобы он мог так идти один и его можно бы было лучше видеть: впереди ехал верхом один человек, который кричал простому народу, это изменник его царского величества и всей земли, сделавшийся «бусурманом», т.е. язычником, сзади него ехал посланец Енаклич, писец (подъячий) и переводчик; как только он (Костка) прибыл в Кремль, был он допрошен в Посольском приказе и тотчас после полдня подвергнут пытке; для выслушивания показаний его царское величество назначил Бориса Ивановича Морозова и Трубецкого, но упомянутый Морозов сначала извинился и не желал выслушивать показаний, пока не было приказано быть с ним вместе князю Никите Ивановичу Романову, что и было сделано и г. Романов был также при этом, и как я лишь впопыхах мог узнать, пытка была произведена свыше всякой меры — именно сначала были вывернуты члены и затем били кнутом, и после того жарили на огне, после чего рвали раскаленными щипцами, но что ему за обвинения предъявлялись и в чем он мог сознаться, еще нельзя было узнать, но об этом будет донесено...»

Всепогоднейший *Иоганн де Родес*.

Москва, 31 мая 1652 г.»¹.

Через несколько дней де Родес вновь доносит королеве о Конюховском:

«...Слуга *Sinensis* 'а Костка Конюхов до сих пор много раз подвергался пытке, и все до такой степени держится в тайне, что об этом нельзя узнать ни малейшего;

---

¹ Сборник Новгородского общества любителей древности. Выпуск VII. Арсеньевские бумаги, документ LXVIII. Новгород, 1915.

а также один дьяк, который был в Астрахани или Казани, недавно привезен сюда и был подвергнут пытке; он раньше, как говорят, был в Разбойном Приказе и знал о бегстве Sinensis'a и его слуги Костки; также один Иван Исаакович Патрикеев, который до этого был дьяком и посланцем в Дании, и уже до этого однажды сидел за приставами из-за этого дела, теперь был потребован в Кремль и боярин Илья Данилович снова допрашивал его по этому делу; сколько мне известно этот (Патрикеев) также раньше, кажется, был с посольством в Константинополе, и там был знаком с этим Sinensis'ом; после допроса его (Патрикеева) снова отпустили домой, но когда его чрез несколько дней снова потребовали в Кремль, он был до такой степени охвачен страхом, что не долго спустя отдал Богу душу; он, однако, в течение своей жизни при нынешнем правительстве употреблялся в Датском посольстве по поводу графа Вольдемара и навряд ли ожидал, что после того будет обвинен и подвергнут пытке, многие же частные лица считали его умнейшим человеком во всей России.

Достоверно известно, что при последней пытке Костке был объявлен его приговор, именно, что на другой день с него с живого будет снята кожа, потому что он во время бывших пыток не дал ни малейших показаний и не отвечал ни на какие вопросы, и даже, что гораздо больше, он не выказал ни малейшей чувствительности при таких ужасных муках, но этого (казни) еще до сих пор не произошло; некоторые думают, потому, что так как он (Костка) при последней пытке на огне остался почти мертвым, то он слишком слаб для такой казни, поэтому будут залечивать все его раны; другие думают, что вышеупомянутый дьяк сделал некоторые признания, почему его (Костку) должны дальше допрашивать...»¹

---

¹ Сборник Новгородского общества любителей древности. Выпуск VII. Арсеньевские бумаги, документ LXI. Новгород, 1915.

Но все же Конюховский под мучительными пытками сделал некоторые признания (напомню, что на очной ставке с Акундиновым он полностью отказался от них). В настоящее время его подлинные «расспросные речи» утрачены, но историк С.М. Соловьев читал их и привел из них некоторые выдержки:

«Спознался я с Тимошкою, как сидел я в Новой Четверти в подъячих и жил у него. И как его Тимошкина мать вышла замуж, а он Тимошка затягался (т.е. стал судиться. — *В.К.*) со многими людьми и в то время, осердясь на мать свою, начал мыслить, как бы убежать в Литву, и ему, Костке, про то говорил, чтоб им вместе бежать в Литву и там им будет хорошо. И побежали мы с ним в Литву. И в ту ночь, как побежали, Тимошка сына своего и дочь отвез на двор к Ивану Пескову, а свой двор и жену сжег. Побежали мы из Москвы в Тулу, наняв тульского извозчика, из Тулы побежали в порубежные города проселочными дорогами и прибежали в Новгород Северский, откуда отвели нас к королю в Краков. Тимошка в те поры назывался Иваном Каразейским, воеводою вологодским и наместником великопермским, а из Литвы они сошли в Царь-город, и тут Тимошка назывался государским сыном Шуйским. А идучи в Царь-город, оставил Тимошка меня, Костку, в Болгарской земле, и я был тут шесть месяцев, а Тимошка в Царе-городе бусурманился без меня; а из Царя-города Тимошка ушел и был у папы в Риме и сакрамент (святое таинство, причастие. — *В.К.*) принимал, а из Рима шли на Венецию и на седмиградскую землю, и на иные государства и пришли в Запороги к гетману Богдану Хмельницкому. А назывался Тимошка государевым сыном Шуйским с Царе-города, потому что он звездочетные книги читал и остроломейского (астрология. — *В.К.*) ученья держался, потому что он

был нескудный человек и было ему, что давать, и в Литве он в досталь тому научился, и та прелесть на такое дело его и привела. А я, Костка, звездочетью не умею и остроломен не знаю и затем не хаживал. А в том я перед Богом грешен и перед государем виноват, что Тимошку слушал и государю изменил с глупости. Печать у Тимошки была у государевой поместной грамоты на красном воску, и с той печати в Риме печать он сделал, вымысля сам собою. А как он приехал к гетману запорожскому и помощи себе просил, и Хмельницкий его у себя держал в чести и хотел ему помогать, и Выговский ему учинился друг большой и также ему помогал и к Рагоци венгерскому об нем писал с прошеньем, чтоб он, Рагоци, ему, Тимошке, помогал и к шведской королеве об нем писал; и Рагоци к шведской королеве писал, и по тому письму шведская королева Тимошке и поверила; а будучи Тимошка в Швеции, принял люторскую веру, а я, Костка, веры христианской не отбыл, папежской и люторской веры не принимал и не бусурманен».

После трех встрясок и 15 ударов Костка говорил прежние речи.

10 июня была новая пытка — встряски жестокие и 15 ударов, после чего сказал: «Как Тимошка был в Царе-городе, и он у султана помощи себе просил, ратных людей, хотел идти под Астрахань и Казань, да хотел ему в том помогать астраханский архиепископ Пахомий и дворовые его люди, потому что архиепископ ему давно знаком и дружен, с тех пор как были на Вологде вместе».

После этого была другая пытка: встряска и 16 ударов и на огне жгли дважды: говорил те же речи. 14 июня Костка сказал: «Как был Тимошка у Хмельницкого и слышал о псковском смятенье, то начал просить гетмана, чтоб отписать об нем к шведской короле-

ве, и Хмельницкий отказал, потому что у него ссылки с шведскою королевою нет, а напишет об этом к Рагоци. А мыслил вор Тимошка упросить у королевы, чтоб ему позволили жить в Швеции подле русской границы, чтоб ему, спознавсья и сдружась с пограничными немцами, ссылаться чрез них с псковскими мятежниками. Теперь своему замыслу Тимошка ни от кого помощи, кроме черкас, не чает, писарь Выговский ему друг и брат названный, по нем он надежду на черкас имеет. Как был он у Хмельницкого, и в то время, умысля с Выговским, писал к крымскому, чтоб тот принял его к себе, но крымский ничего на это ему не отвечал»¹.

Конюховский упомянул «псковское смятение», которое произошло в 1651 году. Причиной ему послужил неурожай, утеснение московскими воеводами и московскими приказными людьми, стоящими во главе городской администрации. Псковичи выгнали их и организовали самоуправление. Вскоре к псковичам присоединился и Великий Новгород. Смятение продолжалось более полугода, и хотя было подавлено, но его отголоски чувствовались еще некоторое время. Возможно, Акундинов хотел каким-то образом использовать недовольство жителей Пскова и Великого Новгорода московской властью.

Надо сказать несколько слов и о Пахомии, архиепископе Астраханском и Терском. По сохранившимся скудным сведениям, он некоторое время жил в Вологде, при архиепископе Варлааме. В этом случае он мог хорошо знать Тимошку. В 1638 г. Пахомий был поставлен архимандритом Новгородского Хутынского Спасо-Варлаамова монастыря на место перешедшего на архиепископскую кафедру в Астрахань архимандрита Рафаи-

---

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. V. М., 1961, с. 609—610.

ла. По смерти последнего Пахомий занял его кафедру (1641). Обвинения Конюховского, скорее всего, были ложными, и вряд ли архиепископ Астраханский стал бы способствовать изменническим планам. Хотя не исключено, что он мог испытывать к Акундинову расположение и искреннюю привязанность.

Пахомий был известный книжник своего времени и составитель «Хронографа», в котором излагалась библейская, мировая и русская история. Весьма любопытно, что в своем сочинении он уделил внимание и родословной русских князей. Возможно, что эти его занятия оказали определенное воздействие на умонастроение Акундинова и подтолкнули его самостоятельно заняться подобными изысканиями. Умер архиепископ Астраханский и Терский 31 мая 1655 г. во время морового поветрия.

14

ГОЛШТИНИЯ. ПОИМКА САМОЗВАНЦА. КАЗНЬ ВО ИМЯ СОБЛЮДЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ

Еще более года остается Акундинов на свободе, странствуя по немецким княжествам и Голландии. Об этом периоде его жизни практически ничего не известно.

Из Москвы продолжали слать грамоты в Данию, в Голштинию, добиваясь выдачи самозванца. Официальная версия его преступлений остается та же, но теперь в каждой грамоте повторяется, что «те воры бегая меж государств всякую ссору чинили». Не намек ли это на то, что дипломатический характер путешествий Акундинова стал, наконец, известен Москве?

Московское правительство было обеспокоено: несколько шведских посольств пытались попасть к Хмельницкому, для чего просили разрешения проехать в Малороссию через территорию России. Должно быть, их сильно заинтересовало предложение о разделе Польши. Таковы были последствия поездки Акундинова в Швецию.

Но этот раздел Польши без участия России совсем не устраивал московское правительство, и оно энергично противилось этим планам. Хотя шведам в праве проезда через Московское государство отказали, но этого было недостаточно. Нужно было воздействовать и на Богдана Хмельницкого, главного инициатора этого раздела, и на его возможных союзников, и на его доверенных людей. Оставался на свободе и Акундинов, один из деятельных пособников казацко-шведского союза и слишком уж опасная своей неумной энергией фигура. Ради его устранения московское правительство пошло на крайние меры. Во время пребывания Тимошки в Лифляндии на его жизнь было организовано покушение. В нем участвовали новгородские купцы Микляев и Воскобойников. Только личное мужество, проявленное Акундиновым, спасло ему жизнь.

В Голштинии Акундинов был задержан и выдан московским представителям. Но это была корыстная сделка. Голштиния выдала Тимошку в обмен на аннулирование договора в отношении обременительной для себя торговли с Персией.

В 1634 г. послы от голштинского герцога Фридрика — Крузиус и Брюгеман (или Брюгман) — заключили с царем договор, по которому Голштиния получила право беспошлинно производить через Россию торговлю с Персией, обязуясь за это платить ежегодно России 300 тыс. рублей. Но эта торговля началась только

в 1636 г. Однако в 1640 г. герцог Фридерик (в русских актах называемый «князем») просил уничтожить договор, заключенный не по его наказу, а по самовольному соображению Брюгмана, за что тот и был казнен герцогом. Герцог просил выдать все бумаги, относящиеся к договору, но русские отказали и потребовали уплаты договоренных денег.

Однако обстоятельства переменились, когда Акундинов бежал в Голштинию и был там пойман. Из Нейштадта он был перевезен в Готторф. 2 декабря 1652 г. царь послал к Фридерiku гонца подьячего Василия Шпилькина с просьбой выдать Акундинова. 3 января 1653 г. послан с этой же целью новгородский посадский человек Петр Микляев, но герцог за выдачу самозванца потребовал выдачи бумаг, касающихся заключенного с Россией договора о голштино-персидской торговле. В мае 1653 г. русским правительством было постановлено возвратить герцогу все эти бумаги и разменять их в Любеке на самозванца. На этих условиях Акундинов был выдан русским и привезен ими в Москву. Яган Вилимов фон Горн, любчанин, за поимку Акундинова получил в 1656 году звание «гостя» и право беспошлинно торговать на 10 тысяч рублей в течение 8 лет.

Уже упоминавшийся торговый представитель при шведском посольстве в России, Иоганн де Родес, который весьма настойчиво собирал все слухи о самозванце и его похождениях, так описывал в своем донесении королеве Христине обстоятельства поимки и выдачи России Акундинова:

«Вашему Королевскому Величеству по глубокообязаннейшему долгу и смиреннейшему подданству было (послано) 25-го прошлого месяца (ноября) мое последнее (письмо). С тех пор в этом месте ничего особенно-

го не произошло, (кроме того) только, что Их Царское Величество отправили несколько дней тому назад к Их Герцогской Светлости Голштинии гонца, по имени Вассилия Шпилькина (Wassilli Spielkin), писца, который в прошлом году был послан с Янклычем Челищевым к Вашему Королевскому Величеству относительно Иоганна Синенса, или Тимошки Анкидинова; (гонец Шпилькин послан к герцогу Голштинии), чтобы требовать выдачи задержанного в его стране, именно в Нейштадте, двумя любскими гражданами, по имени Гуго Шокман и Яном фон Горном, Тимошки Анкидинова, как я подданнейше сообщил в своем прошлом (письме), и чтобы с первым удобным случаем доставить его (Анкидинова) сюда, которого они предполагают отвезти из Любека в Нарву. Относительно личности Тимошки Анкидинова было написано Их Герцогской Светлости с такими же формальностями, с какими было написано относительно его Вашему Королевскому Величеству, а вследствие того, что Ваше Королевское Величество написали по всему своему государству и по странам и издали указ, чтобы он, где бы ни был найден, был задержан и выдан посланным Их Царского Величества, то поэтому Их Царское Величество не сомневается также в том, что Их Герцогская Светлость не скроет такого предателя от его посланных, но повелит выдать головой. Общим гражданам Любека было послано в подарок через этого Шпилькина каждому по одному сороку (Zimmer) собольих шкур стоимостью в 100 руб., и им же было написано под печатью Их Царского Величества, чтобы они сюда приехали и хлопотали о некоторых привилегиях: Их Царское Величество желает оказать им этим милость за верную службу, которую они доказали Их Царскому Величеству арестом личности Тимошки Анкидинова. Без сомнения, город Любек будет очень

стараться, чтобы Их Герцогская Светлость выдал этого (Анкидинова) в надежде добиться, чтобы остальные пункты их старых привилегий относительно торговли, подтверждение которых не мог получить бывший здесь прошлой весной Гуго Шокман, теперь же, при этом случае, также получили бы подтверждение. Самая значительная и лучшая часть этих привилегий та, которую во времена царя Ивана Васильевича, когда он завоевал Лифляндию, получил город Любек, (именно) при этом царе (т.е. Иване Васильевиче) они имели всякого рода доступ и подвоз к Нарве, как это предоставил им высокочтимый и высокопокойный королевский высокий предшественник Вашего Королевского Величества; при этом они (любчане) настаивают на том, чтобы они беспошлинно торговали в Пскове и Новгороде и, кроме того, могли бы чеканить в этих обоих городах русские монеты. Однако получают ли они это, покажет время»¹.

По дороге в Москву, уже на территории России, утратив, видимо, надежду на освобождение, Акундинов пытается покончить жизнь самоубийством и выбрасывается из повозки под колеса. Может быть, это была неудачная попытка к бегству?

Теперь его уже прикручивают к повозке и в таком положении привозят в Москву. Там его ожидает пытка и почти немедленная смерть.

В своем рассказе о Тимошке Олеарий отметил одну любопытную деталь: польское посольство намеренно провели мимо места казни Акундинова.

В отличие от Олеария, который описал эту казнь с чужих слов, Иоганн де Родес сам присутствовал на ней

---

¹ Сборник Новгородского общества любителей древности. Выпуск VII. Арсеньевские бумаги, документ LXVIII. Новгород, 1915.

и сохранил интересные подробности. К сожалению, это письмо до сих пор не переведено на русский язык, поэтому ограничусь его кратким пересказом. Чтобы лишить Акундинова возможности говорить, ему была вложена в рот большая палка, удерживаемая во рту преступника с помощью завязанной сзади веревки. Его вели на казнь около польского посольства, чтобы показать, что, несмотря на нежелание Польши выдать изменника, он все-таки в руках русского правительства. Перед казнью подвели к нему мать и сына, но он их не признал. Его четвертовали, а потом мимо него провели польских послов.

Таким образом, де Родес увидел в этих действиях лишь желание московского правительства подчеркнуть свое умение самостоятельно решать сложные дипломатические вопросы и пресекать нежелательные для себя действия. Но, скорее всего, он ошибался. Эта казнь имела другой смысл.

Алексей Михайлович в течение нескольких лет прилагал немалые усилия к тому, чтобы предотвратить неизбежную войну с Польшей или хотя бы максимально выиграть время с целью подготовки к ней. Хмельницкий одерживал победы, и терпел поражения, и неоднократно обращался к царю с просьбой принять Малороссию в состав России, но целых пять лет не получал определенного ответа. Подобную осторожность он воспринимал как личную обиду и намеренное пренебрежение интересами Украины. Хмельницкий не отличался сдержанностью и в минуты гнева часто повторял:

— Я к москалям с искренним сердцем, а они надо мною насмеваются. Пойду и разорю Москву, хуже Польши!

Из-за обиды и отсутствия сильных союзников шел он на союз то с Крымом, то вынашивал планы найти все же общий язык с польским правительством, то хо-

тел отдаться со всей Украиной в подданство турецкому султану, то искал себе опору в Трансильвании и Швеции. В минуты же наибольшего раздражения он был готов идти войною на донских казаков, Россию и Молдавию и страшно наказать их за пренебрежение интересами Украины. Должно быть, московским послам нелегко было все эти годы сохранять в гетманском сердце надежду на царя.

Но не легче было и России постоянно уверять польского короля Яна Казимира в своих мирных намерениях. Дипломатические усилия Акундинова, несомненно, стали известны Польше, и это дало ей повод подозревать Россию в тайных умыслах и кознях. Видимо, в Польше предполагали, что и московское правительство прилагает руку к сколачиванию антипольского союза. Это грозило серьезными осложнениями в отношениях между государствами: польский король мог заключить с Хмельницким мирный договор и объявить войну России. Не был надежен и гетман со своими ближайшими сподвижниками — они, скорее, стремились к равноправному союзу с более культурной Польшей, нежели в подданство полуварварскому Московскому государству, поэтому такой союз мог состояться при обоюдных умеренных уступках.

В такой сложной ситуации России приходилось прилагать невероятные усилия, чтобы сохранить хотя бы относительную политическую стабильность. Акундинов и явился той фигурой, устранив которую, московское правительство могло доказать Польше свою непричастность к антипольскому союзу и в то же время помешать Хмельницкому вести собственные дипломатические игры.

Вот почему казнь Акундинова была поспешной и состоялась в присутствии польских послов. Это была

жертва незначительной фигуры в большой международной политике.

Подготовка к войне с Польшей началась в России уже летом 1653 года, то есть за полгода до казни Акундинова. Подобные действия вряд ли укрылись от внимания польских дипломатов, и нужны были какие-то ответные шаги на их вопросы и протесты. Казнь Акундинова должно была выглядеть и как некий миролюбивый шаг и демонстрация готовности к сотрудничеству.

15

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНИХ ПЛАНОВ

Остается добавить совсем немного.

Спустя месяц после казни Тимошки Малороссия присоединилась к России. Спустя полгода, летом 1654 года, Россия двинула свои войска на Польшу и тем самым опередила намерения других сторон. На следующий год, предварительно известив царя Алексея Михайловича, войну с Польшей начала и Швеция. Надо признать, что русская дипломатия сумела отстоять свое право участвовать в разделе земель своего западного соседа.

Королева Христина летом 1654 года отказалась от трона и уехала в Италию, где и умерла спустя 35 лет.

Относительно Ивана Патрикеева сведения расходятся. Иоганн де Родес получил сведения о том, что он умер в конце 1653 года. Но из некоторых документов следует, что этот искренний покровитель Акундинова жил еще долго и незаметно и умер, предположительно, уже во времена Петра I.

Константин Конюховский был наказан — ему отрубили три первые пальца на левой руке и сослали в дальний город Сибири. После этого он навсегда исчезает из исторических документов.

Гетман Богдан Хмельницкий умер в 1657 году, так и не успев осуществить свои замыслы политической независимости Украины. Названный брат Акундинова, Иван Выговский, получил на казацкой раде гетманскую булаву и начал действия с целью отсоединения от России. После военных неудач бежал в Польшу, где и был расстрелян как бунтовщик.

Но все же дипломатические усилия Акундинова не пропали даром: союз, о котором он хлопотал, состоялся. Незадолго до смерти Богдана Хмельницкого, в начале 1657 года, был заключен договор между Швецией, Трансильванией, Бранденбургом и Украиной о разделе Польши. Королю шведскому должна была достаться Великая Польша, Ливония, Гданьск с приморскими землями; бранденбургскому курфюрсту — все польские владения в Пруссии, Ракоци — Малая Польша, Великое княжество Литовское, княжество Мазовецкое и княжество Русское (Червонная Русь). Украина с остальными южнорусскими землями по этому договору признавалась навсегда отделенной от Польши. Россию в этот союз не пригласили.

Ободренные этим союзом, шведы стали претендовать на Литву, уже захваченную русскими войсками. Царь Алексей Михайлович должен был прервать победоносное наступление на западе и обратиться на север. Это было, конечно же, весьма нежелательное для России осложнение отношений с соседями. Тень Акундинова вновь замаячила на политическом горизонте...

Но это был лишь последний отголосок беспокойной жизни и деятельности 11-го самозванца.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

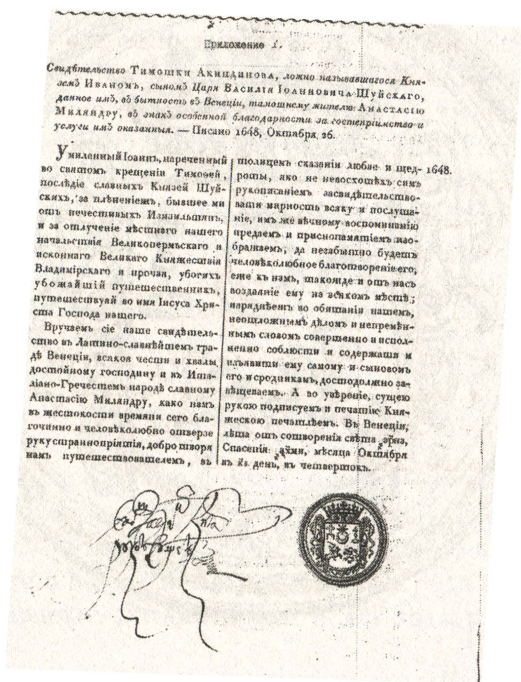
После смерти Акундинова прошло три с половиной века. И теперь вряд ли можно найти какое-либо серьезное подтверждение его родства с Шуйскими. Впрочем, нельзя и достаточно обоснованно доказать его обман. Поэтому вопрос об этой загадочной личности так и останется в нашей истории нерешенным. И хотя я, как автор, все же склоняюсь к мысли, что не все в рассказах Тимошки вымышлено, и даже уверен в том, что был он благородного происхождения, мне его трагедия видится в другом — в том, что он не был признан в России.

Можно только сожалеть, что этот необычайно одаренный человек не нашел себе достойного места и занятия на родине. Многочисленные его способности так и не были реализованы до конца, и его талант был растрочен на пустяки и бесконечную борьбу с обстоятельствами. В то время Россия была чрезвычайно бедна умными и образованными людьми, поэтому звезда Акундинова могла подняться очень высоко. Он мог украсить отечественную литературу и придать ей новое направление, мог быть великим дипломатом или государственным деятелем, которого Россия помнила бы и гордилась. Но судьба, в силу каких-то неведомых нам причин, не была к нему благосклонной. Родина отвернулась от него, и он умер в расцвете лет с постыдным клеймом негодя и обманщика.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Свидетельство Тимошки Акундинова, ложно называвшегося князем Иваном, сыном Царя Василия Иоанновича Шуйского, данное им в бытность в Венеции тамошнему жителю Анастасию Милярду, в знак особенной благодарности за гостеприимство и услуги, им оказанные. Писано 1648, октября 26.

Под этим свидетельством помещена приписка:
«Писал подьячий Костянтин Конюховский, его кня-
жеской милости жилец».

Такое же свидетельство дано иеромонаху Теофи-
лакту, настоятелю церкви Св. Георгия в Венеции.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Печать Акундинова, которая была изготовлена в
Италии.

Изображение увеличено.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Письмо Акундинова из Чигирина к путивльскому воеводе, боярину князю Семену Васильевичу Прозоровскому:

«Князь Семен Васильевич, государь!

Не тайно тебе о разоренье московском, о побоищах междоусобных, о искорененье царей и царского их рода и о всякой злобе лет прошлых, в которых воистину плач Иеремии о Иерусалиме исполнился над царством Московским, и великородные тогда княжата скитались по разным городам, как заблудшие козлята, между которыми и родители мои незатны и незнаемы в разоренье московское от страха недругов своих невольниками были и со мною невинно страдали и терпели, а сущим своим прозвищем, Шуйскими, не везде называться смели. Об этом житье-бытье нашем многословить не могу, только несчастью своему и бедам настоящее время послухом¹ ставлю, которое время привело меня к тому, что я теперь в чужой земле в незнаемости окован сиротством и без желез чуть дышу, и жалостную, плачевную грамоту к тебе, государю своему, пишу: прими милосердно и знай про меня, что я, обходивши неволею и окруживши турецкие, римские, итальянские, германские, немецкие и иные многие царства, наконец, и Польское королевство, не желаю никому на свете поклониться, кланяюсь и покорюсь только ясносияющему царю Алексею Михайловичу, государю вашему и моему, к которому я хочу идти с правдою и верою без боязни, потому что праведные царские свидетельства и грамоты, что при себе ношу, и природа моя княжеская неволею и нищетою везде светится, чести и имени гласовитого своего рода не умаляет, но и в далеких землях звонит и, как вода, размножа-

---

¹ *Послух* — свидетель.

ется. Все это делается на счастье и прибыль отечеству моему и народу христоименитому, на убыток и бесчестье государевым недругам, на славу великого государя, которого есть за мною великое царственнейшее дело и слово и тайна; для этого я в Чигирине никому не сказываюсь, кто я, во всем от чужих людей сердечную свою клеть замыкаю, а ключ в руки тебе отдаю. Пожалуй не погордись, пришли ко мне скрытно верного человека, кто бы умел со мной говорить, и то царственное слово и дело тайно тебе сказать подлинно и совершенно, чтоб ты сам меня познал, какой я человек, добр или зол; а покушавши мои овощи и познавши царственное великое тайное слово, будешь писать к государю в Москву, если захочешь, а ключи сердца моего к себе в руки возьмешь, с чем я тебе, приятелю своему, добровольно отдаю. Знаю я московский обычай, станешь писать в Москву об указе теперь прежде дела, а пойдет на протяжку в долгий ящик, но я ждать не буду, потому что делаю это ни для богатства, ни для убожества, но, пока плачевного живота станет, орел летать не перестанет, все над гнездом будет убиваться».

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. V, с. 565—566.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Письмо Акундинова из Киева посланнику Василию Унковскому в Чигирин:

«Василий Яковлевич, государь!

Всемогущая Божия сила в моей слабости такую крепость учинила, что из смрадной челюсти турецкой меня освободивши, принудила, чтоб шел к Москве и покорился добровольно холопски его царскому величеству, государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всея Руси самодержцу, о чем я писал к нему,

государю, в Посольский приказ дважды, и указ мне был прислан с подьячим Тимофеем Мосолитиновым от государя. Но зависть вражия от Петра Протасьева стала и возбранила мне дорогу к государю в Москву, потому что он тайно совещался с богатыми, как бы изловить и убить неповинного. Несмотря на то, выполняя завет мой, я готов ехать к государю в Москву хотя и на вольную страсть, ничего не опасаясь по правде моей и невинности, готов показать ясно, что, хотя и в подьячих там был, однако благородия Шуйских княжат не лишен. Обещаюсь словом моим крепким и постоянным ехать к государю в Москву, если ты пожалуешь, захочешь со мною увидеться и поговорить дружеским обычаем, что воистину будет на пользу государеву делу и на прибыль, а тебе на честь и славу, потому что познаешь, какой цены мои камни, не найдешь темности в моей светлости. Пожалуй же, Василий Яковлевич, отпиши ко мне: учинишь ли так или не учинишь? И если захочешь учинить, то прошу, чтоб увидеться, пока его милость пан гетман не приехал, чтоб нам самим друг с другом рассудить, не ходя на суд; лучше будет, положившись на Бога, учинить по Богу, которому учинил я обет, что в Москву ехать желаю. Тот меня избавил и избавляет, уповаю, что и еще избавит от врагов моих».

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. V, с. 569.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Копия речи, говоренной Тимошкой Акундиновым на латинском языке, шведскому государственному канцлеру Оксенштирну в Стокгольме:

«Пресветлый и Высокородный Граф, верховный канцлер могущественной короны Шведской! Государь мой милосердный!

Со всенижайшею покорностью повергаюсь к стопам твоей светлости и предавая себя совершенно защите и покровительству твоего милосердия, слезно умоляю, как несчастнейший человек, жестоко притесненный и гонимый и, сверх иных величайших бед и несчастий, лишенный невинно чести, имущества и даже звания от враждебных преследователей всего моего родства и фамилии, весьма знаменитой в странах Московских. Проведши все годы жизни моей более в бедствиях, нежели в благополучии, более в несчастии, нежели в счастье, быв подвержен несказанным и неслыханным притеснениям и гонениям и, наконец, пораженный смертью родителя моего (случившегося по долгу природы), был я изгнан из отечества жестокосердными преследователями всей моей фамилии, с таким насилием, что принужден был покинуть мать мою, жену (которая по удалению моем из Москвы погибла несчастным образом) с малолетними сыновьями, все мое имущество и идти в поносную ссылку. Семь лет протекли, как, пламенея непрестанно неугасимую любовь к моему отечеству и помышляя всегда с новым и сугубым усилием о моем в него возвращении, я прилагал к тому неизчетные труды и всегдашние заботы. Не изчислю всех употребленных мною издержек и умалчиваю о довольно плачевной повести моего турецкого невольничества и об других приключениях, случившихся со мною в течение этого времени. Равно не упоминаю неизменной ревности и сердечной преданности моей к любезному моему отечеству, к которому пламенная любовь моя окончится не иначе, как только с моею жизнью, душевно скорблю, что во время пребывания моего в Константинополе я принужден был с пролитием крови моей лишиться напечатленного на мне знамения моей родины. После того, блуждая столько лет по Украине, готов был, при помощи Божией, вступить уже в пределы моего отечества, но слепая, закоренелая и как бы

крамольная ненависть ко мне вышеупомянутых моих преследователей в том мне воспрепятствовала, вместе с их внутренними древними и вновь восставшими несогласиями и раздорами, так что, забывая всю привязанность мою к несчастному отечеству, я вторично должен был удалиться в страны чуждые. Таким образом, я желал скорее сам претерпеть все причиненные мне обиды и злодеяния, нежели, отмщая врагам моим, нанести им какое-либо зло, хотя и имел всякую возможность и необходимые силы противостоять всем их насилиям. Руководимый единственно любовью моею к отечеству и желая ему всякого блага, я никогда не хотел и помыслить о чем-либо подобном и прибегнул потому к покровительству некоторых христианских Государей, от которых надеялся соболезнования и сострадания к моим несчастиям. В числе других мне казалось легче, или, скажу лучше, далеко пронесшаяся слава о человеколюбии и беспримерной милости Ея Величества, Пресветлейшей Королевы Шведской, побудила меня к тому, что я чрез Польшу, Трансильванию, Силезию, Саксонию и другие земли отправился втайне и под прикрытием чуждаго имени и чуждаго одеяния, поспешая, или, лучше сказать, летя сюда, подобно бедной невинной птичке, скрывающейся от хищного ястреба. Теперь я уже в сем славнейшем граде и повергаюсь всенижайше к стопам Вашего Высокопревосходительства, как несчастнейший и с прахом сравненный человек, происшедший не из последнего рода между прочими первейшими фамилиями Московского Государства и поныне везде тщательно старавшийся скрываться в неизвестности. Ныне же с полною и совершенною доверенностью к Вашему Высокопревосходительству я не боялся явиться публично и открыть перед Вами сокровенные скорби мои, да соблаговолишь воззреть на раны сердца моего очами сострадательного милосердия и простереть мне свою могущественную сенаторскую руку,

кою ты, при благословении Божиим, счастливо управляешь и держишь славное изумительными для целого мира воинскими подвигами и христианским евангелическим исповеданием царство Пресветлейшей и Всемиловитивейшей Королевы, твоей Государыни, быв назначен к этому высокому счастью всеблагим и всемогущим Богом с давнего времени.

Итак, подвигнутой христианским состраданием, не отринь меня, умоляющего о помощи, и поддержи сильною твоею десницею падающего под ударами кровавых рук врагов, ищущих моей гибели. Будь мне милостивейшим покровителем и патроном и окажи твое заступничество и ходатайство в прошениях, которыми я намерен умолять Ея Величество Пресветлейшую Королеву. Напоследок всенижайше прошу Ваше Высокопревосходительство, если по слабости ума моего, как бы уже помешанного от непрестанных житейских горестей, в этом челобитье моем (которое я потщился написать вдвойне, то есть на языке латинском и московском) чего-либо будет недоставать, снизойти и простить мне и соблаговолить милостиво не презреть меня, совершенно готового и совсем твоему служению предающегося.

Пресветлого Вашего Превосходительства
обязаннейший и всенижайший слуга

Иоанн Шуйский Москвитянин».

Журнал «Финский вестник», №1, 1847, с. 22—24.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

Копия с просьбы, поданной Тимошкою Акундиновым на немецком языке генерал-губернатору Эстляндскому во время заключения в Вышегородском Ревельском замке:

«Пресветлый Высокородный Граф! Государь мой милостивый!

Преславною и истинною верою перед Богом свидетельствуюсь, как человек невинности изгнанный из отечества и напрасно преследуемый, представляю Вашему Пресветлому Графскому Превосходительству сию памятную записку.

Проходит тому восьмой год, как я, испытывая недоброжелательство и тяжкие притеснения от Москвитян, по причине преследования моего родства и всей моей фамилии, невыразимую и никогда не слыханную враждою, по смерти отца моего, принужден был сделаться изгнанником из моего отечества, оставив в Москве жену и детей, которые после моего удаления погибли, как говорят, в пожаре. В странствовании моем по чужбине я прибыл сперва в Польшу, в город Краков, впрочем, с добрую рекомендацией из Москвы к его Величеству Королю Польскому, что можно видеть из данной мне Его Величеством оберегательной грамоты, с которою я отправился из Польши. После того, желая возвратиться в Москву через Валахию, на Дону захвачен был турками и отведен пленником в Константинополь, откуда с помощью Божиею и при содействии одного доброго моего друга освобожден был, что также видно из имеющегося при мне свидетельства. Будучи совершенно свободным, отправился я в Малороссию, лежащую на русской границе, к запорожскому генералу Хмельницкому, как можно усмотреть из данного им мне свидетельства. От генерала Хмельницкого, частью по его делам, частью же по моим собственным, был я рекомендован сиятельному князю Трансильванскому Георгию Ракоцкому с просьбою отправить меня, также при хорошей рекомендации, к Ее Величеству Королеве Шведской. По рекомендательной грамоте пресветлого князя Ракоцкого я получил от Ее Королевского Величе-

ства доброе решение не только в тайном поручении генерала Хмельницкого, но и в собственном деле моем, о секретном содержании того и другого донесу изустно Вашему высокографскому Превосходительству.

Под защиту, оказанную мне Ее Королевским Величеством и с ее оберегательною грамотою, находящеюся при мне, я приехал сюда в Ревель, не опасаясь и не страшась никого, и отсюда поехал в Нарву за оставленным мною там багажом. Из Ревеля отправился я в Нарву вместе с новгородским купцом Петром Микляевым, который под видом друга показывал ко мне всевозможное благорасположение, честил меня всяким почетом, предложил своих лошадей, уверяя, что я особенно ему понравился. Мы ехали большую часть дороги благополучно; неподалеку от одной корчмы, находящейся близ кирхи, встретил нас так же новгородский купец, по имени Максим Воскобойников, дядя Петра Микляева. Он воротился с нами в корчму и остался у нас до полуночи. Оба притворно уговорились между собою, как будто хотят поехать вместе в Ревель. Петр Микляев запечатал находившиеся при нем деньги и отдал фурману для доставления их в Нарву. Между тем, чтоб совершить их злодейский умысел, для вида отправились в путь и дождались, пока я и все люди заснут. После полуночи они оба воротились в намерении лишить меня жизни. Петр один, во время общего сна, тайком пробрался в избу, имея при себе меч, который я заметил, бросился к моему оружию, Максим же стоял у избы перед окном и смотрел на происходившее в избе, а я между тем закричал моему слуге. Не могли ничего сделать со мною, Воскобойников тотчас же уехал, а Микляев остался в корчме и в то же почти время, как и я, отправился в Нарву: про все это знает и переводчик Ганс Нопп. Прибыв в Нарву, я донес обо всем господину генералу в просьбе моей на Пет-

ра Микляева. Воскобойников, не успев совершить своего злодейского покушения на мою жизнь, готов был теперь убить меня на моей чести. Он склонил на свою сторону товарищем злодейских своих умыслов Ивана Тетерина, который тайно и заочно везде поносил меня злобною клеветою и привез из Новагорода такую грамоту, в коей столько взведено на меня клеветы и злословия, сколько можно только написать в пасквиле на невинного человека. В этой грамоте они ложно приписали мне чуждое имя, то есть назвали меня Тимошкою Акундиновым, а этим именем называется мой племянник Тимофей Анкидинов, который по сие время был в войске между Донскими или Запорожскими казаками и, может быть, жив еще доселе. По сказанной выше причине они везде провозглашают меня вором, перебежчиком, также бусурманом-туркою, обманщиком и самозванцем, быв посланы из Москвы моими заклятыми врагами преследовать меня за мое происхождение и мой род. Поэтому они суть враги моего имени. О чем я еще за три месяца перед этим доносил Ея Величеству, Королеве Шведской, и то известно также и Его Высокографскому Превосходительству господину государственному Канцлеру. Вследствие чего всенижайше прошу Ваше Графское Превосходительство милостиво соблаговолить дать веру приведенным мною грамотам, разрешить мое освобождение и не препятствовать мне отправиться в Стокгольм к Ея Королевскому Величеству, так как моим заключением под стражу этот путь мой был остановлен. Там намерен я, при помощи Божией, защитить и оправдать себя достаточно. Напоследок, покорнейше прошу Ваше Графское Превосходительство соблаговолить прибыть ко мне милостивым государем и покровителем и не отказать, по благосклонной милости Вашей, отправить с полученным мною от Ее Королевского Величества решением нарочного гонца к

князю Ракоцкому в Трансильванию, равно как и к генералу Запорожскому Хмельницкому, от которых я с особенными поручениями был отправлен в Стокгольм».

Журнал «Финский вестник», №1, 1847, с. 28.

Донесение королеве Христине из Москвы 25 ноября 1652 года:

«Вашему Кор. В-ству по глубокообязаннейшему и искреннейшему подданству 16-го этого (*месяца*) было (*послано письмо*), на которое дальше ссылаюсь.

Я не могу подданнейше не упомянуть Вашему Кор. В-ству, что позавчера прибыл сюда отправленный псковским воеводой гонец, с которым упомянутый воевода послал сюда в оригинале письма, которые ему писали из Любека двое граждан, по имени Гуго Шокман и Ян ван Горн (Jan van Googen), приблизительно такого содержания: он (*Гуго Шокман*) [он был отправлен в эту весну городом Любеком, чтобы получить подтверждение привилегий, полученных от этого царя, которые (*любчане*) до сих пор имели долгое время в Новгороде и Пскове, и он их все получил, исключая свободы пошрины и русских монет] старался для Их Цар. В-ства изменника мнимого Шуйского, или Тимошку Анкидинова, на каком бы месте он его ни нашел, захватить и поймать, завладеть его личностью и отправить к Их Цар. В-ству; раз так и представился хороший случай, когда он (*самозванец*) находился недалеко от Любека, в области герцога (Fursten) Голштинского, в городке Нейштат (Nije Statt), где они (*Шокман и Горн*) тотчас сами взяли его под арест и его личность наивернее обеспечили себе у герцога (*Голштинского*) представленным порядочным залогом; а так как в Германию было отправлено (*из России*) несколько (*лиц*), чтобы его (*самозванца*), где только могут его встретить, поймать, то они

(Шокман и Горн) между прочим Петру Микляеву (Peter Miclaof), русскому купцу, который тоже ради Анкидинова поехал в Голландию, писали, извещая его об аресте самозванца, чтобы он (Микляев) туда отправился и мог бы присутствовать при деле. Как я узнал, город Любек очень старается в этом отношении, в надежде этим более увеличить свои привилегии. Но я очень сомневаюсь, выдаст ли его Их Герцог. Светлость Голштинии городу Любеку, так как Их Герцог. Св. будут сильно соблюдать при этом случае свои собственные интересы и выдачу его отсрочат до тех пор, пока Их Цар. В-ство не выдадут Их Герцог. Светлости подписи и печати, которые Брюгман (Bruyhma) здесь оставил на 100 000 рублей во время предполагаемого персидского проекта.

Что теперь в здешнем месте будет предпринято в этом отношении и что у Их Г. С. и в городе Любеке последует, это скоро выяснится, о чем я Вашему Кор. В-ству при первом случае сообщу».

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1

ТАЙНА ЦАРСТВЕННОГО ПЛОТНИКА

Предисловие	5
1. «Непристойные речи» о российском государе	8
2. Детство Петра	14
3. Шотландец Менезис — первый воспитатель Петра	20
4. Начало увлечения «нептуновыми потехами»	29
5. Ботик Петра и строительство переславской флотилии	31
6. Год 1692-й. Перемены в Петре	51
7. Год 1694-й. Смерть матери и чудесное спасение на водах	82
8. Подмена	86
9. Федор Юрьевич Ромодановский	113
Заключение	116

Часть 2

ЗАГАДОЧНАЯ ИСТОРИЯ ОДИННАДЦАТОГО САМОЗВАНЦА

Предисловие	133
1. Московские акты и профессор Олеарий о самозванце	135
2. Что скрыто в протоколах?	154
3. Самозванец, его происхождение и покровители	158
4. Возможные родители Акундинова	162

5. Пытка	168
6. История рода Шуйских	176
7. Опала дьяка Патрикеева. Самозванец в Польше и Турции. Письма, декларации, стихи	187
8. Сербия. Содействие унии	200
9. Италия. Поиск покровителей	202
10. Герб и странные геральдические символы	205
11. У Богдана Хмельницкого. Тайная миссия	207
12. Трансильвания и Швеция	219
13. Дружба двух подьячих. Показания Конюховского	223
14. Голштиния. Поимка самозванца. Казнь во имя соблюдения дипломатических интересов	231
15. Осуществление последних планов	238
Послесловие	240
Приложения	241

Литературно-художественное издание

ИСТОРИЧЕСКИЕ СЕНСАЦИИ

Куковенко Владимир

КАК ПОДМЕНИЛИ ПЕТРА I

Редактор *В. Манягин*
Художник *Б. Протопопов*
Художественный редактор *А. Марычев*
Компьютерная верстка *А. Кувшинников*
Корректор *В. Авдеева*

ООО «Алгоритм-Издат»
Оптовая торговля
ТД «Алгоритм»: 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algoritm-izdat.ru>
Электронная почта: algoritm-izdat@mail.ru
Интернет-магазин: <http://www.politkniga.ru>

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**
E-mail: international@eksmo-sale.ru

Подписано в печать 14.12.2010. Формат 84×108^{1/32}.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44.
Тираж 3000 экз. Заказ №4102038

Отпечатано на ОАО «Нижполиграф»
603006 Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

ISBN 978-5-699-46857-7

9 785699 468577 >

Царь Петр – «первый революционер на троне» – был великий разрушитель национального уклада страны, символ неумного, поспешного и чрезмерно жестокого в своем нетерпении стремления во всем подражать Западу.

Пушкин, приступая в 1831 году к написанию «Истории Петра I», был полон бурного восторга и хотел восхвалить самодержца, как это он сделал в поэмах «Полтава» и «Медный всадник», но более тщательное знакомство с деяниями царя-реформатора не оставило от этого восторга и следа: Пушкин возненавидел Петра и называл его не иначе как протестантом, тираном и разрушителем России.

Зададимся неожиданным вопросом: а был ли Петр I русским человеком? Вопрос этот не столь абсурден, как кажется на первый взгляд. И задавать его впервые стали не сейчас, а более трехсот лет назад, но большей частью шепотом. Со страхом и смятением в сердце, глядя на странные причуды и страшные забавы царя, русские люди почувствовали смутное подозрение: немцы царя подменили!..

ISBN 978-5-699-46857-7

9 785699 468577 >